

○ АЛЕКСАНДР АМЗИРС ○

01

□

ЧЕРНЫЕ СЕРДЦА

▷

○

⊥

Annotation

Жизнь в Аду сурова и жестока, даже для "высших" слоёв населения, именно поэтому суккуб Эклипсо пытается найти способ вырваться из этого места. Демон Айзек сопровождает её в этом пути, однако у него совершенно другая мотивация и причины для этого путешествия.

Пролог

Ты сотворил моря и реки,
Вдохнул ты жизнь в сердца людей.
Но для чего, скажи на милость,
Играешь судьбами своих детей?

Глава 1: Гештальт

Не спеша идя по незнакомой улице, он был поглощён нахлынувшим потоком мыслей и абсолютно не поминал, куда именно направляется. Впрочем, это совершенно не интересовало его в данный момент. В любое время можно было просто расправить крылья и перелететь в нужное место; однако, во-первых, он не знал, куда именно ему сейчас лететь, а во-вторых, просто хотелось прогуляться.

Он остановился у табачного ларька и задумчиво стал рассматривать красочные прямоугольники сигаретных пачек.

«Нет, вряд ли это поможет. Да и абсолютно не хочется опять начинать, если уж быть откровенным», — думал он, ища знакомые названия и удивляясь настолько возросшим ценам, с тех пор как он бросил курить.

«Интересно, чем расплачиваются за сигареты в раю?», — пронеслась в голове забавная мысль.

Улыбнувшись, Айзек двинулся дальше. В алом небе суетливо мелькали крылатые силуэты, в воздухе пахло серой и в пространстве даже виднелись едва различимые частички пепла. Котёл, видимо, работал сегодня сверх нормы.

Эти мысли слегка отвлекли его, однако вскоре туман снова окутал сознание и он вновь побрёл по улицам города, не замечая задетых прохожих, не обращая внимания на их возмущённые возгласы. В глубине души, если, конечно, так можно выразиться в его случае, он в тайне надеялся спровоцировать конфликт с кем-нибудь, однако что-то такое, наверное, было сейчас в его спокойных, пустых глазах. Что-то такое, что заставляло встречных избегать дальнейшего контакта с ним.

* * *

Сам того не осознавая, он обнаружил себя у входа в отель. Некоторое время постояв в нерешительности возле входа, Айзек вошёл внутрь, почувствовав вдруг то, что бессознательно вело его сюда.

За стойкой его поприветствовала миловидная демонесса, улыбнувшись своей дежурной маской.

— Мне нужен номер с большой ванной, — не став осквернять себя масками, сухо сказал Айзек.

— С большими ваннами, номера на двоих и более. Вас устроит? — всё ещё пытаясь изображать любезность на усталом лице, ответила она.

— Ок. Номер на двоих.

— Хорошо. На какое время Вы хотите остаться?

— Настолько, чтоб хватило переродиться во что-то новое, — ответил Айзек, задумчиво разглядывая ручку в виде пера, лежащую возле регистрационной книги.

— Правильно ли я понимаю, что Вы хотите остаться на неопределённый срок? — без тени замешательства ответила она.

Айзек оценивающе взглянул на неё. Затем едва улыбнулся и ответил уже мягче:

— На одну ночь, моя дорогая. Достаточно будет и одной ночи.

В номере его ждал отличный вид из огромного окна, сквозь которое в комнату пробивалось красновато-жёлтое зарево, наполняя её тёплыми оттенками. А из холодильника на удивлённого Айзека набросился лайм, совершенно неожиданным образом оказавшийся

там среди прочих фруктов.

— Как же это кстати! Просто невероятно, — удивлённо воскликнул он, впервые за долгое время ощутив искреннее оживление.

Прихватив с собой на балкон бутылочку прохладного напитка, он достал телефон и принялся что-то искать в местной сети. Его интересовали услуги суккуба и выбрав подходящий вариант, он набрал номер.

* * *

— Привет, — сказала привлекательная, молодая девушка, входя в номер и цокая копытцами по мраморной плитке.

— Привет, — ответил Айзек, внимательно разглядывая её.

Не без удовольствия он отметил для себя красоту её истинных форм, хотя его интересовало сейчас вовсе не это. Боевая магия суккубов не действовала на демонов третьего круга, поэтому они могли видеть их настоящие тела.

— Меня зовут Айзек. Как называть тебя? — спросил он, улыбаясь.

— Называй меня, «Душа Моя», — игриво бросила она в ответ.

Улыбка вдруг сошла с его лица, а брови исказились острыми углами.

Почувствовав нарастающие искорки в воздухе, она оставила игривый тон и ответила, мягко улыбаясь:

— Эйко. Называй меня, Эйко.

Она присела на кровать, облокотившись на руки, чуть откинувшись назад и скрестив ноги.

— Так значит, Айзек, — протянула она, медленно осматривая его снизу вверх и слегка облизывая верхнюю губу.

— О, Дьявол, да оставь ты эти игры, — закатил он глаза и спокойно продолжил, — сегодня от тебя потребуется немного другое.

Она наигранно, обиженно надула губки и стала внимательно рассматривать свой маникюр.

Не обращая внимания на это театральное представление, Айзек продолжил:

— Я вижу тебе нравится играть свои роли, Эйко. Это как раз то, что мне нужно. Однако сегодня тебе нужно будет сыграть более серьёзную роль. В более серьёзной... хм... мелодраме. Справишься?

— О да, мой дьявол, — томно ответила она, глядя ему в глаза и медленно раздвигая ноги. — Ты пробудил огонь во мне.

— Для начала тебе нужно будет молчать, — ответил он, игнорируя её игру. — Затем, выбрав подходящий момент, выбранный тобой произвольно, ты должна будешь сказать, что любишь меня. Потом импровизировать.

Помолчав несколько секунд, он добавил:

— Мне нужно закрыть один свой гештальт наконец.

Она удивлённо вскинула брови, задумалась и через мгновение ответила, впервые серьёзно:

— Такое извращение будет стоить двойную плату.

— Ок, — ответил он. — Ах, и ещё одно. Сегодня тебя зовут — Немезида.

* * *

Через некоторое время он погрузился в широкую ванную. От воды исходил приятный аромат лайма, ловко разделённого им на две части острым кончиком хвоста.

— Всегда удивлялась, как вам удаётся не прирезать самих себя во сне этой штуковиной, — хихикнув, воскликнула Эйко, наблюдая за этим.

Он улыбнулся и приложил указательный палец к своим губам, намекая ей замолчать. Затем протянул руку в приглашающем жесте. Улыбнувшись в ответ, Немезида доверила ему свою ладонь и мягко скользнув в ложе ванны, прижалась спиной к его груди, слегка запрокинув голову.

Некоторое время они лежали молча, вместе откинувшись назад и расслабив свои тела в тёплой, благоухающей воде. В тусклом, красноватом, свете плавали облака пара, приобретая причудливые формы. Он поглаживал её тело, задумчиво глядя в потолок, затем слегка наклонился и прижался к ней щекой, прикрыв глаза. Довольно что-то мурлыкнув, она подалась ему навстречу.

В тишине раздался его тихий голос. Неожиданно мягкий и настолько наполненный теплотой, что её губы, невольно, слегка разомкнулись от удивления.

— Помнишь, как мы встретились впервые? Едва увидев тебя, я сразу почувствовал что-то, хотя и не придал этому особого значения. Как будто ледяное копьё вонзилось в моё чёрное сердце, настолько внезапно и стремительно, что вначале осталось незамеченным. Однако неизбежно начав таять, оно начало растекаться по венам обжигаящим потоком, — он легонько сжал её грудь, затем его ладонь продолжила свой путь к её животу, откуда, едва касаясь, отправилась к талии, где и остановилась наконец, продолжая поглаживать нежную плоть кончиками пальцев.

— Со временем я начал замечать нечто в твоих глазах. Нечто, такое тёплое, такое... нежное и родное, — поглаживающим движением щеки он слегка прижался к ней, едва касаясь кончиком носа её уха.

— Я начал замечать, как ты относишься к другим существам. Как взаимодействуешь с низшими или с незнакомыми. Ведь это один из немногих надёжных показателей того, какова есть твоя сущность на самом деле. Ты всегда была так добра, всегда пыталась сгладить углы и понять другого.

— Ты дарила мне такие радостные моменты. Окружала такой заботой и теплом, что я чувствовал себя... целостным. Чувствовал, будто нахожусь в совершенно другом месте, в другом мире. Прекрасном. В мире, более чувственном и живом, — приобняв, он прижал её к себе. Скользящим движением, она мягко накрыла его руки своими и начала поглаживать их, как ему показалось, слегка неуверенно, но с нежностью и теплом. — В мире, наполненном красками.

— Я не понимал, что происходит со мной, но прекрасно отдавал себе отчёт, что это происходит благодаря тебе. То, чего никогда не происходило раньше. То, чего никогда не испытывал до этого. Даже не знал о существовании подобного.

— Твоя улыбка заставляла улыбаться в ответ даже каменные статуи, — уголки его рта едва заметно приподнялись.

— Иногда, украдкой я наблюдал за тем, как ты играешь со своими волосами. Наблюдал за линиями твоего лица, будто мастерски высеченного из мрамора волшебными руками скульптора. Наблюдал за изгибами твоих прекрасных форм.

— Я готов был часами слушать твой голос, будто проникающий в самые глубины. Будто чудесная музыка, которой можно наслаждаться вечно.

— Куда бы ты не пришла, где бы ни появлялась, эти места словно озарялись сиянием. Словно, — он задумался, подбирая слова, — словно терялась вся их невзрачность и серость.

Словно от твоего прикосновения даже пустыни превращались в цветущие сады.

Он посмотрел на ладони, поглаживающие его руки, взял одну из них и начал нежно поглаживать её, слегка сжимая и разжимая, исследуя пальцами изгибы и холмики.

— От прикосновения твоих ладоней у меня замирало сердце. Я искал любой повод, любую случайность, лишь бы ещё хоть на секунду прикоснуться к ним. Ощутить твои ладони в своих. Ощутить эту горячую, нежную энергию.

На стенах сверкали капельки влаги, как миллионы звёздочек, зажжённых только для них двоих в этот миг.

— Этот... свет, исходящий от тебя, это тепло... всё это зажгло свет во мне самом. Однако, озарив при этом и то, что давно было скрыто во тьме, давно забыто, — он тяжело вздохнул, вдыхая аромат лайма.

— Пытаясь отблагодарить тебя за этот чудный дар, за этот свет, в искреннем порыве я захотел открыть тебе своё сердце. Но неосознанно исторгал из себя лишь тьму, ведь в этом чёрном сердце ничего другого, видимо, и не было никогда, — он ощутил, как по щеке покатила горячая капля, то ли от пара, то ли от чего-то другого.

Он замолчал на мгновение, снова сжав её в своих руках и ощущая биение сердец. Её грудь тяжело вздымалась и опускалась, затем она извернулась боком и слегка поджав колени, приобняла Айзека и прижалась ухом к его груди.

— В те моменты, ослеплённому этим внутренним светом, мне было невдомёк, что происходит. Лишь позже пришло понимание, что сперва нужно было очистить своё сердце, прежде чем... прежде чем сама знаешь, что.

Он нежно погладил Немезиду по голове и продолжил:

— Быть может этому чёрному сердцу просто не дано светить в ответ. И всё же... всё же прежним оно тоже уже никогда не будет. Познав однажды свет.

Он зачерпнул немного воды и тонкой струйкой очертил в воздухе путь от её плеча до ладоней.

— Ты, самое прекрасное, что случилось в моей жизни, Немезида. Самое светлое. Самое... настоящее, — Айзек высвободил намокшие крылья и расправив на мгновение, сомкнул их вместе, создав тем самым своеобразный кокон, закрывший их обоих от всего мира.

В воздухе снова повисла тишина, в которой слышались лишь их сердца. Потеряв счёт времени, они молча лежали в этой тишине, просто наслаждаясь ощущением близости, прижимаясь друг к другу.

Бесконечное время спустя Немезида вдруг высвободилась из объятий Айзека, и перевернувшись, оседлала его. Глаза её были влажными, то ли от пара, то ли от чего-то другого. Мягко обхватив руками его лицо, она заглянула ему в глаза и сказала то, что заставило его чёрное сердце разорваться на мириады звёзд, озарив своим светом всё пространство вокруг. Он ответил ей тем же и ещё нескончаемо долгое время они говорили друг другу множество жарких слов, заставляющих плавиться даже адские котлы. Слова, жар от которых ощущали в то бесконечное мгновение даже на небесах.

* * *

Открыв глаза, Айзек продолжал лежать и смотреть в потолок. Он пытался прислушаться к внутренним ощущениям, но пока было ещё не понятно, сработал ли его план или нет. Однако нужно было время, чтобы узнать это наверняка, поэтому легко отпустив эти мысли, он потянулся и поднялся с кровати.

Эйко, видимо, давно ушла, но он обнаружил на комодке записку, на которой коряво был изображён улыбающийся чёртик, прижимающий к груди огромное сердце. Под запиской были деньги, которые она так и не взяла.

Всё это заставило лицо Айзека расплыться в широкой улыбке. И вовсе не от оставленных денег, а из-за осознания того, что возможно он тоже помог Эйко закрыть какую-нибудь свою душевную потребность. По крайней мере он очень надеялся на это. И кстати, слово «душа», почему-то уже совершенно не смущало его.

Решив не осквернять своё тело одеждой, он вышел на балкон, широко расправил крылья и взглянул на открывшуюся панораму, вдыхая пепел и наслаждаясь заревом. Взглянул уже совершенно другими глазами. Он чувствовал себя наконец свободным.

Наконец ему пришло осознание того, что иногда мы просто не можем изменить внешние обстоятельства или как-то повлиять на них; как земной муравей не может повлиять на восход или закат солнца. Мы не можем заставить кого-то чувствовать то, чего в нём просто нет по отношению к нам.

Однако мы можем изменить самих себя. Изменить своё отношение к происходящему.

Страдать, радоваться или любить — на самом деле всё это исходит из нас самих. Внутри себя мы выбираем сами, как реагировать на внешнее.

И выбрав любовь, мы дарим её сами, не ожидая этой любви взамен, потому что знаем, что сами являемся её источником. Потому что эта чаша никогда не иссякнет, будучи однажды обнаружена во тьме наших чёрных сердец.

Айзек выбрал любовь. И с лёгким сердцем, с любовью и благодарностью отпустив прошлое, шагнул навстречу новому.

Глава 2: Надежда

— По-настоящему ощущать себя живой ты сможешь лишь тогда, когда поймёшь, что уже мертва.

— Но я не понимаю, как можно быть живой, будучи мёртвой? Это какая-то бессмыслица, — воскликнула Эклипсо.

— Посмотри на эти звёзды, Эклипсо, многие из них давно уже мертвы. Многих из них давно уже не существует в том месте, где их свет начал свой путь. Но этот свет всё ещё несётся сквозь вселенную. Свет мёртвых звёзд.

Костёр потрескивал в ночной тишине, освещая две одинокие фигуры посреди скалистых пустошей. Казалось, будто бы они были одни во всём этом мире. Как будто весь их мир состоял лишь из этого пятнышка света вокруг костра, окружённого непроглядной бездной.

— Пора ложиться спать, Эклипсо. Продолжим завтра.

Девушка слегка наморщила нос, однако не стала перечить. Во-первых, она слишком уважала своего отца. Во-вторых, это было просто бессмысленно.

* * *

Поднимая пыль, она кружила в диком танце вокруг каменных манекенов, выполняя безумные акробатические упражнения. Бездушные големы двигались стремительно, и всё же она была быстрее, смертоноснее, неуловимее.

— Довольно, — едва улыбнувшись, сказал старик, сидящий неподалёку, скрестив ноги.

Каменные фигуры тотчас рассыпались и растворились в воздухе.

Тяжело дыша, Эклипсо опёрлась руками о колени, пытаясь восстановить дыхание и вытерев пот с лица, оставляя на нём грязный след.

Чуть склонив голову набок, отец приподнял брови и посмотрел на неё с ехидной ухмылкой.

Взглянув на свою ладонь, она всё поняла, хитро прищурилась ему и дурашливо высунула язык. Затем резко развернувшись на одной ноге, рывком бросилась в сторону озера.

Целую вечность она неслась сквозь потоки воздуха, высекая искры из камней своими копытцами, прежде чем достигла наконец края обрыва и без всяких сомнений ринулась в пропасть, навстречу прохладным водам бездонного озера.

Кое-как стянув с себя одежду и выбросив её на берег, она раскинула руки в стороны, и улеглась спиной на убаюкивающую водную гладь. Прикрыв глаза от наслаждения, Эклипсо почувствовала, как расслабляющая нежность растекается по всему её телу. На голубоватой коже поблёскивали солнечные зайчики, отражённые от влажной поверхности скал, а в ушах звучала музыка озёрных глубин.

* * *

Риманата смотрел на исчезающую пентаграмму на тыльной стороне своей ладони и думал о времени. О времени, которого у него уже практически не оставалось. А ведь ему ещё столь многому нужно было научить её, столь многое рассказать. Нужно было отбросить всё лишнее и сконцентрироваться только на том, что действительно важно. Дать ей основы, из которых она сама смогла бы построить свой каменный сад. Свой нерушимый, тихий уголок, недоступный для того дикого мира, недоступный для внешних потрясений и бурь. Её личное бездонное озеро, из которого она всегда могла бы черпать энергию.

* * *

— Сконцентрируйся на том, что хочешь изобразить. Не пытайся казаться этим. Будь этим внутри и тогда внешний образ подстроится сам собой.

Он начертил в воздухе светящийся иероглиф и дунув на ладонь, направил его в сторону Эклипсо.

Прикусив нижнюю губу и задумчиво разглядывая висящий в воздухе иероглиф, она обошла вокруг него, затем протянула руку и попробовала прикоснуться к нему.

— Ай! — будто обжёгшись, она отдернула свою ладонь.

— То, что окружающие демонстрируют тебе с помощью внешнего, может ранить, может даже шокировать. Однако, это всего лишь мираж, Эклипсо, всего лишь маска. Смотри сквозь маску, сквозь этот мираж, который пытаются тебе подсунуть и тогда ты увидишь внутреннее, сокровище. Тогда ты увидишь истинную суть происходящего.

Она вновь посмотрела на иероглиф, медленно вдохнула воздух и протянула открытую ладонь.

Слегка дрогнув, иероглиф поплыл в воздухе и соприкоснувшись с её рукой, растворился в ней, освещая вены и артерии на своём пути по её телу.

— Ого!? — с восторженной улыбкой воскликнула Эклипсо.

Отец внимательно смотрел на неё.

— Обладая этим знанием, у тебя неизбежно возникнет желание самой воспользоваться этими миражами, этими масками. Если захочешь, ты с лёгкостью сможешь сама играть различные роли, устраняя препятствия на своём пути. Только помни, что у всего своя цена. Помни, что слишком заигравшись, ты навсегда можешь потерять саму себя. Стоит ли оно того или быть может, есть другой путь? Этот выбор предстоит сделать тебе самой. Запомни это хорошенько, Эклипсо.

* * *

Облизывая губы, она пристально смотрела на фиолетовые ягоды, искрящиеся в утренних лучах. Заурчавший желудок напомнил ей о том, что уже второй день он был пуст. Второй день в пути, по этим бескрайним просторам, без еды и воды, предоставленная самой себе.

Если её расчёты были верны, то только на третий день она сможет наконец добраться до нового иероглифа, оставленного отцом. И только с помощью полученных новых знаний, сможет определить безопасность пищи. До этого момента, любая еда, попадающая ей на пути, представляла для неё опасность. И одновременно с этим — невероятно дикий соблазн.

Её тело уже просто требовало насыщения, и рука сама собой потянулась к ягодам.

— Это тело, всегда чего-то требует, — вспомнила она слова отца. — Требуется постоянного внимания, постоянного насыщения. Если будешь потакать ему, однажды обнаружишь себя в его полной власти. И уже и не разберёшь, кто и кем управляет на самом деле. Бороться с ним бессмысленно, однажды ты всё равно сломаешься. Вместо этого, отдели своё сознание от тела и посмотри на него со стороны. И просто игнорируй его. Оно будет в бешенстве, будет угрожать тебе, будет давить на жалость, будет всеми хитростями склонять тебя к подчинению. Игнорируй его. Успокой свой разум, отстранись и займись своими делами. Займись тем, что нужно тебе, а не твоему телу. И рано или поздно оно смирится и отступит.

Эклипсо сжала кулак, закрыла глаза и стала напряжённо о чём-то размышлять. Однако вскоре её лицо разгладилось, она открыла глаза и улыбнувшись, сорвала ягоду, повертела её в руке и без колебаний выкинула себе за спину.

— Настанет время и я попробую сполна, а сейчас у меня другие задачи, — сказала она

сама себе и продолжила свой путь.

Риманата улыбался, глядя на горизонт.

* * *

Притаившись за валунами, Эклипсо наблюдала за крылатыми существами, кружащими низко над землёй и собирающимися у водопоя.

Их тела напоминали сплюснутые шары, с двумя длинными, остроконечными хвостами, располагающимися параллельно друг другу. Их кожа, с белым брюхом и серой спиной, была абсолютно гладкая и сверкала на солнце. Её позабавило и удивило полное отсутствие каких-либо конечностей у этих существ. Больше они напоминали какие-нибудь подводные организмы, и поэтому в воздухе казались чужеродными.

Внезапно её глаза сверкнули дьявольским огнём, в голове пронеслась шальная мысль, и она бросилась к одному из них. Не успев опомниться, существо взмыло в воздух, однако было уже поздно.

Смеясь и крича во весь голос, Эклипсо крепко прижималась к несущемуся сквозь пространство существу. Они вертелись в воздухе в разные стороны, пока она наконец не поняла, как управлять им, надавливая на определённые части.

— Вперёд! — закричала она во весь голос. — Летим домой, мой верный, плоскозадый, конь!

Пролетая над бездонным озером, она решила повеселиться на полную и направила существо вниз, задержав дыхание. Не сбавляя скорость, они нырнули под водную гладь.

Её догадка оказалась верна, это существо было амфибией и с той же лёгкостью, как и в воздухе, скользило под водой.

Во тьме озёрных глубин их освещали подводные растения, сияющие неоновым светом. Перепуганные стайки рыб разбежались в разные стороны, удивлённые такими странными существами, нарушившими покой их размеренной, рыбьей, жизни.

* * *

— Отец, этот мир — только иллюзия, так ведь? — сказала вдруг Эклипсо, задумчиво ковыряя веточкой в костре.

— Ты быстро выросла, Эклипсо. Слишком быстро, — произнёс он, глядя на огонь. — Да, твоя догадка верна. И совсем скоро я расскажу тебе всё. Совсем скоро, Эклипсо, — с грустью сказал Риманата, взглянув на свою ладонь.

— Ты готовишь меня к чему-то, отец, с самого детства. К чему? Где все остальные? Что произошло в реальном мире? Кто мы такие, в конце-то концов?! — на её языке вертелось ещё множество вопросов, множество невысказанных слов.

— Довольно! — строго произнёс Риманата.

Сам того не осознавая, он вдруг протянул к ней свою ладонь и погладил по голове.

— Всему своё время, Эклипсо. Я понимаю твоё любопытство, однако... всему своё время, — уже мягче сказал он. — Ты уже почти готова.

— Так зачем же тогда тянуть? — не унималась она.

Риманата хлопнул в ладоши и костёр погас, погружая их обоих во тьму.

— Что ты видишь, Эклипсо?

— Ничего.

— Почему?

— Потому что свет погас.

— Тогда покажи мне, чему научилась.

— Но, я не могу управлять этой реальностью.

— Даже узнав, что она иллюзорна?

Во тьме повисло молчание.

Внезапно в темноте мелькнула искорка, сопровождаемая удивлённым смешком. Затем эта искорка замелькала уверенней, пока наконец всё пространство вокруг не заискрилось миллиардами вспышек.

Эклипсо засмеялась уже во весь голос:

— Получается! Смотри, отец! Получается!

— Получается, — удовлетворённо ответил он ей, с улыбкой. — Ведь у тебя есть для этого все инструменты, нужно только разрешить самой себе воспользоваться ими. Разрешить самой себе создавать свою реальность вокруг себя, несмотря ни на кого и ни на что. Так смелей же!

Она вскочила на ноги и начала носиться вокруг, смеясь и хлопая в ладоши. В пространстве возникали искрящиеся образы, переливающиеся разными цветами. Образы из разных миров, о которых он рассказывал ей вечерами.

Риманата смотрел на веселящуюся Эклипсо и радовался вместе с ней этому моменту, подаренному ими самими для самих себя. Он хотел, чтобы этот прекрасный миг навсегда остался с ней, в её воспоминаниях.

Он искренне веселился с ней в этот последний вечер, проведённый вместе, прежде чем в их иллюзорном мире настанет рассвет и ему нужно будет рассказать ей всё.

Рассказать о том, как не смог смириться с безумным миром, в котором ей довелось появиться на свет. Как не смог смириться с той ролью, которая была уготовлена для его дочери, как и для многих тысяч дочерей других отцов их вида. Ролью бездумной машины для удовлетворения чьей-то похоти.

Наперекор обществу, наперекор самой природе, он захотел сделать по-своему. Захотел вырастить её в изоляции, вдалеке от влияния того большого мира, в котором ей неизбежно придётся оказаться вновь. Чтобы она была готова ко всему.

Именно поэтому он не отдал её, свою новорождённую, от безымянной матери, дочь, в Храм Луны, как того требовал Закон. Именно поэтому он сбежал с ней в этот иллюзорный мир, созданный им самим, вне времени и пространства. Где их никто бы не смог найти, где он смог бы научить её всему, что знает, вопреки запретам. Где они могли бы оставаться хотя бы временно, пока у него были бы силы.

Он настолько был поглощён этой идеей, что наплевал на проклятие, посланное ему вслед. Он готов был пожертвовать чем угодно, даже потерей бессмертия.

* * *

— Первое время тебе нужно будет слиться с толпой, нужно будет отыгрывать свою роль, как бы мерзко это ни звучало, иначе они тебя сразу заметят. Конечно, рано или поздно это и так произойдёт, однако к тому времени ты найдёшь единомышленников и уже будешь не одна.

Эклипсо молча слушала отца, поглаживая его по голове, лежащей на её коленях. Глотая слёзы, она всматривалась в его глаза. Пытаясь сохранить его образ в своём сердце.

— Вместе вы сможете вырваться оттуда. Я знаю, что сможете. Иначе просто и быть не может.

Он посмотрел на небо и улыбнулся. В фиолетовом сиянии размеренно плыли белые облака, всевозможных, причудливых форм.

— Какое сегодня прекрасное небо, — сказал он. — Никогда такого не видел.

Затем снова взглянул на свою дочь и коснулся ладонью её щеки:

— Прощай, моя милая Эклипсо. Мой свет всегда будет озарять твой путь.

Не в силах больше сдерживать слёзы, ручьями хлынувшие из глаз, Эклипсо прижала его к себе. Долгое время она умоляла его остаться с ней ещё хоть немного, но её слова уже некому было слышать. Иллюзорный мир уходил вслед за своим создателем, растворяясь в пространстве и возвращая её в родной мир, никогда не являющийся таковым для неё.

* * *

Выйдя из здания отеля, она посмотрела на алое небо и улыбнулась зареву. На этот раз всё было иначе. Впервые за долгое время она наконец ощутила, что не одна в этом диком мире. Помня слова отца, она всегда хранила надежду, но с каждым днём это было всё труднее. И вот этот день настал. День, когда она впервые, по-настоящему увидела проблеск света в одном из этих жутких созданий.

«Значит отец был прав. Значит среди них и правда есть другие. Значит есть надежда», — подумала она, вдруг резко остановив свою руку. Задумавшись и забыв, что находится на виду, она едва не начала чертить в воздухе пентаграмму портала, запрещённую и недоступную для представителей её вида.

Тихо чертыхнувшись, она взмахнула рукой, останавливая проезжающее мимо такси.

Уткнувшись головой в прохладное стекло, Эклипсо наблюдала за крылатыми силуэтами за окном авто.

Она вспомнила о том, как вначале, безуспешно, пыталась найти общий язык со своими сородичами. Но они с самого детства были выращены в этих жутких храмах. Их детское, податливое сознание было изуродовано навсегда. В итоге она оставила попытки достучаться до своих сестёр, в какой-то момент почувствовав излишнюю подозрительность, исходящую от них.

Его номер сохранился в её телефоне, и она размышляла над подходящим способом ещё раз подобраться к нему, чтобы окончательно убедиться в своих догадках. Однако нужно было действовать осторожно, чтобы не вызвать подозрений. Ведь у неё просто не было права на ошибку. Не сейчас, когда она ещё совершенно одна, когда у неё ещё нет союзников. И всё же она почувствовала в нём что-то настоящее, что-то живое, что давало ей надежду.

Кроме знаний, оставленных её отцом, надежда — это едва ли не единственное, что заставляло её продолжать свой путь.

И куда бы он ни привёл её в итоге, она намерена была пройти его до конца.

Глава 3: Город

В некоторых местах города слышался детский плач. Этот звук шелестел на грани слышимости, и его мог бы заметить только гость, впервые посетивший это место. Местные жители давно уже привыкли к подобным вещам, и просто не воспринимали и не замечали этого. Не замечали они и многих других вещей, от которых у человека становились волосы дыбом. Если бы эти волосы существовали конечно же, ведь это первое, что обычно исчезает в пламени. А затем, вместе с горелым запахом собственной плоти, исчезает и надежда.

Говорят, душа бестелесна. Говорят, душа не зависит от материи, не имеет оков. Говорят, душа свободна.

Что ж, так говорят только те, кто ещё не попал сюда. В этом месте этой «свободной» душе предстоит сполна ощутить на себе все прелести бестелесного существования. Ведь потеряв тело, жившее ранее по законам материальной вселенной, душа перемещается в этот мир, в котором обнаруживает себя в оковах других законов.

Никакой свободы не существует. Даже здесь. Тем более, здесь. Даже для бестелесного духа.

Впрочем, здешним душам было чем заняться, и поэтому им просто некогда было размышлять о чём-то подобном. Трудно размышлять, когда твоё естество окутано постоянной, нескончаемой болью. Причём это была не какая-то банальная боль, к которой человек привык в своём мире. Это была душевная боль. Дикая, неумолимая, беспощадная и... нескончаемая.

Котёл тысячекратно приумножал эту боль.

Обида, утрата, упущенные возможности и несбывшиеся мечты, и ещё десятки других мыслительных конструкций — словно нити, пропитанные отчаянием, стягивали душу, извивающуюся в котле.

Эта душа испытывала постоянную жажду, но не могла утолить её.

Эта душа испытывала постоянное вожделение, но не могла удовлетворить его.

Эта душа испытывала ещё сотни всевозможных желаний, и была не в силах совладать с ними.

Она не способна была даже потерять сознание или лишится рассудка, чтобы забыться наконец в сладостном безумии.

Она могла лишь выть в агонии. Словно потерявшееся дитя, медленно пожираемое дикими зверями в тёмной чаще леса.

Жар котла вовсе не обжигал, но всё же приносил невыносимые страдания душе. Страдания, которые телу даже и не снились.

* * *

Борнас скармливал хрустящие угли ненасытному пламени, и с его лица не сползала улыбка на протяжении всего этого процесса. Раз за разом он хватал их голыми руками и бросал под котёл. Это доставляло ему невообразимое удовольствие, несравнимое ни с чем другим в его теперешней жизни. По крайней мере с тех пор, как он лишился своих крыльев, а вместе с ними и своего статуса.

Казалось бы, сущий пустяк, скорее даже случайность, но Судьи были непоколебимы. Как и всегда в таких случаях. Борнас помнил выражения их лиц, их ухмылки.

«Ты знаешь, где находишься. Чего же ещё ты ожидал?», — читалось в их маслянистых

глазах в тот день, в Зале Судилища.

Да, он был одним из них, таким же демоном, но это не имело никакого значения. Судьи торопились поскорее закончить с этим делом и отправиться к шлюхам. Вот, что на самом деле заботило их. Вот о чём они размышляли со всей самоотверженностью и самоотдачей.

Борнас не верил, что это происходит с ним. Он несколько раз видел подобное со стороны, но никогда и подумать не мог, что однажды и сам станет непосредственным участником этой процедуры.

Когда его первое крыло с хрустом и чваканьем отделилось от тела, он взвыл и исторг из себя проклятия, заставившие палачей лишь рассмеяться.

Да, для этого использовались палачи, потому что, по сути, демон, лишаящийся крыльев, переставал существовать для общества. Исчезал. Так что это вполне можно было считать смертной казнью.

Когда отделилось второе крыло, Борнас ощущал себя куском слизи, недостойным даже пачкать обувь прохожего. И словно в подтверждение этому, палачи закрепили в нём эти ощущения, забив его до полусмерти бедренными костями «низших», использовавшимися в качестве дубинок.

Ритуал был завершён. Демон, по имени Борнас, был казнён. «Низший», имя которого никто уже не интересовало, был рождён. И теперь его единственными друзьями стали чёрные угольки, со светящимися иероглифами на гранях.

* * *

Город был безжалостен и бездушен настолько, насколько безжалостны и бездушны были его жители. Они дополняли друг друга, напитывая тёмной энергией. Тягучей, зудящей энергией, пронизывающей их тела. Пожалуй, это было единственное, что искренне объединяло их всех. Единственное, что было их движущей силой. Только направляла их эта сила не вперёд, а по кругу. По бесконечному кругу, вокруг адского котла.

Но кто был в праве осудить их за это? Ведь другого они просто не знали. Разве можно осуждать земляного червя за то, что тот роется в грязи?

Правда никто из них не считал себя червём. Не хотел. Уничтожая и подавляя друг друга, обманывая и разрушая, каждый из жителей города таким образом подпитывал свою веру в то, что уж он-то точно не червь. Уж он-то точно выше, сильнее и хитрей всей этой массы. Уж он-то точно не такая мразь, как все остальные.

И если с виду улицы города казались чистыми, не считая изредка пролетающих хлопьев пепла, то каждый его житель прекрасно знал, что под этой зыбкой иллюзией чистоты скрываются стены и мостовые, измазанные грязью, кровью и спермой. И даже реки слёз не могли смыть всё это.

Во многих авто болтались на цепочке перевёрнутые пятиконечные звёзды, хотя практически никто из их владельцев никогда по-настоящему и не верил в Дьявола. Скорее это была мода, привычка, стадный инстинкт... как хочешь, так и назови, никакой роли это не играло.

У некоторых аутсайдеров болтались крестики, но эта бравада мало кого впечатляла. Скорее это воспринималось окружающими как ребячество и незрелость. Ребяческий протест против обычного хода вещей, но всем было плевать на этот протест. И в итоге аутсайдер переключался на что-либо другое.

— ...сколько, по-твоему, демонов, на самом деле хотели бы перебраться в Рай? — слышались звуки радио из открытого окна такси.

— Ты забыл добавить, если бы была такая возможность, — отозвался женский голос собеседницы.

— Да, да, если бы была возможность, — мужской голос не скрывал раздражения. — Так что же, сколько?

— Думаю, — голос словно раздумывал, и затем ответил протяжно, — думаю, что все. Аха-ха.

— Ох, прекрати, это такая банальщина. И что бы там делали эти... «все»? Мыли бы посуду? Убирали бы горшки за престарелыми ангелами? Впрочем, чего ещё ожидать от женской особи. Желание прислуживать в вашей крови. Пора уже вставать с колен, дорогая моя. Фигурально выражаясь, конечно же, ха-ха-ха.

В ответ раздалось легкое шипение, однако это вполне могло оказаться звуком городских улиц. Как бы там ни было, женский голос отвечал с заметно язвительной интонацией:

— В отличие от некоторых присутствующих, по крайней мере я встаю на колени по своей воле и ради собственного удовольствия. Фигурально выражаясь.

— Да ладно, — рассмеялся мужской голос, проигнорировав укол. — Ты ещё скажи, что по любви.

Из динамиков послышался женский смех:

— Я видела уже слишком много пепельных ночей, чтобы верить в любовь.

— Что ж, никогда не поздно поверить в невероятное, — мужской голос вдруг изменил интонации. — Особенно, когда официальный спонсор сегодняшнего выпуска предоставляет такие невероятные скидки. Спешите приоб...

Водитель такси молча переключил канал и салон авто наполнился звуками барабанов, вперемешку с другими инструментами. По выражению лица было видно, что его не слишком впечатлила подобная музыка, однако ему было лень перебирать радиостанции и сплюнув в окно жевательный табак, он поддал газу и направил свою металлическую колесницу вперёд.

* * *

Частички пепла кружили в воздухе, словно в неспешном танце. Они незримо наблюдали за городскими улицами и за их обитателями, снующими туда-сюда. Подхватываемые небольшими завихрениями, создаваемыми прохожими, они устремлялись за ними. Приликая к одежде и к оголённой коже. Подслушивая разговоры и мысли.

— Ты знаешь, я сегодня задержусь немного. Так что ложись без меня, — заверял голос.

— Ладно, аккуратней там, — слышалось в ответ из динамика телефона.

«Как же ты осточертела мне», — беззвучно прозвучали мысли.

«Не заколи там шлюх своими рогами, ублюдок», — уловил ответные мысли пепел.

Пепел лип к окнам зданий и вновь прислушивался.

— Сколько шрамов нужно оставить на твоём теле, а? Ответь мне? Сколько твоя ёбаная плоть ещё выдержит, прежде чем ты научишься наконец выполнять мои указания в срок? — голос грохотал в просторном помещении, отбиваясь от стен и врезаясь в свидетелей происходящего.

Тот, кому предназначались все эти вопросы, хранил молчание. Однако от пепла ничего нельзя было утаить.

«Ещё совсем немного, всё уже готово. Совсем немного и я буду танцевать на твоих костях. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Главное не сорваться. Только не сейчас».

Часто пепел смешивался с кровью. Иногда это происходило случайно, когда он просто пролетал не в то время, не в том месте. Иногда это происходило намеренно, когда ему

приходилось быть участником ритуалов. Или соучастником. Да, так это звучало бы более точно.

Холодные ладони втирали его в лица живых, и в лица мёртвых. Раскрытые рты вдыхали его в обожжённые лёгкие. Жадные языки облизывали пересохшие губы, оставляя его на своей коже.

Он скользил по звенящей стали ножей.

Смешиваясь с кровью, он устремлялся по венам и артериям.

Он, пепел, был никем и ничем. И одновременно с этим, он был всем и каждым.

Если бы он был способен мыслить, то наверняка представлял бы себе, что является единственным существом этого мира.

Мира алых закатов и рассветов.

* * *

Угольки разговаривали с Борнасом. Он прислонял их уху и сжимал ладонь. И тогда они весело щебетали, перекрикивая друг друга, будто каждый из них хотел рассказать что-то важное. А затем он бросал их в пламя и там они уже звенели и насвистывали какую-то свою мелодию.

В такие моменты Борнас прикрывал глаза и наслаждался этой симфонией. Наслаждался хором завывающих душ, корчащихся в котле.

Ему не нужны были их страдания, как таковые. Ему было просто плевать, что они испытывают: наслаждение или агонизирующую боль. Но когда он подбрасывал угли, души подвывали чуть громче, чем обычно. Именно поэтому он так любил это занятие. Он просто любил их пение. Ничего личного.

— Ещё горсточку углей. Ещё немного. Эхехей!

В конце концов, это место было создано именно для этого. Он, и подобные ему, тоже были созданы для этого. Так почему же он должен был испытывать какое-либо сочувствие или сострадание к этим душам? Хотя, с другой стороны, при всём желании, даже если бы оно вдруг появилось у него, он не смог бы им ничем помочь.

Но таких желаний у него не появлялось никогда. Даже в шуточной форме, даже будучи «низшим», потому что он был слишком традиционных взглядов на мир. И в данный момент жизни его мир сузился до размеров котла. Больше его ничего уже не интересовало.

* * *

Котёл располагался в самом центре города. Его можно было лицезреть практически из любой высокой точки, но особо элитное жильё размещалось конечно же с таким учётом, чтобы вид из окон открывал его во всей своей красе.

Он был утоплен в землю и на поверхности была лишь его малая часть. Издали это даже больше походило на огромное озеро с бушующими водами. И только вблизи можно было разглядеть, что это были вовсе не воды.

Нижняя, основная, часть была скрыта от любопытных глаз. Котёл был поделён на сектора и за каждым был закреплён «низший», исполняющий обязанности кочегара. В итоге несколько сотен тысяч «низших» постоянно находились вокруг котла, время от времени подбрасывая угли и сменяя друг друга на своём посту, тем самым поддерживая никогда не затихающее пламя. Никогда не затихающую агонию.

Даже по меркам города этот котёл был огромен. Никто из обычных граждан понятия не имел, как и откуда в нём появляются новые души, появляются ли вообще, и куда, в таком случае, деваются старые. Ведь очевидно было, что котёл не был бездонным. Хотя, этого тоже

никто не мог утверждать наверняка, ибо то, что выглядит каким-то образом снаружи, изнутри может представлять из себя совершенно иное. А каков был этот котёл изнутри могли видеть только души, но им явно было совершенно не до того, чтобы любоваться окружающими их красотами.

Хотя, время от времени в котёл попадали и жители города, случайно или не случайно. Но никто из этих бедолаг уже ничего не мог рассказать. Из котла уже никто и никогда не возвращался. Ни живым, ни мёртвым.

Можно было подумать, что это идеальное место для того, чтобы скрыть преступление, чтобы избавиться от тела, например. Однако никто из горожан и не заморачивался насчёт того, чтобы что-то скрывать. Да, в городе существовал закон, но он касался совершенно других вещей. Поэтому скрывать убийство, если таковое имело место быть, просто не имело смысла.

Никто не придёт за тобой, если в порыве гнева ты придушишь свою прислугу.

Некого звать на помощь, если тебе выпускают кишки прямо на глазах у прохожих.

Даже если ты демон, твои крики лишь эхом пролетят по улицам города, и в итоге утихнут навсегда в одной из сточных канав.

Если же ты «низший», то твоя смерть воспримется окружающими просто как поломка механизма, который теперь всего лишь нужно заменить.

В этом отношении город был суров, но по-своему и справедлив. Ведь если тебе даётся возможность безнаказанно убивать, то будь готов к тому, что наверняка однажды кто-то захочет прийти и за твоими крыльями.

И для кого-то этот Ад был самым настоящим Раем. Ведь всё зависит от нашего внутреннего мироощущения. Иисус говорил, что любовь — это самое важное, самое настоящее. Многие жители города были согласны со словами этого бедолаги, и совершенно искренне, с настоящей любовью, занимались своими чёрными делами.

Даже когда ты выковыриваешь чьё-то око из глазницы, если ты делаешь это с искренним наслаждением, с искренней любовью к своему занятию, то... разве не этому он всегда учил своих последователей? Искренней любви.

Впрочем, обо всём том, что творилось на Земле, жители Ада могли узнавать только из новостей. И что там происходило на самом деле, чему на самом деле учил Иисус и существовал ли он вообще, всё это горожане могли узнавать только из уст телеведущих. Но кто, в здравом уме, мог довериться их словам? Разве что «низшие», для которых и была создана эта новостная жвачка, чтобы затуманить их и без того уже закисший разум. Хотя, гипнотическое влияние голосов с экранов было настолько велико, что ему поддавались и многие демоны, даже сами того не осознавая.

Каков бы хитёр и изворотлив ни был твой разум, как бы ясна ни была ясность твоего ума — к тебе просто нужен свой подход, только и всего. И он обязательно найдётся, этот крючок, если кому-то понадобится направить ход твоих мыслей в нужное русло. Ты даже искренне будешь верить, будто это твои собственные мысли, будто это твои искренние устремления и убеждения.

Жители города были убеждены, что их ритуальная возня и суета, это единственно возможный способ существования в этом Аду.

Глава 4: Шлюха

Воды озера обволакивали её уставшее тело. Его тёплые объятия согревали и успокаивали, забирая её боль и тревогу. Как обычно раскинув руки в стороны, она лежала на спине и покачивалась в его тихих и убаюкивающих волнах. В тёмном небе виднелись далёкие звёзды, туманности и галактики, а в ушах звучала мелодия, уносящая вдаль её душу.

Эклипсо была уверена, что имеет душу. Особенно в такие моменты. В тихом и спокойном мире, где существовало её озеро без берегов, её небо без границ.

Озеро светилось и переливалось искрящимися, зеленовато-голубоватыми всполохами, отражающимися в небе. В её иллюзорном мире было возможно всё. Она была создателем этого мира, и поэтому здесь ей была подвластна вся вселенная.

Эйко открыла глаза и обнаружила себя в душной комнате. Встать с кровати ей совершенно не хотелось, ведь в этом мире она была уже вовсе не создателем, и даже не каким-нибудь значимым членом общества. В этом мире она была обычным суккубом. По призванию, по судьбе, по собственной воле или по воле других, она была игрушкой для исполнения чужих желаний и фантазий. В местной иерархической пирамиде она была чем-то средним между «низшим», мягким диваном и стаканчиком горячего шоколада. Практически любой желающий мог уютно разместиться на диванчике и насладиться ароматным напитком, а затем пойти по своим делам, оставив смятый стаканчик с плавающим на дне сигаретным окурком.

Демонессам заниматься подобными вещами было строго запрещено, хотя многие из них с удовольствием пошли бы на это, ведь они были лишены каких-либо морально этических догм и предрассудков. И при желании, вдали от посторонних глаз, вытворяли такое, что некоторым суккубам даже и не снилось. Да и кошельки демонов опустошались довольно стремительно, когда демонессы запускали в них свои коготки. Поэтому, хоть и не официально, но, по сути, демонессы занимались ровно тем же, что и суккубы, только завуалировано. Однако в Аду существовала строгая иерархия, и для продажной любви предназначены были только суккубы. Причём, только для этого. Вы никогда и нигде не увидели бы суккуба, занимающуюся чем-то другим. В этом мире у каждого была своя чётко обозначенная роль, назначенная с самого рождения, и изменить свой статус можно было только одним способом — опустившись ещё ниже по адской лестнице. Подняться выше своей роли, или вообще отказаться от неё, ты просто не имел права, а в некоторых случаях не мог даже физически.

В общем-то суккубы не имели ничего против своей роли. С самого детства, воспитываемым в Храме, им внушалась их основная функция в этом обществе. Всё, что от них требовалось, это лишь отдаться своим инстинктам, своей плоти. Взамен они получали наслаждение и понятную, даже обеспеченную, жизнь. В их головах даже не возникало мыслей о каком-либо сопротивлении. Какой смысл сопротивляться наслаждению, которое ещё и оплачивается сполна? Медленно, постепенно, их психика подавлялась, и они уже не обращали особого внимания на обратную сторону монеты такой жизни. Боль, увечья, даже угроза смертью, всё это перекрывалось зовом плоти, и отработанным с самой юности рефлексом получения материальной награды за физическое удовольствие. Редкий разум мог сопротивляться такой коварной психологической уловке, и уж тем более юные суккубы устоять перед таким просто не могли. Когда они попадали в Храм Луны, их разум был

словно чистое сияние. Когда они выходили из Храма, вместо сияния оставалась лишь жажда насыщения. Но эта жажда никогда не могла быть утолена. Она могла лишь утихнуть на некоторое время, давая суккубу передышку, а затем с новой силой вспыхнуть вновь, толкая свою жертву в объятия нового клиента. По окончании процесса всё это подкреплялось в сознании денежным вознаграждением и порочный круг замыкался, не оставляя никаких шансов вырваться из него. Другой жизни суккубы просто не знали. Более того, другой жизни они сами не желали.

Учитывая всё это, Эклипсо не видела другой возможности выжить в этом городе. Будучи суккубом, пусть даже только внешне, обеспечить своё существование здесь она могла лишь одним способом. Все другие способы вызвали бы излишнее внимание к ней со стороны общества, и тогда её судьба была бы ещё печальней и страшней.

Единственное, что она всё же могла себе позволить, сохранив при этом свою тайну, это самой выбирать клиентов. Это хотя бы позволяло ей не сойти с ума от осознания того, чем ей приходилось заниматься.

Наконец она собрала последние силы, вздохнула и одним рывком выскочила из кровати, сбрасывая одеяло на пол. Благодаря внутреннему озеру она очистила свой разум, теперь настало время заняться своим телом.

Зайдя в душ, она подставила свою безволосую голову под горячие потоки воды и закатила глаза от удовольствия. Затем сомкнула ладони... разомкнула их, и вытянула вперёд левую руку, словно потягивающаяся кошка. Свободной ладонью Эйко медленно провела по этой руке, а затем двинулась дальше, растирая по телу ароматный гель. На её голубой коже сверкали капельки влаги, а белая пена сливалась с природными, белыми узорами, которые словно татуировка, покрывали всё её тело. Практически все суккубы отличались невероятной красотой, но Эйко выделялась даже на их фоне. И конечно же, это послужило причиной открытой ненависти и раздражения со стороны демонесс. Которые, в большинстве своём, в общем-то тоже были довольно привлекательными созданиями Дьявола, однако их природная злоба и желчь просто не позволяли им разглядеть в себе этот очевидный факт.

* * *

Сполна насладившись водными процедурами, Эйко удобно устроилась в шезлонге, располагавшемся на балконе. Не став обременять себя какими-либо одеждами, она медленно выгнулась и улыбнулась кровавому солнцу. Панорама была великолепна, соседние здания практически не мешали обозревать залитую желтовато-красным туманом долину на горизонте. Только снизу виднелся диск котла, с извивающейся массой внутри, и в воздухе пролетали редкие частички пепла. Но она не смотрела вниз, а исходящий из подогреваемого сосуда с эфирными маслами аромат вполне успешно перебивал запах серы.

Она погрузила несколько пальцев в сосуд, а затем прикоснулась к шее, слегка откинув голову и прикрыв глаза от удовольствия. Запах масел был великолепен, на этот раз она дополнила их едва заметными нотками лайма. Уже открыто чуть постанывая и отдаваясь ощущениям, она растёрла масло по своей коже, не оставив в итоге сухим ни одного участка. Наконец, когда она почувствовала себя достаточно увлажнённой, её рука потянулась к бокалу с напитком, под интригующим названием — «Поцелуй ангела», и в предвкушении поднесла его к своим губам.

Ей не доводилось целовать ангелов или даже видеть их живьём, однако нечто подобное она и представляла себе. И теперь, с улыбкой облизнув кончиком языка свои губы, Эйко тихо произнесла вслух:

— Мммм, так вот каков ты, ангельский поцелуй.

«Какая же ты шлюха, Эйко», — прошептал внутренний голос.

— Могу себе позволить, — пожав плечами, парировала Эйко, — я же всё-таки суккуб.

Иногда она задумывалась, так ли уж сильно она отличается от своих сестёр. Ведь в глубине души она всё же прекрасно отдавала себе отчёт в том, что получает удовольствие от того, чем занимается. Да, безусловно, у неё была основная цель. Движущая сила, направляющая её вперёд. Она всегда помнила об этом. Всегда помнила, кто она и кем воспитана. Чья кровь течёт в её венах и чьи знания находятся в её памяти.

Однако, быть может, она пробыла здесь уже слишком долго, и в итоге её животная натура всё же взяла верх, но... трахаться с клиентами и ощущать себя настоящей шлюхой доставляло ей искреннее удовольствие. Глупо было пытаться скрывать это от самой себя. И поэтому она перестала это делать в итоге. Призналась в этом себе и приняла себя такую, какая есть.

Наслаждаясь поцелуем ангела, она взглянула на бурлящую массу в котле. Эти души не вызывали у неё сочувствия, скорее даже некоторое раздражение. Ведь они не были скованы оковами плоти, они были свободны, и тем не менее они добровольно оставались мучаться в своём котле. Во всяком случае, со стороны всё это выглядело именно так. Эклипсо не ощущала каких-то особых ментальных барьеров вокруг котла, на его стенках не было каких-либо особо мощных пентаграмм. Для бестелесного духа этот котёл не должен был представлять никакой опасности и уж тем более не мог как-то ограничить чистую энергию.

Либо она недооценивала мощь котла, либо эти души были настолько погружены в свои внутренние страхи и переживания, что уже не способны были видеть окружающий мир. Лично она была убеждена во втором варианте, поэтому и испытывала к подвывающим созданиям лишь омерзение. Ведь, по её убеждению, стоило им только отбросить прочь всю эту чушь, творящуюся в их сознании, как они тут же бы увидели своё истинное положение и выбрались бы из этого чёртового котла, в котором их насильно никто и не держит вовсе.

Эти мысли прервал телефонный звонок и взглянув напоследок на линию горизонта, Эйко не спеша поднялась с шезлонга, а затем, покачивая бёдрами и цокоча копытцами по кафелю, соизволила наконец подойти к телефону и нехотя поднять трубку.

Она прекрасно знала, что из динамиков внутреннего телефона гостиницы, где она снимала номер на долговременный срок, вряд ли раздастся дружелюбный голос.

В подтверждение её догадкам, из трубки раздался знакомый голос демонессы, исполняющей роль администратора отеля:

— Эйко, мне неловко напоминать Вам, однако сегодня день уплаты налогов. Желаю Вам всего наилучшего и приятного дня.

Вот так вот просто — «Эйко», без всяких титулов и прочих вежливостей. Несмотря на более высокое положение в иерархической лестнице, в данный момент демонесса исполняла роль обслуживающего персонала, и ей ничего не оставалось, кроме как послушно исполнять эту роль. Однако она всё же могла позволить себе небольшие вольности по отношению к суккубу. В её наигранно тактичной и сдерживаемой речи можно было ощутить просто оркестр эмоций и ураган ненависти. Яд буквально капал из телефонной трубки, сочась по руке Эклипсо, капая на пол и прожигая в нём дыру.

«Дыру до самого пекла», — сказали бы люди, находящиеся на Земле.

Эйко повеселила эта фантазия, но вымыть руки и уши после этого короткого звонка ей и правда захотелось. Да и полученная информация не сулила ничего приятного, поэтому

веселье вмиг куда-то улетучилось.

Она тяжело вздохнула и направилась к алтарю, расположенному в углу одной из комнат. Такие алтари были в каждом номере и предназначались для уплаты налогов. Даже в Аду далеко не все вопросы можно было уладить с помощью денег.

Алтарь представлял из себя каменный куб, на котором возлежала бесформенная голова из того же камня. При ближайшем рассмотрении становилось заметно, что эта голова словно состояла из множества переплетённых между собой змей, самая крупная из которых раскрывала свою пасть, изображая рот. Две другие змеи, чуть поменьше, также открывали пасти, тем самым формируя глазницы. В этих пастьях-глазницах виднелся грубовато отшлифованный янтарь.

Эти безжизненные глаза словно следили за твоим взглядом. Из какого бы угла номера ты случайно не натыкался на них, они будто смотрели прямо на тебя. Прямо в тебя. И в этих глазах читались алчность, жажда и нетерпеливость. Голова на алтаре будто знала, что рано или поздно ты вынужден будешь напитать её. Вновь.

Эклипсо делала это уже множество раз, но привыкнуть к этому так и не смогла. Да и вряд ли кто-то мог привыкнуть к этому. Когда она приблизилась к камню, её лицо, с поджатыми губами, выражало боль и мольбу. Она словно была готова разрыдаться от безысходности, будто маленькая девочка. Но каменный алтарь невозможно было разжалобить. Как невозможно было и избежать платы, которую он требовал. Как бы ужасна ни была эта плата, наказание за отказ было ужасней в стократ. Но самое главное, что это наказание было неизбежно для любого жителя города, какое бы высокое место он ни занимал в иерархической пирамиде.

Зажмурив глаза и засовывая свою ладонь в пасть каменной головы, Эклипсо вдруг вспомнила о душах, которые не могли, или не хотели выбираться из котла. В этот момент она подумала, что возможно у них и правда просто не было другого выхода, прямо как и у неё в данный момент.

* * *

Вначале не было ничего особенного, как и всегда. Она просто не могла уже выдернуть руку из пасти, только и всего. Эйко вспомнила чудесный напиток, который попробовала впервые. Вспомнила запах эфирного масла и лучи солнца, отражаемые в капельках на её коже. Но теплота, исходящая от растирания маслом, вскоре превратилась в жар.

Она лежала в шезлонге, и её кожа начала дымиться, а затем вспыхнула синеватым пламенем.

Она беззвучно кричала, но её сожжённое горло уже не могло издавать никаких звуков.

Её глаза побелели и вытекли из глазниц.

Агония продолжалась целую вечность, пока она наконец не превратилась в пепел, несущийся по улицам города. Затем частицы пепла влетели в открытое окно и закружили возле каменного алтаря. Частички жались всё ближе и ближе друг к другу, пока из них не сформировалась фигура Эйко. Её рука всё ещё была погружена в пасть каменной головы.

Из её глаз струились алые ручейки. Эйко рыдала и капельки крови с грохотом ударялись о камень, словно раскаты грома.

Её губы беззвучно шевелились в безнадежной мольбе:

— Отпусти. Отпусти.

Янтарные глаза пылали огнём и были устремлены на неё. Всё прекрасное, что было в ней, всё хорошее, что случилось с ней за этот месяц, жадно поглощалось алтарём. Не

оставляя ей ничего, кроме боли.

Среди грохота кровавых слёз хруста костей не было слышно. Эклипсо округлила глаза и посмотрела на ошмётки своей руки, оставшейся без кисти.

— Отпускаю, — раздался шипящий, чавкающий голос, переходящий в безжалостный смех.

Эйко запрокинула голову и закричала во всё горло. Она кричала настолько сильно, что её челюсти треснули и разошлись, обнажая дрожащий язык. Её тело медленно выворачивалось наизнанку, пока на полу не осталась бесформенная масса дрожащих, агонизирующих ошмётков плоти, в которых продолжало метаться вопящее от ужаса и боли сознание Эйко, сталкиваясь с вопящим сознанием Эклипсо.

* * *

Эйко лежала на полу возле алтаря, скрутившись в позе эмбриона, и тихо всхлипывала. Прошло уже около часа, как всё наконец закончилось, но она всё ещё не могла прийти в себя. Тело было в полном порядке, но душа была разорвана на куски, и её остатки ошмётками стекали где-то внутри.

Алтарь мог находить правильный подход к любому существу, соприкасающемуся с ним. И найдя его, он вытягивал всё, чего жаждал заполучить от своей жертвы, взамен одаривая её наслаждениями истинных мучений. Сама по себе каменная скульптура не представляла из себя ничего, кроме камня. Этот алтарь служил лишь средством, с помощью которого с жителями города соприкасалось нечто настолько дикое и древнее, настолько непостижимое, что приводило в первобытный трепет даже демонов.

* * *

Перебирая номера в телефонной книге, Эклипсо вновь наткнулась на номер Айзека.

— Задница у него — «что надо», правда? — прошептала Эйко.

— Прекрати, тут дело совершенно в другом, — возразила на это Эклипсо.

— О да, и кое-что другое тоже, — улыбнулась Эйко.

— Так, хватит! — вздохнула Эклипсо.

Да, Айзек был довольно любопытным персонажем, думала она. Но сейчас ей нужно было совершенно другое. Нечто более практичное, что могло бы приблизить её к цели. А что до этого странного, сентиментального демона, то он всё равно едва ли мог бы чем-то помочь ей на данном этапе. Хотя его компания конечно была приятна ей. Его странное, душевное тепло, которое непривычно было ощущать в этих краях.

Ей нужно было подобраться ближе к Совету, ведь именно оттуда исходили основные указания и ритуальные обычаи, неукоснительно исполняемые жителями. По крайней мере это то, что было известно широкой публике. Но она была уверена, что кто-то или что-то стоит за этим Советом, что его члены лишь марионетки, направляемые незримой силой.

Проблема заключалась в том, что Советники не пользовались услугами суккубов, поэтому так легко подобраться к одному из них не представлялось возможным. Места их обитания серьёзно охранялись, поэтому портал ей тоже не помог бы. Она прекрасно помнила истории, когда нерадивые демоны нарушали закон и пытались использовать порталы для проникновения в запретные места. Однажды она даже сама была свидетелем подобного. Полный обречённого отчаяния вопль нарушителя ещё долго звенел в её ушах. Даже сейчас её передёрнуло от воспоминания об этом.

Как это часто бывает, открытые двери появляются будто сами собой, нужно только суметь распознать предоставленную судьбой возможность. Вот и в этот раз Эклипсо

ощутила нечто подобное, когда телефон в её руках оживился, и с другой стороны послышался знакомый голос.

— Эй, сестрица, как хорошо, что я наконец дозвонилась до тебя, — звенящий голосок Мирады как обычно излучал беззаботность. Но Эклипсо прекрасно знала, что это была лишь маска, скрывающая пустоту.

Мирада, ещё совсем юный суккуб, не старше пары сотен лет, предложила Эйко составить ей компанию в ближайшем мероприятии. Клиенту, которому Мирада уже несколько раз до этого предоставляла свои услуги, на этот раз требовалась пара суккубов, и она заверила его, что у неё на примете как раз есть подходящая кандидатура. Важно было то, что этим клиентом являлся один из Судей, а намечаемое место действия находилось на строго охраняемой территории, в частных владениях. Такой шанс мог предоставляться лишь единицам, и для Эклипсо это было отличным способом разузнать подробнее об охранных пентаграммах, защищающих порталы Совета. Ведь они были идентичны и в Судилище, и в Совете, уж это Эклипсо знала наверняка. Ей нужно было увидеть принцип их работы изнутри, чтобы в дальнейшем использовать в своих целях. Да и вообще, в подобном месте хранилось много интересной и полезной информации, для наблюдательных ушей и глаз.

— Ого, да это ведь то, что нужно! — Эйко так воодушевилась, будто недавнего эпизода с алтарём и не было вовсе.

— Это мерзко, — не разделяла её энтузиазма Эклипсо. — Просто отвратительно.

— Да ладно, прекрати, — настаивала Эйко, — это невероятная возможность, и мы просто обязаны воспользоваться ею.

Это было правдой, такого шанса могло больше не представиться. К тому же у Эклипсо так долго не было никакого продвижения в её пути, что она ощущала себя словно топчущейся на одном месте, словно медленно погружающейся в трясину, из которой уже не было пути назад.

Поэтому Эйко набрала номер Мирады и согласилась поучаствовать.

* * *

На этот раз такси ей не понадобилось, защищённый портал открылся прямо в её номере. Некоторое время она стояла в нерешительности, с опаской поглядывая на сияющие искорки, но затем вздохнула, и отбросив сомнения шагнула внутрь.

На другой стороне Эклипсо ожидало облачко дыма, окутавшее её при выходе из портала. В комнате, залитой синеватым полумраком, витал запах трав, исходящий от висящих вдоль стены лампадок. Их оранжевые огоньки совершенно не окрашивали окружающее пространство в тёплые тона, как это обычно бывает. Холодный, тусклый, синий свет обволакивал всё вокруг, казалось, покушаясь завладеть даже огоньками свечей.

На стенах висели картины, изображающие людей со странными выражениями на лицах. Это были мастерски изготовленные копии разнообразных земных икон. Столь извращённое украшение интерьера могли позволить себе только демоны, занимающие достаточно высокое положение.

— Ага, а вот и вторая половинка, на-ко-нец, — раздался тихий, глубокий голос из центра помещения.

Обладатель голоса полулёжа развалился среди крупных подушек, разбросанных прямо на полу. Голова Мирады медленно опускалась и поднималась ниже его пояса, на её взмокшей изогнутой спине сверкали отраженья огоньков, а приподнятые ягодички неспешно покачивались из стороны в сторону, в такт её плавным движениям. В какой-то момент она

повернула голову, не отрывая своего языка от демонической плоти, и встретившись со взглядом Эклипсо, слегка улыбнулась ей и призывно качнула головой, приглашая к себе.

По обеим сторонам переступали с ноги на ногу фигуры с подносами в руках. Кисти на этих руках полностью отсутствовали, поэтому подносы просто лежали сверху на обрубках. Копыта тоже были удалены, и это объясняло их попытки сохранить равновесие, заставляя постоянно топтаться на месте. Естественно, их крылья тоже давно отсутствовали, как и у других «низших». Их тела были изуродованы шрамами настолько, что уже трудно было разобрать: были это демонессы, лишённые груди, или демоны, лишённые гениталий. Их молчаливые рты были сомкнуты, а ничего не выражающие глаза смотрели в пустоту прямо перед собой.

Также, рядом стоял довольно странный столик в виде скульптуры, изображающей стоящую на локтях и коленях фигуру. Конечности, ниже этих локтей и колен, отсутствовали, а к спине каким-то образом был прикреплён широкий поднос.

С замиранием сердца Эклипсо заметила движение этого «столика», и с ужасом поняла, что это живое существо.

«Оно»... Сама того не заметив, Эклипсо применила к демону средний род, назвав его существом. Но называть «это» демоном уже просто не поворачивался язык.

— Присоединяйся к своей сестре. Настало время половинкам совместиться.

Теперь Эйко была уже не так воодушевлена этой затеей, как раньше, но отступить было некуда. Её ноги словно налились свинцом и не хотели двигаться, и тяжело ступая, она шагнула вперёд.

Интонации в голосе демона чётко давали понять, что это была не просьба.

* * *

— Я думала Мирада присоединится к нам и в этот раз, — Эйко пыталась сохранять хладнокровие, но явственно слышала дрожь в своём голосе.

— О, не стоит переживать о ней, Эйко, — ответил невозмутимый голос. — Ей нужно подготовиться к завтрашнему дню, а позже и тебе тоже.

Демон резко ввёл два пальца в Эклипсо, заставляя её вздрогнуть от неожиданности:

— А пока займёмся тобой одной.

— Мне не нравится твоя болтливость, — добавил он улыбаясь. — Надо будет что-то сделать с этим.

Взгляд Эйко упал на одного из молчаливых «низших», как обычно топчущегося неподалёку, и она рефлекторно сжала челюсти. Её сердце было готово разорвать плоть и выскочить из груди.

* * *

Пульс бешено стучал в висках и Эйко слегка подвывала, размазывая слёзы и сопли по лицу, в безуспешной попытке вытереть кровь.

Тем временем Эклипсо наконец взяла себя в руки, закусив губу и решительно вонзила лезвие ножа в своё запястье, вырезая на коже пентаграммы. Это губило её маскировку, ведь суккуб с подобным шрамированием сразу привлёк бы внимание, но ей было уже нечего терять. Правда пока она понятия не имела, что делать дальше, когда окажется на свободе. Но сперва нужно было выбраться из этого места.

Перед её глазами до сих пор был образ Мирады. Её глаза, умоляющие о милосердии. И Эклипсо проявила это милосердие, хоть и с разрывающей сердце болью. Она уже ничем не могла помочь ей, но и оставить её в таком положении тоже не могла.

Она обнаружила её в одной из комнат, когда осматривала помещения в поисках полезной информации. Вначале она даже не совсем поняла, что происходит, непонимающе глядя на скульптуру из плоти и крови.

Левая сторона тела Мирады отсутствовала, за исключением головы и нескольких внутренних органов, которые висели на сверкающих растяжках, подсоединённые к внешней кровеносной системе. Правая рука была зафиксирована в согнутом положении и в ладони что-то шевелилось.

Её собственное сердце, которое она сжимала в ладони, билось словно раненная птица.

Бам... Бам... Бам...

В тишине можно было даже расслышать его биение.

Бам... Бам...

Мирада в прямом смысле слова держала в руке свою жизнь. Однако её пальцы были стянуты едва заметными нитями, поэтому прервать эту «жизнь» и покончить с мучениями она всё же была не способна.

Безумный автор этой чудовищной композиции постарался на славу, сотворив поистине жуткий в своём величии шедевр.

— Оно ещё не завершено, — раздался голос позади Эклипсо, — моё творение. Но одна половинка уже подготовлена.

— Ты безумен, — не оборачиваясь произнесла Эклипсо. — Даже для демона, ты просто больной психопат.

Она сама не понимала, откуда в ней появилось это безразличие ко всему при его появлении. Видимо это был шок, и сознание просто ещё до конца не верило в реальность происходящего.

— Ты довольно странный экземпляр, Эйко, — голос демона оставался спокоен. — Когда я закончу скульптуру, мы втрём обсудим твоё прошлое. Ох, вы с Мирадой станете просто изюминкой в моей коллекции.

Демон обогнул оцепеневшую Эйко и встав позади Мирады, погладил её по голове и что-то прошептал в ухо.

Её глаза медленно открылись и увидев Эклипсо, она чуть приоткрыла рот, пытаясь что-то произнести. Но из уст вырвался только едва заметный стон, а затем по щеке покатились безмолвная слезинка.

— Мирада, — слёзы брызнули из глаз Эклипсо, и туман в голове начал рассеиваться, обнажая страх, боль и ужас происходящего.

Но, кроме этого, пришла ещё и ярость. Она ещё только тлела где-то глубоко внутри, погребённая под тяжестью этого кошмара, однако в любой момент готова была вспыхнуть. Всё, что для этого было нужно, это всего лишь дуновение спокойствия. Как бы парадоксально это ни звучало.

Холоднокровная, спокойная ярость, сокрушающая всё на своём пути.

Демон не ожидал от суккуба каких-либо других знаний и умений, кроме любовных. Поэтому, когда Эклипсо упала на колени и зарыдала, он подошёл к ней и погладил по голове.

— Что это, слёзы радости? — мягко произнёс он и улыбнулся. — Теперь ты и сама осознала, насколько прекрасно это будет?

Эклипсо молча закивала головой, а затем стремительно распрямила правую руку, сжимающую нож. Он вошёл чуть ниже бедра, вспарывая артерию, и столь же стремительно

вышел наружу, преследуемый бурным, горячим потоком. Демон, не до конца осознавая, что произошло, и не понимая, что жизнь уже покидает его тело, рефлекторно сжал горло Эйко и поднял над собой одной рукой. В его глазах читалось недоумение и рот начал медленно раскрываться, готовый исторгнуть возмущение и удивление. Предвосхищая это, Эклипсо полоснула его по горлу, оставив на нём глубокую борозду, и вместо крика демон издал булькающий звук, с силой отшвырнув её к стене.

Потеряв к ней всякий интерес, он попытался зажать горло, и поскользываясь на собственной крови, поковылял к выходу. Эклипсо не составило никакого труда сбить его с ног, и они оба рухнули на пол. В отчаянной попытке он всё же решил забрать её с собой, снова схватив за горло. Всё, что ей оставалось теперь, это выдержать ещё несколько бесконечных секунд, пока силы не покинут его окончательно.

Когда последние огоньки жизни покидали тело демона, его глаза выражали гнев. Но, кроме этого, в них читалось ещё и удивление. Он так и не смог до конца поверить, что суккуб способен на такое. Что его игрушка вдруг обрела сознание и свободу воли.

Задыхаясь и откашливаясь, Эклипсо с трудом встала на ноги, стараясь удержать равновесие на скользкой поверхности. Она стояла в луже крови, опёршись о колени, и тяжело дышала.

Затем она услышала слабый голос Мирады:

— Эй. ко. Эйко... Больно... Так больно...

Эклипсо подняла голову и встретилась с глазами суккуба. Они были полны мольбы и слёз.

— Прости, — прошептала Эйко. — Прости... я... я не... — она хотела сказать, что ничем уже не может помочь Мираде, но не в силах была произнести эти слова.

Эклипсо взглянула на сердце, всё так же продолжающее биться в ладони Мирады, и вновь посмотрела в её глаза.

— Да... да... — слабо закивала Мирада, и улыбнулась. — Да...

Слёзы струились по щекам Эйко, перемешиваясь с кровью. Она прекрасно всё поняла. Это и правда было единственное, что она могла сделать для сестры. Единственный способ освобождения.

* * *

Она покидала это место не с пустыми руками. Их с Мирадой возвращение с самого начала даже не предполагалось, поэтому демон несколько раз использовал начертание пентаграмм в их присутствии, совершенно не опасаясь, что они запомнят эти знаки. Ведь он знал дальнейшую судьбу двух суккубов, удостоенных великой чести стать новым экспонатом в его коллекции.

Но Эклипсо всё же запомнила эти пентаграммы. Вырезанные на запястье, они засветились красным сиянием, причиняя адскую боль, однако вскоре потускнели и остались на коже в виде чёрных меток. Теперь с их помощью она могла использовать порталы в некоторые запрещённые и недоступные для обычных горожан места. И в то же время, свободно разгуливать у всех на виду с этими отметками она тоже не могла.

Что теперь делать, она совершенно не знала, и уповала лишь на то, что слухи о странном суккубе не разнесутся по городу слишком быстро, чтобы у неё было хоть немного больше времени.

Внутри Эклипсо зияла чёрная бездна, в которой её душа едва не затерялась навсегда, и открыв портал, она провалилась в него, словно в пропасть.

Глава 5: Грешник

Нестись сквозь алые облака, прорывая их и оставляя за собой завихрения, доставляло неопишное удовольствие. И даже достаточно большая вероятность столкновения совершенно не пугала и не останавливала наглцов, осмелившихся чуть ли не вслепую прошивать густые небесные покровы в такую погоду.

Это был полёт ради самого полёта.

Хотя и в безоблачном небе летать было довольно приятно. Можно было неспешно взмахивать крыльями, и наслаждаться медленным, дрейфующим полётом, созерцая окрестности, и никуда не торопясь.

Честно говоря, Айзек никогда не понимал некоторых своих собратьев, бездумно устремляющихся по каким-то своим делам с огромной скоростью. Ему казалось, что таким образом они просто пролетают свою жизнь, так толком и не заметив ничего вокруг. Какой тогда вообще был смысл этого полёта? Не проще ли тогда было бы использовать портал, если уж спешка была так важна? Да и куда было торопиться? Что такого важного ждало тебя в конце пути? Какая разница, прилетишь ты туда на пару минут раньше или позже? Ты куда-то опаздываешь? Что такого невероятно случится, если ты опоздаешь? Тебя уволят, тебя убьют? Твоя жизнь, образно или вполне реально выражаясь, прекратится? Но зачем тебе вообще такая жизнь, если ты вынужден постоянно рассчитывать всё по часам?

Или ты механизм в этих огромных часах? Секундная стрелка, скачущая по кругу всю свою жизнь. Тратящая самое драгоценное, что есть в её стрелочной жизни — своё время, на бесконечный бег по циферблату.

Заметив внизу знакомые очертания, Айзек сложил крылья и бросился вниз, словно ястреб. Резко остановившись за сотню метров от поверхности котла, он завис в воздухе, покачивая крыльями, и начал разглядывать движущуюся массу.

Он довольно часто делал подобное, прилетая в это место и наблюдая за душами. С этого ракурса они казались птенцами в гнезде. С постоянно открытыми клювами, галдящие и махающие отростками крыльев, они с воплями требовали очередного дождевого червя.

Однажды он даже швырял им куски мяса, но они пролетали сквозь дымчатые тела насквозь и утопали где-то там, в непроглядной бесконечности. В общем-то души даже не замечали: ни Айзека, ни его щедрых подарков. Они были поглощены своими занятиями.

Орущие, вопящие силуэты толкались, дрались, выдавливали друг другу глаза, кусались и обхватив голову руками, выли, выпучив пустые глазницы в бездну каких-то своих, персональных кошмаров.

«Что делает человека, человеком?», — часто думал Айзек, глядя на них.

«Что делает демона, демоном?», — задавал он себе тот же вопрос, глядя в отражение зеркала.

Совершенно не имело значения, кто «варится» в котле, а кто этот котёл подогревает. И те и другие всё равно были в Аду. И ни те, ни другие, вырваться из него не могли.

И грешники, и их мучители, были рабами адского пламени. Просто в отличие от первых, у вторых была иллюзия свободы, только и всего. И глубоко внутри, каждый из них прекрасно понимал, что это всего лишь иллюзия. Но некоторые просто не хотели признаться в этом самом себе.

«Что делает свободного, свободным? По-настоящему».

* * *

— Ты слишком привязался к своим полётам, — сказал владелец кофейной лавки, которую Айзек изредка посещал.

Ему нравились запахи кофе и пряностей, витающие в уютном помещении. Лавка располагалась на крыше довольно высокого здания, поэтому из огромного окна можно было видеть только пустыню. Плотные двери отлично отсекали городские звуки, поэтому можно было насладиться прекрасным видом, и легко представить, будто кроме этой красной пустыни ничего больше и не было вокруг.

— Это одна из немногих вещей, что искренне доставляет мне удовольствие, — ответил Айзек, медленно вдыхая аромат чёрного напитка. — Кстати, можно ли называть полёт «вещью»?

— Понятия не имею, — пожал плечами пожилой демон, — я не лингвист. Впрочем, «вещь» — это подходящее слово. Иногда мы настолько привязываемся к вещам, что тратим на них частички своей свободы.

— Частички свободы, — хмыкнув, задумчиво повторил Айзек.

Хлопья пепла редкими облачками кружили снаружи, и некоторые из них налипали на стекло, пытаясь подслушать разговор внутри.

— Но ведь твоя лавка как раз и является такой вещью, — приподнял бровь Айзек, осторожно пригубив горячую жидкость. — Полёты хотя бы не привязывают меня к одному месту.

— Вот именно, — улыбнулся старик. — Поэтому я могу говорить об этой опасности так уверенно. Ведь кому, как не мне, так хорошо быть осведомлённым о вещах, которые связывают свободу, а?

Он взглянул на панораму и добавил:

— Тем более, когда у этих вещей такой прекрасный вид.

Айзек вздохнул. Он прекрасно понимал и сам, что имел в виду стареющий демон. Ведь если уж честно признать, то ему нравились не полёты, как таковые, а то ощущение, которое они дарили. Ощущение, что он куда-то движется. Что он в пути.

— Хочешь сказать, что я пытаюсь убежать от самого себя, затеряться среди облаков? — произнёс Айзек, не отрывая глаз от горизонта.

— Может быть наоборот, — вновь пожал плечами демон. — Пытаешься найти там что-то.

— Например? — меланхолично спросил Айзек.

— Например, то, что и так внутри тебя, — ответил старик. — С самого начала.

Следующие минуты они провели в тишине, каждый занимаясь своими мыслями и делами. Прикончив наконец чашечку кофе, Айзек ещё некоторое время сидел у окна, а затем попрощался с гостеприимным хозяином заведения, и направился к выходу.

— Залетай почаще, — произнёс на прощание старик.

— Спасибо, не хочу привязываться, — обронил Айзек, не оборачиваясь.

Демон лишь хмыкнул, и с улыбкой продолжил натирать керамическую кружку, насвистывая какую-то древнюю мелодию.

* * *

— Эй! Что мешает вам вылезти оттуда? — орал Айзек, зависнув в воздухе над игнорирующими его душами грешников.

Он вновь вернулся сюда, как и множество раз до этого.

Вроде бы ещё недавно Айзек был спокоен и умиротворён, убаюканный пейзажем из окна, но вот его вновь накрыло волной отвращения ко всему этому чёртовому миру. Его просто выворачивало от осознания того, что он является частью всего этого идиотизма и абсурда. Всего этого театра лицемерия и возни в кровавой каше, ради продления ещё одного бессмысленного дня в Аду.

Ради чего была вся эта возня? Какого хрена он должен был изо дня в день нюхать серу, слушать вопли грешников, и протирать глаза от пепла?

— Вы слышите меня, ублюдки? Валите на хер отсюда. Какого хуя вы сидите там и вопите?! — в глазах Айзека полыхало пламя негодования. — Вас же никто не держит там. Совершенно, блять, никто и ничто, кроме вас самих!

Айзек закрыл глаза и произнёс уже вполне спокойно, будто обречённо, от осознания бесполезности этих попыток достучаться до пустоты:

— Хватит сидеть там и пожирать друг друга. Посмотрите вокруг себя наконец, чёрт бы вас побрал. Вы же тратите свою вечность на какую-то чушь.

Затем он открыл глаза, вновь посмотрел вниз, и чуть склонив голову набок, сказал уже вполне дружелюбно, тяжело вздохнув при этом от досады:

— Ах, если бы я только мог найти в Аду хоть одну чистую, безгрешную душу. Хоть одно невинное существо. Это наверняка сработало бы.

Когда-то его уже посещала мысль о том, что скормив котлу ни в чём не повинную жертву, этот адский сосуд не выдержал бы всплеска энергии. Ведь он был предназначен только для грешников, и девственно чистая душа разорвала бы его на кусочки. Правда дальнейшая судьба этой души была бы неизвестна, и скорее всего весьма печальна, но разве это имело значение? Для Айзека — никакого. Единственное, что его действительно огорчало, так это то, что в Аду такую душу было просто не найти, это противоречило бы законам этого мира.

Эта душа стала бы самой великой мученической жертвой со времён сотворения миров. Правда и Айзек, в свою очередь, был бы проклят и Адам, и Раем. Скорее всего даже Бог и Дьявол, если они существуют, были бы в ахуе от этого поступка.

Впрочем, Айзек не верил, ни в Дьявола, ни уж тем более в Бога.

* * *

— Погадай-ка мне... ведьма! — театрально воскликнул Айзек, откинувшись в кресле, и бросив на стол золотую монету, изображающую рогатый профиль. Жители земли назвали бы такой профиль — «римский».

Голова Айзека так давно уже была забита всяким мусором, отягощавшим каждую секунду его пребывания в этом мире, что он решил наконец как-то развлечь себя. Например, сделать то, чего раньше никогда не делал.

Брови демонессы удивлённо поползли вверх, и её рот слегка приоткрылся. Недоверчиво прищурился глаза, она переводила непонимающий взгляд с монеты на своего странного посетителя, и обратно.

Айзек смотрел на неё, едва заметно улыбаясь, а затем произнёс:

— Используй самую жуткую колоду, которая у тебя есть. Самую беспощадно откровенную.

Демонесса хотела было что-то сказать, но игра её гостя была настолько убедительна, что она решила принять в ней участие. Всё это позабавило её: и обращение, и монета. Ведь она была никакой не ведьмой, это во-первых. А во-вторых, плату за свои услуги она

предпочитала брать в традиционной валюте, а не в виде архаичного металла, давно уже вышедшего из обихода в повседневной жизни.

Смерив Айзека оценивающим взглядом с ног до головы, она взяла монету и аккуратно попробовала смять её зубами, отдаваясь его игре.

Он одобрительно кивнул и расплылся в улыбке:

— О, только глупцу пришло бы в голову подсовывать ведьме фальшивую монету.

Увидев на металле вмятины от своих зубов, демонесса осталась удовлетворена результатом, и улыбнулась в ответ:

— Что ж, тогда начнём. Самая правдивая колода, говоришь? Самая жуткая? Как скажешь.

Едва она только собралась удалиться в другую комнату за картами Таро, как Айзек резко вскочил и схватил её за руку. От неожиданности она ойкнула и ошарашенно уставилась на него.

— Только давай без всякой этой сладкой чуши, которую обычно хотят слышать твои клиенты, — глаза Айзека впились в демонессу. — Сегодня мне нужна откровенность. Какая бы жестокая она не была.

Усаживаясь обратно в кресло, он добавил обыденным тоном:

— Используй колоду Фавиана.

Забавная игра закончилась, даже не успев ещё толком начаться. Она внимательно посмотрела на Айзека, и лишь кивнула в ответ. Никто из тарологов не любил эту колоду, большинство из них отказывалось работать с ней даже за дополнительную плату. Она буквально высасывала энергию участников, однако взамен предоставляла самые искренние ответы, самые жёсткие в своей откровенности.

Демонесса уже взяла монету, поэтому отказывать было поздно. Это не только вредило репутации, но и духи Таро просто не прощали подобного. Довольно печальный опыт у неё уже имелся.

* * *

Комнату окутывал полный мрак, даже покрывало на столе было чернее ночи. Единственными источниками света были пылающие голубым огнём глаза демонов, сидящих напротив друг друга, и лампадки на столе, источающие древесный аромат. Тёмно-красная, демоническая кожа сливалась с окружающей тьмой, и белые карты, с чёрно-красными рисунками, контрастировали с поверхностью стола. Будто измазанный кровью пепел, опадающий на чёрную простынь.

Голос демонессы был глубок, и мягок словно шёлк. И всё же изредка в нём слышались надрывные нотки. Карты не щадили её.

Айзек тоже ощущал эту выворачивающую, грубую энергию, но ему хотя бы не нужно было разговаривать в этот момент. По венам струились раскалённые угли, обжигая и царапая плоть. Они потрескивали и шипели, омываемые кровью, но их жар не утихал ни на мгновение.

— Ты не найдёшь того, что ищешь.

— Здесь этого нет. Не здесь.

— В другом месте.

Очередная карта с грохотом упала на тёмную ткань.

— Но цена... слишком велика.

Демонесса вдруг нахмурила брови и тихо произнесла, обращаясь к самой себе:

— Это... странно. Я не понимаю.

Ещё одна карта из колоды. Ещё одна порция раскалённых угольков.

— Там, куда ты идёшь, куда ты стремишься, тебя ждёт смерть... Но одновременно с этим... и не смерть.

— Что-то ещё.

Демонесса вдруг заплакала, но продолжила вытаскивать новые карты. В этот момент она напоминала ребёнка, которому по локоть отхватил руку голодный зверь, за наивную попытку погладить его. Плач не столько от боли и шока, сколько от обиды и непонимания. «За что?», — читалось в этих мокрых глазах. — «Почему?».

Когда пламя лампадок внезапно потухло, последнее, что увидел Айзек, это карты «Башня» и «Луна». Во тьме остались гореть лишь глаза. Голубые огоньки друг напротив друга.

— Что ещё? — произнесла одна пара огоньков. — Что говорят последние карты?

— Уходи, — всхлипывающим голосом ответила другая пара.

— Мне нужно знать. Скажи мне! — настаивала первая.

— Знать или не знать — для тебя это всё равно ничего уже не изменит. Пожалуйста, — умоляли глаза. — Пожалуйста, хватит.

— Скажи!

В ответ слышалось лишь рыдание, и поэтому молча поднявшись, Айзек оставил демонессу разбираться со своими внутренними тенями, его это уже не касалось.

Выйдя на улицу, он нехотя втянул в лёгкие вечерний воздух, и подставил ладони под густо падающий пепел. Не обращая никакого внимания на прохожих, он стоял посреди улицы, и рассматривал свои руки.

Видимо он немного перегораживал дорожку, по которой двигались пешеходы, потому что краем уха всё же заметил недовольные бормотания, смешки и проклятья, несомненно посылаемые в его адрес.

Подняв голову, он окинул взглядом улицу, наполненную существами, спешащими куда-то по своим делам. Одни торопились выполнить очередные поручения, другие — эти поручения раздать. Третьи договаривались по телефону о встрече с клиентом. Четвёртые выставляли из окон дорогих авто свои поросычьи мордочки в попытке выделиться из толпы таких же зверят, если не блеском ума, то хотя бы сиянием позолоченных дисков своего автомобиля.

— Эй! — внезапно для самого себя, крикнул Айзек. — Животные, носящие одежды! Мне уже невыносимо дышать с вами одним воздухом!

Он хотел было сказать ещё что-то, но остановился. Вовсе не потому, что ему было неловко, или что-либо ещё. Айзек просто понял, что это бессмысленно. Точно так же, как бессмысленно высказывать что-то облакам, за то, что они осыпают тебя градом. И даже злиться на них глупо, ведь они всего лишь облака, и не то, чтобы понять, а даже осознать твою злость будут просто не в состоянии. И твою боль. И твою печаль.

Это пришло неожиданно, как озарение. Айзек больше не хотел кому-либо, что-либо доказывать или объяснять. «Как» и «кем» он воспринимался сейчас этой массой, его уже совершенно не интересовало. Разве важно для тебя мнение улитки о твоих поступках? Смешно ведь, правда? Идя своим путём, ты даже не взглянешь на неё. И уж тем более у тебя и мысли не возникнет, чтобы на полном серьёзе вступить с ней в какой-то диалог.

Словно кольца на водной глади, разошедшиеся от брошенного в неё камня, окружающая

масса вяло всколыхнулась возмущённой рябью и редкими негодующими возгласами. Но Айзек не обратил на это внимания. Он вновь посмотрел на свои ладони, покрытые пеплом, а затем приложил их к своему лицу. Когда он размазал пепел по коже, его белые, ритуальные татуировки стали практически незаметны. Со стороны казалось, как будто он содрал с себя красную маску вместе с кожей, выставив на всеобщее обозрение кости черепа. Неизменными остались лишь чёрные глаза, внутри которых горели диски голубого пламени.

— Аха-ха. Ты только взгляни на этого идиота, — произнёс молодой демон, сидящий за столиком уличного кафе.

— Какого? — непонимающе взглянула на него его спутница, продолжая лениво помешивать трубочкой зеленоватый напиток в своём бокале.

— Да вон, на той стороне дороги, глянь на него, — указал он рукой куда-то в сторону. Демонесса последовала взглядом за его пальцем и хихикнула, приподняв брови:

— Он что, снимает одежду?

— Ага. Точно ебанутый! — ответил демон, заливаясь смехом.

— Слушай, может он просто пьяный? — подхватила смех демонесса.

— Да, наверняка «под градусом». А может и под чем-то ещё.

Полностью обнажившись и швырнув свои одежды в ближайших свидетелей этого перформанса, Айзек расправил крылья и взмыл в небо, скрываясь среди облаков.

— Интересно, что сейчас творится в его голове? Что-то же заставило его это сделать? Ну, кроме алкоголя.

— Слишком много свободного времени, вот и всё, — прозвучало в ответ нравоучительным тоном.

— Думаешь?

— Конечно.

— А ты смог бы вот так взять и раздеться на улице? — вдруг спросила собеседница.

— Я что, похож на шута?

— Нет, не похож, — задумчиво сказала демонесса.

— Вот и завали ебло тогда.

Завалив ебло и насупившись, демонесса вновь начала нервно помешивать коктейль. Внутри неё всё кипело, и она несомненно запомнила это оскорбление, но когда ты материально зависишь от кого-то, то хочешь не хочешь, а приходится терпеть некоторые неудобства. К тому же в глубине души, если она, конечно, существовала у демонов, её даже заводило такое грубое обращение.

Тем временем в толпе появились признаки непонятного волнения. Затем прозвучал треск и громкий хлопок, сопровождаемый вскриками. Окно ведьминога логова с хрустом разлетелось, роняя осколками стекла ближайших прохожих. Затем из образовавшегося проёма повалил густой, чёрный дым, быстро сменившийся языками синего пламени.

Изнутри никто не кричал, не звал на помощь и не рвался наружу. Видимо для тех, кто был внутри, было уже слишком поздно для всего этого. Прожорливые, огненные язычки добрались до вывески с изображением гадальных карт и принялись за них, будто за десерт.

Белый пепел котла всё так же неспешно кружил вокруг, смешиваясь с чёрным пеплом внезапного пожара. Как давние знакомые, случайно встретившиеся на краю мира, они сплелись в крепких объятьях, беззаботно смеясь и радуясь волшебству этой невероятной встречи. Со светящимися глазами они рассказывали друг другу о всякой ерунде, просто наслаждаясь моментом. И в этот миг им было совершенно плевать на рушащийся и вопящий

от боли мир вокруг них.

Глава 6: Нити

Когда Эклипсо бросилась в открывшийся портал, за ней совершенно молча прыгнула пара сторожевых псов. Они почувствовали возню и агонию своего хозяина, но в этот момент находились слишком далеко, и поэтому добрались до его окровавленного тела слишком поздно. Однако предполагаемая виновница трагедии, от которой за версту несло смертью, была прямо перед их глазами, поэтому они без сомнений ринулись в погоню вслед за ней.

Их худощавые, жилистые тела были обтянуты грубой, чёрной кожей, в то время как головы были полностью лишены какого-либо покрова, обнажая безухие черепа. В тёмных провалах пустых глазниц горели жёлтые огоньки, которые при резких движениях оставляли за собой язычки пламени в воздухе.

Ощувив постороннее присутствие, Эклипсо обернулась. Во время перехода они не могли подобраться к ней, поэтому бессильно передвигали конечностями, оставаясь на месте. Но рано или поздно все трое должны были выскочить по другую сторону портала, поэтому ей нужно было заранее подготовиться к схватке. Хотя бы морально, потому что как-то иначе подготовиться к предстоящему столкновению с этими жуткими созданиями в данный момент у неё не было возможности. Она попыталась успокоить выскакивающее из груди сердце, и восстановить дыхание; паника и истерика сейчас всё равно не помогли бы, так же, как и мольбы и просьбы разойтись миром.

«Что бы сделал отец на моём месте?», — спросила Эклипсо саму себя.

«Ощущаешь себя жертвой?», — раздался в голове голос Риманаты.

«Да. Я загнанный зверь. Добыча. Я читаю это в их глазах».

«И у них даже нет никаких сомнений по этому поводу», — произнёс отец. «Они ощущают себя полноправными хозяевами положения. Для них не существует: удачи или неудачи. Для них существует только их цель. Их жертва».

«Для них уже всё предрешено. Для них это уже лишь вопрос времени».

«Вот именно, Эклипсо. В них нет никаких сомнений», — ответил отец. «Теперь, зная и понимая это... что ты можешь сделать с этим?».

«Я могу использовать это против них самих. Превратить их уверенность в излишнюю самоуверенность, тем самым усыпив их бдительность».

«Умница», — голос Риманаты затихал в сознании. «Отринь роль жертвы, но откажись и от роли хищника. И даже охотник — не твоя роль. Отбрось эти стереотипы мышления и выйди за рамки».

Услышать этот родной голос было приятно, хоть она и понимала, что это всего лишь игры её собственного сознания. Но в такие моменты это не играло для неё никакой роли, потому что образ отца жил внутри её разума, даже несмотря на то, что реальный Риманата давно уже исследовал какие-то другие, никому не изведанные миры. Она верила, что он был жив... где-то там. Что смерть — это вовсе не конец, тем более для такого, как её отец.

А ещё она вдруг вспомнила ту ванну с ароматом лайма. То состояние тепла и родственности душ. Состояние спокойствия, которое не испытывала нигде и никогда с тех пор, как оказалась в этом городе.

Пространство вокруг неё заискрилось и рассыпалось, словно треснувший лёд. Успев сгруппироваться, она сумела сохранить равновесие, когда волна вышвырнула её из открывшегося портала. Эклипсо чуть было не сбила с ног ничего не понимающую

демонессу, державшую в одной руке зажжённую лампадку, а в другой едва только собранную колоду карт.

Суккуб прижалась к хозяйке комнаты всем телом, измазывая её кровью. Она гладила своими окровавленными ладонями её крылатую спину, тёрлась своим лицом о её шею и щёки, словно ища успокоения и защиты.

А затем тихо прошептала ей на ухо:

— Прости. Прости меня.

Резко развернув сплетённые тела, она оттолкнула демонессу в сторону портала, вдогонку со всей силы всадив ей копытом в живот. Лицо владычицы карт исказилось гримасой, а глаза, в которых удивление ещё не успело смениться на гнев, расширились от боли.

К тому времени из портала начали появляться оскаленные морды. Ещё ничего не успев увидеть перед собой, они уже учуяли кровь хозяина, смешанную с запахами боли и страха. Демонесса даже не успела ничего толком понять, когда одни челюсти врезались в основание её крыла, разворачивая на месте, а другие с лязгом сомкнулись на открывшейся шее.

Выпавшая из ослабевших пальцев лампадка устремилась к полу, а карты неспешно разлетались по комнате.

Огонь вспыхнул удивительно легко. Раззадоренный запахом крови и горючими смесями масел, он захватывал всё новые и новые территории, стремительно расползаясь по поверхностям.

Демонесса хрипела и вертелась на месте, тщетно пытаясь сбросить с себя непрошенных гостей. Но хватка псов была крепка и безжалостна. Челюсти на её горле сжимались всё сильнее, и она даже не могла завопить от ужаса, когда увидела перед собой горящие огоньки в пустых глазницах. А затем челюсти сомкнулись на её лице.

Эйко, словно замороженная, уставилась на открывшееся её взору творение рук своих. На её мокрой коже играли и переливались отражения безумной сцены. Но сейчас было не время размышлять о правильности или неправильности своих поступков, поэтому Эклипсо собрала последние силы, которые у неё только оставались, и открыла другой портал.

Она вновь шагнула вперёд без оглядки. Оглядываться назад, сомневаться или о чём-либо сожалеть — теперь это было для неё непозволительной роскошью.

Оба портала схлопнулись практически одновременно, всколыхнув полыхающее синим пламенем пространство, и направляя разрушающие волны во все стороны.

* * *

Горячие потоки воды смывали чужую кровь с тела. Она была в безопасности, пока что. Пока волна слухов и разговоров ещё только начинала разноситься по улицам, озарённым красно-жёлтой пеленой. Но она прекрасно понимала, насколько хлипко её положение.

Она стояла над пропастью на полыхающей ветке. Можно было смещаться к обрыву, маленький шажочек за маленьким шажочком, оттягивая неизбежное. А можно было кинуться в эту пропасть сразу, не дожидаясь пламени.

Но главное оставалось неизменным — осознание того, что полёт в эту пропасть уже неизбежен. Так же, как неизбежно в итоге было завершение этого короткого полёта на дне.

Но какой тогда был смысл во всём этом? Какой был смысл делать что-то или не делать?

* * *

— Почему огонь обжигает? — маленькая Эклипсо задумчиво смотрела на красные угольки.

— Потому что это огонь, — ответил отец. — Чего ещё ты ждёшь от него?

— Не знаю. Ну... он ведь может и греть. Так почему тогда он просто не согревает... и... и всё. Почему иногда он и разрушает, и причиняет боль?

— Быть может это от того, — произнёс Риманата, — что некоторые наделяют душой совершенно бездушный объект? А затем обижаются на него за то, что он ведёт себя так бездушно. Хотя он не хороший и не плохой, он просто огонь.

Эклипсо насупилась, ковыряя палочкой в костре:

— Но он ведь прямо как живой.

— Да, — кивнул отец. — Открою тебе секрет, Эклипсо, он и правда живой. По сути, он состоит из тех же крохотных частичек, что и воздух, и вода, и даже ты сама. Просто форма его жизни отличается от твоей.

— Я?! — удивлённо воскликнула девочка. — Значит я могу обжигать и разрушать так же, как пламя?

— Конечно, — вновь кивнул Риманата, внимательно глядя на дочь. — Для этого нужно всего лишь лишиться своей души.

Затем он задумался над чем-то и добавил:

— Хотя бы на время, пока того требуют обстоятельства. Удастся ли тебе после этого вернуть свою душу или нет, это уже другой вопрос. Вполне вероятно, что ты даже не захочешь её возвращать... Пребывая в безмятежном состоянии бездушия возвращаться обратно в душевную суету кажется нелепостью.

* * *

Порталы использовать она уже не могла. Во-первых, возможность открывать их у неё была лишь в определённом радиусе, охватывающем только город и его округу. Во-вторых, так её вскоре учуяли бы гончие и легко вышли бы на след. Не говоря уже о том, что на открытие переходов тратились огромные силы.

Эклипсо собрала вещи, стараясь взять с собой только самое необходимое, и оглядела комнату отеля.

— Прощай, комфортная жизнь, — со вздохом произнесла Эйко, остановив свой взгляд на недопитом бокале вина.

На что Эклипсо лишь презрительно фыркнула. Конечно, ей нравилось вино, нравился горячий душ и мягкая постель, как и остальные атрибуты такой жизни. Кому такое может не нравиться? Однако она помнила, какова была её главная цель, и все эти телесные наслаждения и удобства лишь убаюкивали и притупляли её чувства, ослабляли и сбивали с пути.

Лягушка в кастрюльке с тёплой водой тоже чувствует себя уютно и комфортно. А когда вода наконец начинает закипать, у неё уже нет никаких сил выбраться из этой западни. К этому моменту она уже даже не пытается выбраться, настолько атрофирована её воля.

Эклипсо подняла с дивана тёмно-красный, лёгкий платок и сложив лентой, обмотала им свою левую руку, от кисти и до середины предплечья. Взглянув в зеркало, она удовлетворённо кивнула. Этот элемент отлично вписывался в общий стиль одежды, скрывая пентаграммы и не вызывая подозрений.

— Хм, смотрится даже неплохо, — улыбнулась Эйко.

Платок гармонично сочетался с её голубоватой кожей и чёрными, обтягивающими шортами до колен. На поясе болтались две длинные и широкие, красные ленты, одна спереди, другая сзади. А третья, крест на крест, закрывала грудь и обрамляла шею.

Скрывать лицо не имело смысла, поэтому Эклипсо перекинула через плечо небольшую сумку, напоминающую рюкзак, и слегка прикрывающую спину по диагонали, и направилась к выходу.

Вначале она раздумывала над тем, не прикрепить ли её новый, трофейный нож прямо на поясе, однако всё же решила не привлекать таким образом излишнее внимание и спрятала его в сумку. Он не то, чтобы был как-то особо красив, или чем-то выделялся, нет. Но он просто великолепно лежал в руке, и поэтому Эклипсо решила оставить его у себя. К тому же он был напоминанием о Мираде и о всём остальном. Во время тех жутких событий этот нож оказался единственным её другом, пришедшим на помощь, поэтому она просто не могла его там бросить.

На ресепшене она кивнула демонессе за стойкой, на что та лишь приподняла бровь и едва заметно скривилась. Эклипсо не обратила на это внимания, и сделала вид, будто уходит по своим обычным делам. Хотя возвращаться сюда она конечно же уже не планировала.

* * *

Идя по улице, Эйко всё же надела тёмные очки. Так ей было легче сливаться с толпой и изображать из себя беззаботно шляющуюся по магазинам бездельницу, не встречаясь глазами с прохожими.

Откуда-то из колонок звучали переборы бас-гитары и ритмичные удары барабанов, а грубоватый, но мелодичный и глубокий, женский голос практически нашёптывал в микрофон, создавая гипнотический контраст между мелодией и вокалом.

...Куда иду я, и откуда?

Сама того не понимаю.

Но отказавшись от себя самой,

Блуждать во тьме теперь,

Судьба моя...

«Прямо, Эйко. Мы идём прямо», — мысленно произнесла Эклипсо. «А там, будь что будет».

Она размышляла о том, почему портал вдруг открылся в том месте, бросив её в объятия демонессы, послужившей необходимой жертвой. Кто она, кем она была? Эклипсо она была явно не знакома. Из того, что ей было известно на данный момент по поводу работы порталов, она знала, что несмотря на изначально выбранную конечную точку выхода, открыться портал всё же мог в довольно неожиданном месте. Такое могло происходить, если мысли в момент перехода были направлены на что-то яркое, чётко отразившееся в сознании. Таким образом маршрут преломлялся и вместо изначального места назначения, незадачливый путешественник оказывался выброшенным как можно ближе к тому, о чём думал. Если, конечно, такое место, или существо, находилось с ним в одной плоскости бытия или вообще существовало в реальности. Если же нет, то дальнейшая судьба задумчивого странника могла быть ещё запутанней и неприятней. Именно поэтому во время перехода необходимо было концентрироваться только на конечной точке, и больше ни на чём другом.

Но, при чём здесь была эта демонесса? Ведь Эйко думала совершенно о другом в тот момент перехода. Эклипсо даже толком не успела понять, что это было за место; лишь летающие в воздухе, горящие карты остались в памяти.

«Ай, ладно», — она мысленно махнула рукой. — «Сейчас это не имеет никакого значения».

Но в глубине души Эклипсо понимала, что пытается отогнать от себя совершенно другие мысли. Пытается отмахнуться от пожирающего сознание червячка совести.

Она ведь никогда не считала себя какой-то плохой. Напротив, она была жертвой обстоятельств, вынужденной жить среди ужасных чудовищ. По крайней мере так она себя убеждала, ощущая невинной, чистой и благородной, лишь время от времени вынужденной делать не слишком чистые и далеко не невинные вещи. Ради выживания, ради главной цели, к которой она шла, сплюнув и закрыв глаза от отвращения к самой себе.

Долго так продолжаться не могло. С каждым разом Эклипсо всё омерзительней становилось смотреть на своё отражение в зеркале. И тогда появилась Эйко, которой, в общем-то, такая жизнь даже нравилась, как и любому другому суккубу. Альтер эго, пьющее вино с груди своих сестёр, скачущее с члена на член, и с наслаждением идущее по жизни, соблазнительно виляя задом.

Эйко не нуждалась ни в каких высших целях. Своё место и предназначение она уже нашла, и была им вполне довольна.

Но, случившееся с демонессой, Эклипсо уже оправдать не могла. Можно было выдумать тысячи причин, тысячи оправданий, но факт оставался фактом — она хладнокровно пожертвовала ни в чём не повинной жизнью ради своего выживания. Вот и всё. Просто и очевидно.

Они обе были в ужасе от этого: и Эклипсо, и Эйко. Третьей личности в своей голове, да ещё и такой, они совершенно не хотели. Поэтому, скрепя сердце, они вдвоём решили смириться с тем, что являются такими же чудовищными созданиями, как и все остальные жители Ада; но хотя бы постараются быть положительными персонажами в этом театре теней и абсурда, и сохранить частичку света в своей душе.

«Я так устала быть одной в этом месте», — поёжилась на ходу Эклипсо.

«Ты не одна, я всегда буду с тобой. И никуда нам друг от друга уже не отвертеться», — попыталась успокоить её Эйко.

«Ты прекрасно знаешь, о чём я», — ответила Эклипсо.

«Знаю», — вздохнула Эйко. — «Слушай, а почему бы не позвонить ему? Что мы теряем?».

«И что мы ему скажем? Эй Айзек, привет. Помнишь, мы потрахались недавно? Я тут нарушила табу, убив двух представителей твоего вида, и теперь не знаю, что делать. Можешь помочь как-нибудь?».

«Нууу», — протянула Эйко. — «Если отбросить излишний драматизм, и некоторые подробности, то что-то типа того, да. Можем просто спросить, можно ли пожить у него, взамен на определённые услуги конечно же».

«О, Боги, какая же ты...», — начала и запнулась на полуслове Эклипсо.

«Кто? Шлюха?», — рассмеялась Эйко. — «Ты уже говорила это».

Эклипсо молча шла по улице, размышляя о своём положении и дальнейших действиях. В словах Эйко было здоровое зерно, если не брать во внимание её истинные намерения по отношению к Айзеку. Ей ведь просто хотелось ещё раз окунуться с ним в ванну с лаймом. Но в отличие от неё, Эклипсо думала об этом в совершенно другом ключе, хотя и запах лайма ей тоже нравился, чего уж там. Если в ближайшее время начнутся поиски подозрительного суккуба, а они несомненно начнутся, то её вряд ли будут искать в компании демона. К тому же она ведь давно уже нуждалась в союзнике. В том, с кем можно было объединить усилия, с кем можно было бы поделиться мыслями о том, существует ли способ выбраться из этого

проклятого места.

«Вот именно!», — воскликнула Эйко. — «Когда-то же это всё равно нужно было начинать, и если он не подходящий кандидат для этого, то я тогда не знаю, кто ещё в этом городе подходит для этого лучше. Или ты каждый день встречаешь подобных ему демонов?»».

Эклипсо нашла глазами подходящее место, вдали от посторонних ушей, и на ходу вытащила телефон.

Гудки на другом конце прекратились практически мгновенно, и из динамиков раздался знакомый голос:

— Здравствуй. Не знаю, кто ты, и какого хера звонишь мне, но дело в том, что я включил автоответчик и выбросил этот телефон куда подальше. Он мне больше ни к чему. Так что... можешь конечно наговорить тут всякой ерунды, но я этого всё равно уже не услышу.

— Эммм, — задумчиво протянула Эклипсо, отстранив телефон от уха и удивлённо уставившись на него.

«Хмм. Да, и не говори», — согласилась Эйко.

Хотя разговора и не получилось, теперь Эклипсо отчётливо почувствовала невидимые нити, будто связывающие её с этим демоном. Что-то в интонациях его голоса настолько резонировало с её внутренними ощущениями, что она не могла произнести ни слова, непонимающими глазами уставившись на телефон.

«Как думаешь, что с ним происходит?»».

«Не знаю, но нам обязательно нужно его найти»».

«Честно говоря, я даже не знаю, как это сделать»».

«Я тоже... Хотя нет, погоди-ка»».

«Сейчас это слишком рискованно. К тому же у нас пока недостаточно сил для этого»».

«Да, нужно немного подождать. Но, теперь мы хотя бы знаем, в каком направлении двигаться дальше»».

«Да, и лично мне это направление совершенно не нравится»».

«Да брось, мы справимся»».

Эйко лишь вздохнула в ответ на это, мысленно прощаясь с вином, горячим душем и прочими благами цивилизации.

Глава 7: Судилице

— Твоя затея рискованна. Результат — слишком непредсказуемый нас ожидает.

— Сомневаться уже поздно. Зерно уже пророщено в нём, и неизбежно даст свои плоды в последствии.

— Но вправе ли мы вмешиваться в ход вещей? Вплетаться в замысел Его? Ведь какими бы они ни были, созданы они такими с определённой целью.

— Замысел Его никому не ведом, кроме Него самого, это верно. Но свобода выбора дарована нам тоже не просто так. Возможно, в этом тоже Его замысел?

— Возможно... Тогда нам нужно готовиться к неизбежному, Немезида.

* * *

Зал Судилица освещался всполохами свечей, густо увешанными вдоль стен. Просторное, круглое помещение не имело окон, и эхо голосов отражалось от мозаичного орнамента на потолке. В этом орнаменте едва уловимо угадывались какие-то дикие сюжеты и причудливые силуэты. Они словно живые, исполняли свой жуткий танец, извиваясь и строя гримасы. Однако это вполне могла быть просто игра света и воображения. С определённой судить об этом никто не мог.

— Айзек, странно видеть тебя здесь, в подобном качестве, — голос одного из четверых демонов, восседающих полумесяцем у края изогнутой стены, был глубок и безразличен, несмотря на слова, выражающие удивление. — Что можешь ты сказать в своё оправдание?

— Мы только зря тратим слова на это. Взгляни на него, разве ищет он оправдания? — голос другого демона был более эмоционален. В нём ощущалось раздражённое пренебрежение. И что-то ещё. Нетерпение. Ему не терпелось поскорее закончить со всей этой ритуальной бюрократией и заняться наконец действительно интересными делами.

Айзек молча смотрел на него. Он прекрасно знал, куда тот так торопится. Скорее насладиться обществом шлюх и вина, вот чего жаждал судья. И разве можно было осуждать его за это стремление? Конечно, это было куда увлекательнее, чем утомительная болтовня в этом зале, где решались судьбы крылатых существ.

Оправдываться. Айзек и правда не собирался этого делать. И уж тем более перед животными, не способными совладать даже с собственной похотью, хоть на некоторое время. Ставлящими свою животную жажду первичной целью своего существования.

— Ты прав, в своём молчании, Айзек, — продолжил безразличный голос, — твои слова всё равно ничего уже не изменят, и дальнейшая твоя судьба предрешена. Однако своим молчанием ты оскорбляешь нас и эти стены, где вершится правосудие.

Не сдержав улыбки, Айзек склонил голову набок, не вымолвив ни слова. Правосудие — при звуке этого слова двое судей сами расплылись в ухмылках. Но ритуал есть ритуал, тут уж ничего не поделаешь, поэтому в воздухе витала пафосно-торжественная чушь.

Быть может, будь Айзек моложе, он с яростью начал бы доказывать свою правоту, обличая судей и всё это судилище в абсурдности и лицемерии. Но сейчас ему было всё равно. Он не хотел сотрясать воздух, не видел в этом смысла. Какого-либо понимания он не добился бы своими доводами или объяснениями своих поступков. В данный момент он просто не видел перед собой тех, кто способен был бы понять то, что он хотел сказать.

К тому же, с точки зрения местных законов и обычаев, он, несомненно, был виновен, и судилище над ним было вполне правомерным. Правда Айзеку было плевать: и на местные

обычай, и на местную «правомерность». И хоть цена за своемыслие была достаточно велика, он с радостью готов был заплатить её. В общем-то у него и альтернатив других просто не было, потому что жить как раньше, пытаться быть тем, кем, по сути, никогда и не являлся, он просто уже не мог и не хотел.

Он просто чётко понимал, что добровольно не подпустит никого к своим крыльям. Так же он понимал, что его поступок никто не оценит, и даже вряд ли поймёт. Ведь существование в качестве бескрылого червя, было гораздо логичнее и понятнее для общества, чем не существование вообще.

Но Айзек собирался сделать это для себя, а не для кого-то. Внешнее его уже мало заботило. Внутренне было несоизмеримо важнее для него теперь. Поэтому не было каких-либо страхов или сомнений, но только спокойная, непоколебимая уверенность. В конце концов, чего и кого боятся тому, кто уже давно мёртв внутри?

Его крылья и руки были скованы светящимися и жужжащими энергетическими браслетами. Символы Судилища искрились на них, напоминая своему пленнику о том, чья он теперь собственность. Впрочем, его остроконечный хвост оставался свободен, так же, как и его зубы и рога. Этих инструментов ему было вполне достаточно для осуществления своей задумки. Для своего финального, молчаливого выступления.

— Что ж, твоих слов и не требуется. Так мы даже быстрее закончим со всем этим, — продолжал судья. — Приведите очевидца.

Стражники ввели в зал сгорбленную фигуру, опасно поглядывающую по сторонам. Борнасу явно было не по себе вновь находиться здесь. С тех пор прошло довольно много времени, но воспоминания вдруг нахлынули на него с новой силой, и он едва заметно заскулил, встретившись взглядом с одним из палачей. Они стояли прямо здесь, в зале судилища, ожидая незамедлительно предоставить свои услуги будущей жертве, и несомненно были рады столь внезапной встрече с одним из своих прошлых «клиентов».

Судья поморщился и обратился к Борнасу, не скрывая отвращения на своём лице, при этом удивительным образом сохраняя абсолютно безразличный тон:

— Ты находился ближе всех во время произошедшего акта кощунства и святотатства, червь. Что конкретно ты видел?

Прочистив пересохшее горло, Борнас начал свой рассказ, то и дело искоса поглядывая в сторону палачей:

— В тот день я, как обычно, занимался своими углями. Их пение было довольно тихим, и я конечно же со всей бережностью старался подкидывать в пламя...

— Довольно этой чепухи! — не выдержал один из судей. — Давай ближе к сути.

— Да, да, простите мою болтливость, — Борнас опустил голову. — Этот демон появился внезапно. Я услышал крики в небе, и увидел собрата в руках у демона.

— Этого демона? — судья лениво приподнял руку и указал в сторону Айзека.

Подняв глаза и проследив за указывающим, когтистым пальцем, Борнас часто закивал и вновь опустил голову.

— Да, это он. Это он.

В зале повисла пауза, Борнас нерешительно перетаптывался с ноги на ногу, не понимая, продолжать ему свой рассказ или нет.

— Ну?! Продолжай, — произнёс наконец один из судей.

«Низший» чуть дёрнулся и продолжил:

— Этот демон держал в руках моего собрата и что-то говорил ему. Я не мог разобрать

слов, видел только движение челюстей. А в это время тот лишь махал головой и кричал, — Борнас сглотнул слюну. — Затем он бросил его в котёл.

Воспоминание об этом вызвало гримасу разочарования на лице Айзека. Он убеждал «низшего», что тому нечего так верещать, ведь сейчас ему предстоит стать частью величественного события, которое, возможно, перевернёт с ног на голову всю Преисподнюю, да ещё и Рай наверняка захватит. И именно ему, «низшему» предстоит сыграть в этом ключевую роль.

Но тот «низший» лишь вопил от ужаса, не в силах понять величия этого прекрасного момента.

— Этот твой... хм... собрат... тоже был слугой Котла? — спросил судья.

— Да. Я видел ритуальные обручи на его руках. Их даже издали ни с чем не спутать.

— Да, это верно, — кивнул судья. — Продолжай.

— Ну... это всё. Это демон просто висел некоторое время над котлом, будто пытаюсь там что-то разглядеть. А затем удалился.

— Ты уверен, что это всё, или тебе есть ещё что рассказать?

— Я... я видел этого демона и раньше. Он часто прилетал к котлу. Но никого из нас он не трогал до этого.

Айзек внимательно смотрел на «низшего», судорожно пытающегося провалиться сквозь землю, лишь бы поскорее покинуть зал Судилица. Вот кого ему нужно было швырнуть в котёл. Этот экземпляр подходил на роль невинной жертвы гораздо больше, чем тот. Вздохнув, он качнул головой. Ну нет, он просто пытался принять желаемое за действительное. Всё же это ведь был такой же демон, хоть его тело и сознание и были необратимо искалечены. Поэтому едва ли котёл заметил бы разницу между ним и вопящими там грешниками. Этот «низший» тоже не подошёл бы. Увы.

В тот день Айзек схватил слугу Котла только из отчаяния. Осознавая, что чистой, невинной души в этих краях ему не найти, он хотел попробовать хотя бы этот вариант. Хотя прекрасно понимал, что это тоже не принесёт никаких результатов. Искалеченный, справедливо или несправедливо изуродованный — житель Ада оставался всё тем же жителем Ада. Поэтому котёл с радостью проглотил того «низшего», даже не поперхнувшись.

Судья посмотрел на Айзека, прикидывая в уме, стоит ли вообще тратить время на эти слова, однако того предписывал ритуал, поэтому ему ничего не оставалось, как произнести требуемые фразы:

— Признаёшь ли ты свою вину, Айзек, демон третьего круга?

— Осознаёшь ли неумолимые последствия своих действий?

Айзек продолжал хранить молчание, пропуская мимо ушей этот бессмысленный для него поток информации.

— Жизнь «низшего» не имеет значения. Несущественна, — продолжал судья. — Однако слуга Котла, выполняющий свою священную обязанность — неприкасаем, за исключением некоторых случаев конечно же. Своим поступком ты попрал древнейшие законы, наплевав на... хм...

Судья нахмурился, словно пытаясь вспомнить что-то.

Заметив это, сидящий рядом с ним демон ухмыльнулся и приподняв указательный палец, произнёс демонстративно поучительным тоном, глядя на Айзека с нескрываемым смехом в глазах:

— Наплевав на Миракешь — одно из древнейших табу.

— Одно из древнейших табу, — безэмоционально продолжал судья, кивнув головой, — карающееся соответственно.

Пожалуй единственный, кому в этом зале действительно было не наплевать на Миракешь, был Борнас, как непосредственный объект защиты этого закона. Субъектом он сам уже давно не осмеливался себя называть, всецело принимая свою новую роль в этом обществе.

Казалось бы, что Айзек тоже был затронут, ведь именно ему предстояло ощутить на себе карающую длань закона. Но ему было безразлично, более интересные мысли поглотили его. Когда ты мёртв, когда страх смерти уже не мешает, мыслительный поток в голове можно распределять более продуктивно. И действовать в итоге более эффективно.

А можно не думать вообще ни о чём и просто наслаждаться процессом.

— Ты вошёл сюда равным нам, Айзек, демон третьего круга, — произнёс один из судей, до этого хранивший молчание. — И здесь твой путь завершится. Выйдет отсюда бескрылый «низший», бесправный червь.

— Однако учитывая твои прошлые заслуги, — четвёртый судья тоже наконец подал голос, — ты будешь назначен на роль слуги Котла.

— Ты ведь всё равно вечно крутился там, — засмеялся второй судья, который был нетерпелив с самого начала. Процесс уже близился к завершению, и он предвкушал скорую встречу с суккубами и вином, разбавленным венозной кровью. А может и артериальной, зависело от настроения. И настроение у него было прекрасное. — Наконец сможешь пребывать там, возле своего любимого котла, целыми днями напролёт. Прямо как ты и мечтал, видимо.

При этих словах он растянулся в такой искренней и трогательной улыбке, что можно было подумать, будто он и правда желает Айзеку только всего самого наилучшего. От всего сердца, пускай и чёрного.

Айзек улыбнулся в ответ. Также вполне искренне.

Силуэты на потолочном орнаменте заплясали громче, скалясь и гримасничая в такт всполохам свечей.

* * *

Эклипсо торопилась, её затея была достаточно опасна, но других вариантов она просто не видела. Правда, если отбросить тревогу, она испытывала уже давно забытое чувство — ощущение жизни. Она словно пробуждалась ото сна. Да, вначале твоё тело ломит, а сознание всё ещё окутано туманом, и вот реальность врывается в твои лёгкие свежим, утренним воздухом.

Конечно, если только тебе нужна эта реальность, ведь многие готовы поскорее забраться в кровать и вновь забыться в своих снах. Их реальность настолько наполнена бессмысленностью и безысходностью, что они готовы любыми способами изменить своё состояние сознания, лишь бы убежать от неё. Некоторые даже умудряются обмануть при этом самих себя, убеждая в том, что просто любят развлечения, хотя внутри просто воют от отчаяния и непонимания.

Не понимая себя, не понимая этот мир, и не видя какого-либо смысла в очередном пробуждении.

Теперь Эклипсо вновь видела смысл. Ей нужно было найти способ покинуть это место, этот город, этот мир алых закатов и рассветов. Выбраться из этого Ада.

* * *

«А что, если он мёртв? Куда тогда нас занесёт?», — не унималась Эйко.

Её опасения были вполне обоснованы, поскольку, выбрав конечной точкой маршрута живое существо, нужно было быть готовыми к совершенно непредвиденным последствиям.

«Тогда нас выбросит к ближайшей точке того места, где он ещё был жив», — спокойно парировала Эклипсо.

«Это в теории?».

«Да, и теперь нам предстоит проверить это на практике».

Эклипсо, всегда рассудительная и задумчивая, и Эйко, часто безрассудная и легкомысленная; иногда они менялись местами, как в данном случае, и тогда уже в словах распутницы было здоровое зерно, тогда как слепая решительность целомудренной девы граничила с глупостью.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного, ведь, по сути, это было одно и то же сознание, причудливым образом разделившее само себя на две части. Две эти личности, давно уже ставшие отдельными частичками, вряд ли когда-либо смогли бы слиться в одно целое вновь, однако при этом они были близки друг другу как никто другой в этой вселенной.

Справедливости ради стоит заметить, что у Эклипсо был запасной план на случай того, если вдруг на выходе портал откроется прямо в воздухе или под землёй, поэтому её решительность была не такая уж и «слепая». Эйко прекрасно знала это тоже, но праздный образ жизни слишком размягчил её, поэтому унять свою тревогу ей удалось с большим трудом, даже несмотря на доводы Эклипсо.

* * *

Вначале время замедляется.

Затем исчезает вовсе.

Словно сторонний наблюдатель, ты видишь своё тело. Видишь другие тела. И тебе нет никакого дела: ни до своего, ни до чужого. Ты просто с безразличием наблюдаешь за развитием событий.

С безразличным... интересом.

Здесь нет ни победителей, ни побежденных, в этом театральном представлении.

Здесь нет ни радости, ни печали, в этом потоке.

Хруст. Лязганье. Боль.

Молчание.

Твоё сознание молчит, в ответ на эти внешние раздражители.

Не молчат лишь тени на стенах. Они пляшут и смеются, наблюдая за происходящим. Они улюлюкают и алчно скалят зубы, предвкушая всё новые и новые зрелища.

«Ещё! Ещё! ЕЩЁ!», — требуют они, впитывая в себя алые брызги крови — угасающие частички жизни, стекающие по камням.

Правый рог Айзека встречается с глазницей судьбы.

Зрачок расширяется, но не в экстазе, которого уже так долго и нетерпеливо ждал его владелец. Он расширяется в ужасе от осознания неминуемой встречи. Веки не успевают сомкнуться, словно это могло бы хоть как-то помешать костному отростку. Одна кость с треском трётся о другую, прокладывая себе путь вдоль стенок уже опустевшей глазницы. Сначала с хрустом, а затем с гулким хлюпаньем, кость проникает в мозг, избавляя обмякшее тело от страданий.

Словно в завершение, под аплодисменты и хохот танцующих теней, молот стража

врезается в одноглазую голову. Быть может, он промахнулся случайно, а быть может его сознание было уже настолько затуманено кровавым туманом, что ему было всё равно.

Пронёсшийся с ужасающей силой, круша на своём пути все препятствия: рог, череп, камень, этот молот застревает в стене. Лишь на мгновение, но этого хватает, и острый кончик хвоста рассекает шею стража.

Из обломанного рога сочится густая, чёрная жидкость, словно костный мозг, но Айзек не замечает этого. Он смотрит на удаляющиеся спины судей, и на приближающиеся лица стражей.

«ЕЩЁ!!!», — захлёбываются тени на стенах, танцующие под музыку свечных огней.

Руки Айзека всё ещё скованы. Всё ещё скованы его крылья. Но его несуществующая душа подпевает огням.

Его чёрное сердце словно пытается вырваться наружу и присоединиться к схватке.

Бам! Бам! Бам!:

— «Выпусти меня!».

Бам! Бам!:

— «Я тоже хочу поучаствовать в этом!».

Бам! Бам! Бам!:

— «Выпусти!».

Он ловит взгляд ближайшего стража. В этом взгляде нет ярости или гнева. Нет кровавой пелены. Взгляд стража сосредоточен и сконцентрирован на цели.

Айзек рад этому, и его сердце успокаивается. Ведь если это его последняя битва, то по крайней мере он видит в глазах своего противника ясность ума.

Перед тем, как засесть за шахматную партию, мы можем выбрать оппонента. Всегда приятно видеть по ту сторону доски мыслящее существо. В то время, как выбрать оппонента в реальной битве нам удаётся далеко не всегда. Поэтому такая встреча приятна вдвойне.

В этот момент может возникнуть только один вопрос: почему два мыслящих существа должны сейчас попытаться убить друг друга?

И на этот вопрос всегда найдётся ответ. Всегда найдётся оправдание для своих действий.

«Или он. Или я», — вот и весь ответ.

Два паука в стеклянной банке, в которой место лишь для одного.

«Наслаждайся своей банкой, победитель!», — хохочет владелец банки, потрясывая её в руках.

* * *

Для Борнаса время не остановилось. Оно металось: то ускоряясь, то замедляясь, и теперь он уже сам не понимал, как оказался меж двух огней. Меж двух молотов. Его тело онемело в ступоре, и он способен был лишь с вытаращенными глазами вертеть головой: то в сторону стражей, то в сторону Айзека.

Хватило бы всего нескольких шагов, чтобы убрать себя с пути грохочущей массы. Но организм не слушался. Его сил хватило только для того, чтобы обхватить голову руками и завывать.

В этот самый миг, словно услышав его вопль, пол под ногами Борнаса заискрился паутиной трещин, а вслед за ними открылся круговорот портала.

Впрочем, он схлопнулся так же стремительно, как и открылся, успев затянуть в себя лишь троих, оказавшихся в тот момент в радиусе его действия.

* * *

Засыпая, ты никогда не можешь знать наверняка, что ожидает тебя, когда откроешь глаза. Ты можешь только предполагать. Ты можешь даже быть уверенным на все сто процентов, что проснёшься в своей кровати. Что будешь делать то-то и то-то после пробуждения.

Однако... уверен ли ты, что именно так и будет на самом деле?

Уверен ли ты, что вообще проснёшься?

Как ты можешь быть хоть в чём-то уверенным в мире, который создан не тобой?

Айзек — поломавшийся и выпавший из огромного механизма винтик, не желающий более этой роли.

Эклипсо и Эйко — разделённое напополам сознание, живущее в тени своего мёртвого отца.

Борнас — «низший», чей разум оказался изувечен ещё больше, чем тело.

Безымянный страж — самозабвенно исполняющий свою функцию, молот правосудия.

Каждый из этих четверых и подумать не мог, что на самом деле приготовил для них этот новый день.

Каждый только предполагал. Только верил.

Быть может, даже был уверен в чём-то... на все сто процентов. И засыпая со своей уверенностью, знатно повеселил вселенную.

Глава 8: Сны

— Кого ты искала там, — раздался во тьме мужской голос, — в том иллюзорном мире?

— Каждый из нас кого-то ищет. Каждый кого-то... своего, — ответил женский.

— Ты не ответила.

— Да.

— Тогда какой смысл в нашей коммуникации? Какой смысл этого взаимодействия?

— Я не знаю. Может быть... ты знаешь?

Айзек промолчал. Он не знал, но в глубине своего существа чувствовал некую связующую их нить. Это было, словно давно забытая мелодия, внезапно услышанная спустя много лет. С удивлением ты понимаешь, что давным-давно утратил воспоминание о ней, будто её никогда и не существовало, но с первыми же нотами, с первыми же струнами память об этом возвращается снова.

Ещё он чувствовал некоторое раздражение по этому поводу. Он ощущал себя скованным, зажатым в медленно смыкающиеся тиски. Айзек прекрасно осознавал, что все эти ощущения навязаны ему извне. Искусственны. Только вот, навязаны кем? Для чего? Ответа он найти не мог, и это выводило из себя.

Он помнил, с какого момента всё это началось. С какого момента его сердце начало биться в другом, неизведанном до этого, ритме. Но при чём здесь была Эйко, ведь это случилось задолго до их встречи? Тогда почему именно она? Какую роль играла в этом всё она?

Чем больше вопросов он задавал себе, тем больше новых вопросов порождалось из этих размышлений. Но была одна мысль, всё больше и больше укрепляющаяся в нём с каждым разом — он был пешкой в чьей-то игре. И это ему совершенно не нравилось.

— Это всё какая-то игра для вас?!

— Что? — удивилась Эклипсо.

Айзек вновь промолчал, это адресовалось не ей. В общем-то, он и сам не знал, кому именно это адресовалось.

Он посмотрел на свою ладонь, и ничего не увидев, обратился в пустоту:

— Множество раз предполагая, что может оказаться за завесой бытия, я вовсе не предполагал, что за ней будет... вот это.

— И что же здесь странного? — голос Эклипсо звучал, словно растягивающееся эхо, неспешно отражающееся от невидимых, отдаляющихся стен. — За завесой бытия — небытие, только и всего.

— Только и всего, — задумчиво повторил Айзек. — Я полагал, что для каждого из нас это что-то своё, что-то индивидуальное. И тебя в этом небытие я уж точно не предполагал встретить.

— Это вовсе не «небытие», Айзек.

— Как ты можешь быть уверена в этом?

— Вообще-то это благодаря мне мы здесь. И говоря «здесь», я прекрасно знаю, где именно. И это место, вовсе не то, что ты думаешь.

— Ты понятия не имеешь, о чём я думаю.

— Возможно. А возможно и нет. А вообще, у тебя, конечно, довольно странный способ благодарить за своё спасение.

— Моё спасение? — Айзек удивлённо приподнял несуществующую бровь. — С чего ты взяла, что я нуждался в спасении?

— Выглядело всё так, словно нуждался.

— Иногда всё совершенно не так, как выглядит, — Айзек качнул головой.

— Разве ты хотел умереть? — настаивала на своём Эйко.

— Конечно же нет, — пожал плечами Айзек, — не хотел. Но я с любопытством ждал этой смерти, и был готов к ней.

— Как можно ждать смерти с любопытством? Что в ней любопытного?

— Разве тебе не любопытно?

— Нет.

Айзек улыбнулся и прикрыл глаза, хотя это ничего не изменило в этой пустоте:

— Так что же это за место?

— Скоро увидишь. Мой отец научил меня этому.

— Твой отец? — удивлённая бровь Айзека вновь поползла вверх.

— Да, мой отец. Здесь мы будем в безопасности, по крайней мере некоторое время.

— Откуда ты знаешь своего отца?

— Это долгая история.

— Понятно. Кстати, здесь с нами должны быть как минимум ещё двое, но я не слышу их.

— И не услышишь, — теперь уже Эклипсо пожал плечами, которых здесь не существовало. — Стражник мёртв, а «низший» не способен говорить, в данный момент.

— Они оба были вполне здоровы при входе в портал.

— Видимо что-то произошло при выходе.

— Погоди, — Айзек озадаченно нахмурился, — что-то я не припомню, чтобы мы выходили из портала. Разве в данный момент мы не совершаем переход?

— Ну, как бы это объяснить, — Эклипсо попыталась задумчиво прикусить губу. — Конечная точка портала, не совсем обычное место, и поэтому время там идёт тоже не совсем обычно. «Низший» и Страж первыми вышли... выйдут из портала, поэтому я и увидела это искажение времени. Да и, насколько я понимаю, «входя» сюда, мы в то же самое время и «выходим», словно никогда здесь и не были, ведь этого места не существует. Ох... лучше сам всё увидишь своими глазами, я не знаю, как объяснить словами.

Сперва во тьме мигнула слабая искра, затем замигало ещё несколько, и вскоре мир вокруг них начал прорисовываться. Он буквально создавался на их глазах, с помощью снующих повсюду искр. Словно маленькие кометы, они рисовали своими светящимися хвостами формы этого нового мира.

Айзек вновь посмотрел на свою ладонь и на этот раз увидел её. Вначале это были лишь схематичные, искрящиеся очертания, которые в скором времени превратились в кости и сухожилия, обрастающие мясом и кожей. Если до этого он был лишь бестелесным сгустком разума, то теперь этот разум обрастал плотью.

Теперь он понял, где находится, хотя ни разу не бывал в подобных местах лично.

* * *

— Твоих рук дело? — кивнув в сторону Стража, Айзек немного склонил голову набок, разглядывая получившуюся композицию. — Держу пари, даже в таком состоянии единственное, что его заботило, это нащупать свой молот и размозжить мне голову.

Эклипсо промолчала, едва сдерживая рвотные позывы. Да, это было дело её рук, однако

это было случайностью, а если ещё точнее — её недочётом.

Тело Стража как будто срослось с камнем, будучи перед этим вывернутым наизнанку. Какое-то короткое время он скорее всего даже был в сознании, судя по незамысловатым, кровавым узорам на поверхности камня, оставленным его агонизирующими конечностями.

С одной стороны, Эклипсо оказала Айзеку услугу, избавив того от неизбежной схватки. С другой, на месте Стража мог оказаться любой из них, ведь она просто немного ошиблась в своих расчётах, при создании этого мира.

— Время от времени все делают ошибки на своём Пути, — услышала она родной, спокойный голос. — Особенно те, кто идут по этому Пути настойчивей и решительней всех остальных. Воспримешь ты эти неизбежные ошибки как уроки, и используешь для оттачивания своих навыков, или воспримешь их как повод для самокопания, и погрязнешь в мути самобичевания — зависит только от тебя самой.

— Ты здесь? Где ты? — с надеждой в голосе, произнесла Эклипсо.

Айзек повернул голову и недоумённо взглянул на неё. Но она даже не смотрела в его сторону, и он понял, что эти вопросы были направлены кому-то другому.

«Его здесь нет, ты же знаешь», — ласково прошептала Эйко.

— Знаю, — грустно ответила Эклипсо, пряча покотившуюся слезинку, сверкнувшую в лучах голубоватого солнца. — Знаю.

Слегка прищурив глаза, Айзек наблюдал за суккубом, пытаясь определить степень её безумия. В том, что она была безумна, он уже не сомневался. Теперь он лишь хотел знать, кто из них двоих был безумнее. Впрочем, это было всего лишь спортивным интересом, не более того, и не имело какого-либо значения для него. Поэтому вскоре он начал оглядываться по сторонам, рассматривая окружающую местность.

Светлое, фиолетово-розоватое небо, прорезали редкие облака. В них отражалось голубое свечение местной, далёкой звезды, освещающей пустынную поверхность искусственно созданного мира. Паутина трещин на дне этого высохшего океана, тут и там утыканного валунами различной формы и величины, простиралась до самого горизонта.

«Низший» обнаружился невдалеке от одного из валунов. Он судорожно елозил руками по земле, поднимая в воздух облачка пыли, и что-то бормотал себе под нос, недовольно качая головой.

— Мне нужно избавиться от этих оков, — сказал Айзек, потеряв интерес к окружающему миру и взглянув на браслеты, всё ещё сжимающиеся на его запястьях. — Для творца миров это не должно составить труда, так ведь?

Он пристально посмотрел на Эйко и в её ответном взгляде промелькнула едва уловимая растерянность. Однако она быстро взяла себя в руки.

— В этом есть определённые риски, как ты уже мог заметить, — кивнула она в сторону Стража.

— Я готов рискнуть, — спокойно ответил Айзек, продолжая сверлить её взглядом.

В окружающем пространстве возникло тягучее напряжение, вдруг возникшее между ними. И причины этому были вполне закономерны, хоть пока ещё и не высказаны.

— Я могу убрать только наручные браслеты, — ответила Эклипсо немного погодя. — Браслеты, сковывающие твои крылья так просто убрать не выйдет, это слишком рискованно.

— Разберусь с этим потом. Пока достаточно будет и освобождённых рук, — кивнул Айзек.

Эклипсо кивнула в ответ и закрыла глаза. Она представила, будто Айзек является

частью этого иллюзорного мира. Представила, будто он создан ею точно так же, как и всё остальное вокруг. Это требовало огромной концентрации и являлось некоторой уловкой, потому что он всё равно являлся формой жизни, пришедшей в этот мир извне. Так же и его браслеты являли собой инородные тела для этого мира. Впрочем, именно это и было зацепкой, с помощью которой её план мог быть осуществлён.

Она не могла разрушить или уничтожить инородные тела в этом мире. Но она могла изменить их расположение относительно друг друга. Его оковы она разрушить не могла, но это и не требовалось, Эклипсо просто отделила два эти инородных тела друг от друга: Айзека и сковывающие его браслеты. В итоге оковы никуда не исчезли, с бряканьем ударившись о землю, и всё так же оставаясь закрытыми, но теперь уже отделёнными от плоти. Представив и Айзека, и браслеты, одинаковыми, бездушными объектами, она просто расположила эти объекты отдельно друг от друга в этом искусственном пространстве.

С оковами, сплетающими его крылья, такой фокус трудно было повторить, в силу особенностей их конструкции. Они, словно нити, окутывали эти крылья не только в материальном плане, но и в духовном, будто окутывая сознание. Поэтому снять их пока не представлялось возможным, даже для «творца миров».

Испустив вздох облегчения, Айзек размял кисти рук, сжимая и разжимая пальцы:

— Спасибо.

— Да не за что, — ответила Эклипсо после некоторой паузы, поняв наконец, что за этим сухим «Спасибо» больше ничего не последует. В глубине души она, видимо, ожидала немного более глубокого выражения благодарности.

— Сколько у нас времени? — не оборачиваясь, спросил Айзек.

— В каком смысле? — не поняла Эклипсо.

— Прежде чем мы растворимся в этом фиолетовом небе, — ответил Айзек, наконец взглянув на неё.

Этот взгляд не выражал какого-либо осуждения или гнева, скорее усталость.

«Прекрати, я всё знаю», — читалось в этом взгляде. «Незачем прикидываться душой».

— Как долго ты собираешься поддерживать «жизнь» этого мира? На сколько хватит твоих сил, прежде чем эта иллюзия, вне времени и пространства, начнёт пожирать своего творца? Начнёт пожирать тебя. И меня.

— Причина была вовсе не в этом, — начала было Эйко, но Айзек не обращал внимания.

— Энергия четверых распределилась бы достаточно незаметно. Практически без потерь для «творца», не так ли? — одним ртом улыбнулся Айзек, при этом глаза его не выражали улыбки. — Разве не для этого тебе понадобилось моё «спасение»?

— Ты не совсем прав, — ответила Эклипсо, начиная закипать. — Дело не только в этом.

— Но теперь нас только трое, — продолжал он, игнорируя её слова. — И теперь находиться здесь достаточно опасно. Если, конечно же, ты не планируешь принять на себя весь удар, и пожертвовать собой, своим телом и сознанием, ради поддержания функционирования этого иллюзорного мира и его обитателей.

— Мы здесь ненадолго, пока не решим, что делать дальше, — насупилась Эйко. — Ты слишком сгущаешь краски.

— Этот «низший», этот Страж, этот скованный демон — все мы, всего лишь батарейки для твоего побега из города. Батарейки для перехода через этот мир иллюзий, созданный тобой. Скажи, что я не прав.

— Ты не прав.

— Прекрати лгать хотя бы самой себе.

На этом их беседа закончилась. Айзек принялся разглядывать линию горизонта, погрузившись в свои размышления. Эклипсо отвернулась, уселась на землю, скрестив ноги, и принялась дискутировать с Эйко о его словах. Борнас, тем временем, продолжал искать свои рассыпавшиеся угольки, бормоча проклятия.

* * *

Когда Эклипсо открыла первый небольшой портал в зале Судилица, она осталась незамеченной в суматохе, и тогда ей в голову пришла идея с другим порталом, который можно было бы открыть прямо под ногами демонов. Так она и сделала, и в итоге план сработал.

Технически, Айзек был прав в своих предположениях об этом мире, постепенно высасывающем энергию из своего творца, для поддержания своей работоспособности. И чем больше в нём было гостей, пришедших извне, тем меньше требовалось этой энергии, равномерно извлекаемой из всех. Однако творец мог перенаправить всю свою энергию, если был достаточно силен для этого, чтобы другие не тратили свои силы. Именно так и произошло с маленькой Эклипсо и пожертвовавшим собой, Риманатой.

С другой стороны, Эклипсо и правда захотела спасти Айзека, обнаружив его в незавидном положении. Поэтому его слова, и сухая благодарность, были очень обидны для неё. В то же время Эйко восприняла всё это не слишком близко к сердцу, ведь отчасти она даже была согласна с Айзеком по поводу «батареек», но вот Эклипсо всё-таки испытывала отвратительное чувство несправедливости.

«Да какого хрена!?!», — безмолвно воскликнула Эклипсо, удивив сестру. «Вот, блять, и помогай теперь другим после такого!».

«Да ладно, ты и правда благодарности какой-то ждала что ли? От демона?», — ответила Эйко.

«Я ждала хотя бы понимания».

«Давай сконцентрируемся лучше на более насущных вопросах».

«Ладно, и правда».

* * *

— Угольки! Уголочки мои! — причитал Борнас, ковыряясь в рыхлой земле. — Как же так, порвался мешочек! Мешочек порвался! Я не виноват, не виноват.

И в этот момент он думал именно о том, о чём и говорил. Среди этих троих, возможно, он был наиболее честен с самим собой. Его не интересовало ничего, кроме маленьких угольков, покрытых ритуальными рисунками.

* * *

Вглядываясь в горизонт, Айзек прикидывал различные варианты своих дальнейших действий. Этот мир был довольно красив — огромные, пустые пространства, простирающиеся до линии, соединяющей небо с землёй. Но растворятся вместе с этим миром и отдавать ему свою энергию Айзеку, тем не менее, совершенно не хотелось.

Он гулял в закоулках своей памяти, выискивая крупинцы информации о подобных искусственных мирах. Из того, что ему пока удалось найти, он выделил только две важные детали. Первое — самому ему отсюда не выбраться. Из этого следовало второе — он так или иначе зависел в данный момент от Эйко.

«Если убить её, этот мир, со всей вероятностью, погибнет вместе с ней. Но непонятно

только, в какой точке пространства я окажусь после этого», — думал он. «Хм... оставлю это на самый крайний случай, если она окажется слишком нестабильной и несговорчивой».

Казалось бы, что Айзек противоречит сам себе, ища любые способы выбраться из этого места, в попытке выжить. Ведь совсем недавно он сам искал смерти. Всё дело было в том, что если он и искал её, то по своим правилам. Словно осознанное намерение. Но оказавшись в этом иллюзорном мире, будучи буквально выдернутым из зала Судилица, Айзек ощущал себя безвольной марионеткой в руках судьбы.

Его злило, что кто-то или что-то смеет вмешиваться и управлять его жизнью вместо него самого. Делалось это с благими намерениями, или плохими, совершенно не имело значения. Ведь в обоих случаях эти решения принимались не им самим.

Он буквально чувствовал себя какой-то тряпичной куклой, которой играет сумасшедший ребёнок. В один момент этот ребёнок захотел одно, в другой момент другое. Вот он захотел спасти куклу от смерти, а в другой момент захотел сам же оторвать этой кукле конечности. И желания куклы его не интересовали. В общем-то, у него и в мыслях не было, что у его игрушек могут быть какие-то там желания и своё собственное мнение по поводу всего этого.

Но Айзек не собирался быть чьей-то куклой, чьей-то игрушкой. В его планы совершенно не входил этот искусственный мир, созданный безумным суккубом — такой же куклой в чьих-то руках.

Его вдруг разразил смех. Перед его глазами возник образ ребёнка со спутанными волосами и совершенно безумными глазами. Он сидел на какой-то свалке сломанных игрушек и сжимал в одной руке куклу демона, а в другой куклу суккуба.

— А теперь, целуйтесь! — воскликнул детёныш, с треском соединяя куклы.

* * *

Вода озера была полна тепла, и обволакивающей нежности. Раскинув руки и покачиваясь на его зеркальной глади, словно на огромной, мягкой постели, Эклипсо закрыла глаза и мгновенно провалилась в царство снов.

— Ты так выросла, — тихий голос Риманаты звучал откуда-то издалека. — Такая взрослая.

— Где ты?! — оглядывалась по сторонам Эклипсо, но вокруг неё были лишь медленно извивающиеся водоросли.

Эти подводные растения сверкали точечками огоньков, оставляя за собой светящийся след.

— Ты продолжаешь цепляться за прошлое. Пытаешься его вернуть. Изменить.

— Я так скучаю по тебе, — заплакала Эклипсо.

— Прощлое прошло, Эклипсо. Его не вернуть, не изменить.

— Что мне делать, отец? Я уже просто не знаю, что мне делать.

— Делай то, что считаешь нужным. То, что считаешь правильным. Всё остальное не имеет никакого значения.

— Но как мне понять, что правильно, а что нет? Иногда разница совершенно не заметна.

— Правильно или неправильно — должна решать только ты сама, потому что у каждого своя правда. И каждый прав в своей правоте, даже если заблуждается.

Эклипсо грустно улыбнулась:

— Опять твои противоречивые загадки, отец.

— Эклипсо, милая моя Эклипсо. Неуклонно продолжай следовать своему Пути, и все противоречия исчезнут сами собой. Всё лишнее отсеется само собой.

* * *

Айзек сидел за пишущим столом и царапал на плотной бумаге письмо, предназначавшееся существу, которое он никогда в глаза не видел. Его пишущий инструмент представлял из себя крупное перо бежевого цвета, испещрённое красными прожилками, а на пушистом кончике красовалось красное пятно настолько ровной формы, будто этот круг был нарисован на пере искусственно. Глядя на это перо, можно было только представить, насколько красиво выглядела птица, пожертвовавшая его.

Чернильницей служила человеческая голова. Верхняя часть этой головы отсутствовала, открывая доступ к тёмной, красной жидкости, заменяющей чернила. Пламя настенных свечей играло на поверхности этих натуральных чернил каждый раз, когда Айзек макал в эту «чернильницу» своё перо, создавая маленькие, кольцеобразные волны на поверхности этого причудливого озера. При этом лицо человека-чернильницы выражало лёгкую озадаченность, и только молча следило глазами за движениями руки демона.

«Дорогой Иисус, Сын Божий и всё такое прочее,

Мы не знакомы с тобой лично, и сказать по правде, заводить такие знакомства у меня нет особого желания, как, уверен, и у тебя тоже. Однако же у меня нет другого выхода, поэтому обстоятельства вынуждают обратиться за помощью к такому существу, как ты.

В конце концов, ты ведь сам всегда учил помогать ближним и не оставлять в беде. И разве имеет значение, является этот ближний человеком или кем-то другим? Поэтому с твоей стороны было бы не тактично, оставлять в беде обращающегося к тебе за помощью, кто бы это ни был. Разве нет? Разве не этому учил тебя твой Отец?

Учитывая то, что ты до сих пор продолжаешь читать это письмо, смею предположить, что если не сострадание, то хотя бы обычное любопытство тебе всё же присуще. Но, кто не без греха, а?

Тогда перейду сразу к сути.

Однажды ты пожертвовал своим телом ради людей. А готов ли ты пожертвовать ради них своей бессмертной душой, которая, в отличие от тела, вряд ли воскреснет?

Если заинтересовался, к чему я веду, то напиши мне, и мы обсудим подробности. Если не заинтересовался, то и чёрт с тобой.

С наилучшими пожеланиями,

Айзек, демон третьего круга и всё такое прочее

P.S. Ты знаешь, всегда было интересно, какой путь ты выбрал бы на самом деле, если бы не был безвольной марионеткой своего Отца».

* * *

Борнас летал среди облаков. Паря с закрытыми глазами он даже не придавал значения возможному столкновению с кем-либо или чем-либо. Ему было настолько всё равно, что ничто, кроме ветра в ушах, не имело никакого значения.

— Ты забыл о своём долге, друг? — раздался голос, откуда-то со стороны.

— Твой долг! Твоя судьба! — вторил другой голос.

Не открывая глаз, Борнас качнул головой, будто пытаясь стряхнуть незваных гостей. Однако гости не торопились покидать его.

— Разве ты забыл о своей службе? Разве ты забыл о своём месте?

— Моё место? — задумчиво пробормотал Борнас.

— Конечно. Чьё же ещё? Кто, кроме тебя, достоин этой великой чести? Кто, кроме тебя, способен поддерживать жар Котла?

— Жар Котла, — бормотание Борнаса становилось еле разборчивым. — Мои угольки! Мой долг!

— Вот именно! Твои угольки! Ты совсем забыл о нас, — укоризненно звучали голоса. — Тебе всё равно. Тебе плевать.

— Нет! Нет! Нет! Мои угольки! — встревоженно закричал Борнас, открыв глаза.

В тот же миг он понял, что не имеет крыльев, и камнем устремился к приближающейся навстречу земле.

— Мои угольки! Мои друзья! Как же я мог! Как же мог, — заскулил он, пытаясь дотянуться до падающих вместе с ним угольков.

Он схватил ближайший уголёк и попытался засунуть его в мешочек на поясе. Обнаружив, что мешочек отсутствует, Борнас в отчаянии сжал уголёк в руке и прижал к груди.

— Что же делать? Как же так? — взволнованно бормотал он.

Его уже совершенно не тревожило падение, его волновало лишь то, как собрать своих друзей. Свои угольки.

Его глаза вдруг округлились в догадке, и улыбнувшись, он засунул уголёк себе в рот. Все остальные отправлялись туда же. Однако вскоре места во рту уже не осталось, но угольков вокруг было ещё великое множество. Все они падали вместе с ним, и молили о спасении.

Слёзы брызнули из глаз, когда он начал раздирать свой живот, впившись в него когтистыми пальцами, но на его лице в этот момент сияла улыбка.

«Здесь! Здесь вы все сможете поместиться! Я спасу вас всех!».

— Жар Котла продолжит пылать! — торжественно запели угольки. — Очищающее пламя!

* * *

Голоса под фиолетовым небом: кричали, смеялись, что-то бормотали, что-то выясняли, что-то доказывали кому-то. Трое под одними и теми же облаками, но каждый отдельно в своём, персональном кошмаре. Каждый в своём сне.

Впрочем, кошмар быстро сменялся прекрасным сновидением, но только лишь для того, чтобы вскоре вновь превратиться в кошмар. Эти сны не приносили никакого облегчения: ни для тела, ни для души. Они лишь выковыривали из самых потаённых уголков сознания все нерешённые вопросы, чтобы попытаться решить их, хотя бы во сне. Чтобы найти ответы хотя бы здесь, в мире грёз.

* * *

— Почему ты ешь эти ягоды? — с удивлением в голосе, спросил Айзек.

Его удивление было направлено скорее на самого себя, нежели на собеседницу. Слова, словно птицы, вылетали из уст самовольно и совершенно неконтролируемо.

— Какие ягоды, Айзи? Что ты несёшь вообще, — захохотала Эйко, вытирая со своих губ фиолетовый сок.

Ягоды были сладкие и сочные. Сногшибательный вкус, вышибающий остатки здравого рассудка.

— Не называй меня так! — огрызнулся Айзек.

— Как? — Эклипсо продолжала гоготать во всё горло.

— Айзи. Я не Айзи.

— А кто же ты? — внезапно остановив новый позыв смеха, воскликнула Эйко.

Вместо ответа Айзек раздавил в ладонях очередную горсть ягод, а затем прикрыл лицо руками, по локоть испачканными в чернилах ягодного сока.

— Я никто. Я пустота под маской, — наконец прогундосил Айзек сквозь ладони.

Эйко вновь залилась смехом.

* * *

Выныривая из трясины безумия, изредка это ему пока удавалось, Айзек уже всерьёз начинал обдумывать план побега из этой западни. Было совершенно очевидно, что всё происходящее вокруг — дело рук творца этого мира. Почему этот творец вдруг впал в сумасшествие — не имело никакого значения. Имело значение то, что Эклипсо становилась опасна и для себя, и для всех окружающих. И чем дольше они оставались здесь, тем меньше шансов у него оставалось.

Просто свернуть ей шею было очевидным, но довольно рискованным поступком. Он не знал наверняка, как после этого поведёт себя этот иллюзорный мир. Последствия могли бы быть совершенно непредсказуемыми, и вместо спасения, Айзек мог бы наоборот застрять здесь без какой-либо возможности выбраться. Поэтому пришлось пока отбросить эту идею, и придумать более гуманный способ.

Но думать было всё сложнее с каждым рассветом.

Хотя... Зачем вообще думать?

Ягоды такие вкусные!

Закаты такие красивые!

* * *

— С угольками хоровод! — орал Борнас нараспев. — Станьте души, станьте в круг!

— Вместе веселей гореть! — подпевали угольки. — Не утихнет ваша боль!

— Никогда!!! — крикнул Борнас.

— Никогда!!! — вторили ему угольки.

— До скончания времён!!!

* * *

«Что-то не в порядке», — озадаченно думала Эйко.

— Да брось, прекрати, — возразила Эклипсо вслух. — Здесь прекрасно, всё в совершенном порядке!

«Только послушай саму себя. Вообще-то, из нас двоих, это ты всегда была сосредоточением морали и здравого рассудка», — воскликнула Эйко. «А теперь посмотри на себя! Посмотри на нас! Что происходит?», — не унимался назойливый голос в голове Эклипсо.

— Ты просто переутомилась и разучилась отдыхать, — пожалала плечами Эклипсо, и отмахнулась рукой от невидимой мухи. — Лучше взгляни на Айзи... А-ХА-ХА! Что он делает?

«По-моему он отрезает ему нос», — раздавшийся в ответ голос Эйко уже приобретал совершенно другой оттенок. Сумев вынырнуть лишь на мгновение, её разум вновь погружался в мутные воды.

— Откуда у него нож вообще? Так, погоди-ка, да это же НАШ нож! — изображая притворное возмущение, воскликнула Эклипсо, подбоченившись.

«Ох и мерзавец!», — захихикала Эйко.

Когда Айзек подносил лезвие ножа к лицу Борнаса, тот совершенно не сопротивлялся

этому. Его уши уже устали слышать эти песни угольков, хоть они и были прекрасны, поэтому избавится наконец от своего неугомонного языка было неопишваемым облегчением.

Впрочем, вместо этого можно было бы отрезать уши, но Айзек указал на то, что Борнас думает только о своём собственном комфорте. И что находясь в обществе, думать только о себе — слишком эгоистично и невежливо.

Борнас согласился с этими доводами, ведь лишившись ушей, он всё равно продолжал бы горланить свои песни, надоедая спутникам. Это и правда было весьма грубо и невежливо с его стороны. Правда он всё же предложил вариант — отрезать уши всем троим, ведь тогда никакие шумы уже не потревожили бы их. Но Айзек отнёс эту идею, аргументировав свой отказ тем, что возиться с тремя, да ещё и по паре ушей на каждого — слишком много мороки.

* * *

— Если частичка, хоть маленькая частичка твоего ёбаного сознания ещё способна воспринимать, ВОСПРИНИМАЙ!

Руки Айзека сжимались на горле Эклипсо. Достаточно сильно, чтобы она чувствовала прикосновение смерти, и достаточно слабо, чтобы она была способна думать и говорить при этом.

— Вау, Айзи! Тоже любишь пожёстче? — хрипела Эйко. — Но это слишком сильно... даже для меня.

Одновременно пытаюсь удержать хлипкую мозаику своего рассыпающегося разума, и при этом не обращать внимания на соблазнительные формы суккуба, Айзек продолжал:

— Я знаю, что где-то там... ты слышишь меня и понимаешь, что происходит. Где-то там... на дне.

— Вынырни! Вынырни хоть на мгновение! Тебе же нужен воздух, правда, Эйко? Вынырни и вдохни!

Эклипсо чувствовала, что ей необходимо было что-то сделать. Она правда не понимала, что конкретно. Это было словно забытое... Что-то забытое... Просто нужно было вспомнить.

Эйко настаивала, что выныривать нельзя ни в коем случае, что это какая-то ловушка.

Или на этом настаивала Эклипсо? Кто есть кто, что есть что — было уже совершенно неясно.

— Разум, безумие — плевать! — кричал Айзек. — Но поток воздуха тебе просто необходим, хочешь ты того или нет. Воздух, Эйко, или как там, чёрт тебя дерит, зовут. Тебе нужен поток воздуха, прямо сейчас!

— Воздух.

— Да, именно он! И здесь его нет... этого воздуха. В этом мире его нет, понимаешь? — напирал Айзек.

— Его нет?

— Нет, совершенно точно, здесь его нет. Но воздух может быть в других мирах. И он нужен тебе!

— Воздух нужен мне сейчас как воздух, — засмеялась Эклипсо, развеселившись внезапным каламбуром. Но её смех застрял в ладонях Айзека, продолжающих сжимать её горло.

— Выныривай, Эйко. Воздух, который тебе так нужен сейчас, на поверхности другого мира!

Сознание Айзека начало бороться само с собой, то ослабляя, то сжимая хватку. Одна часть настаивала на немедленном сворачивании шеи, пока ещё не поздно. Ведь несмотря на риск, в этом случае всё же оставался крохотный шанс. Другая настаивала на том, чтобы...

Чтобы что?

Кто настаивал? На чём?

* * *

Звёзды померкли так же внезапно, как и появились однажды. Здесь больше не было никого, кто мог бы наблюдать за их красотой и великолепием. Поэтому, без наблюдателя отпала потребность и в наблюдаемом.

* * *

— Кого ты искала там, — раздался во тьме мужской голос, — в том иллюзорном мире?

— Каждый из нас кого-то ищет. Каждый кого-то... своего, — ответил женский.

Остальные два участника перехода молчали. Один был давно уже мёртв, а у второго отсутствовала возможность говорить. И петь.

Глава 9: Храм

Разглядывая статую в центре миниатюрного озера, Эклипсо казалось, что во всём этом есть какая-то злая ирония. Ведь несмотря на все усилия отца, она всё же в итоге попала сюда.

Эта величественная статуя олицетворяла собой услужливость и бездумное подчинение, но в то же время, хитрость и коварство. Ладони суккуба, сидящей в позе лотоса на небольшом камне, были сложены словно в молитве. При этом её покорно склонившаяся голова создавала невероятный контраст со взглядом «из-под лба» и едва заметной ухмылкой.

Импровизированное озеро было окружено пятью кострами, соединяющимися между собой под водой какой-то сияющей лентой. Полыхающая, пятиконечная звезда, со статуей суккуба в центре — именно такая картина открывалась перед наблюдателем, созерцающим это творение с возвышенности.

Отражаясь в воде, язычки пламени касались каменной кожи статуи, словно посылая ей воздушные поцелуи.

Огоньки отражались от каменных глаз.

«Можешь делать со мной всё, что только пожелаешь, а я могу сделать всё, о чём тебе даже не грезилось», — будто читалось в этих глазах. «Однако помни о цене, которую тебе придётся заплатить за это».

— Как это прекрасно, должно быть, наконец вернуться домой, а? — издав смешок, произнёс Айзек у неё за спиной.

Она не могла понять, прозвучало в его голосе ехидство, или ей это просто показалось. Он ведь всё ещё и понятия не имел о её настоящем происхождении, поэтому вполне искренне предполагал, что Храм Луны — это её родной дом. Как и любого другого суккуба. Но даже если и так, к чему эта издёвка?

А ещё она не могла понять его мотивов и его поведения. Иногда он казался ей таким искренним и чутким, что это немного отличало его от обычного образа демона. Но иногда он словно одёргивал себя и вновь нацеплял свою маску, будто чувствуя, что выбивается из привычной, демонической «роли».

«А может никакой маски и нет вовсе?», — подумала она. «Может он просто такой и есть на самом деле?».

Эклипсо размышляла над тем, что возможно маской являлась как раз его положительная сторона, а не наоборот. Ей вдруг вспомнился особняк, из которого ей только каким-то чудом удалось выбраться невредимой. Вспомнилось изувеченное тело Мирады и её глаза, умоляющие о милосердии. Вспомнился безжизненный, холодный голос демона, в котором не было и капли сострадания.

«Неужели Айзек такой же? Неужели внутри него живёт такой же извращённый ум, как и во всех остальных демонах? Неужели отец ошибался?».

Новая порция вопросов без ответов.

— Уже бывал здесь? — спросила Эклипсо, не оборачиваясь.

Айзек промолчал, лишь коротко взглянув на неё с едва заметным удивлением.

Эклипсо на миг задумалась о возможной причине этого удивления, и тогда Эйко решила задать вопрос в лоб, минуя пустопорожние размышления:

— И что же такого удивительного в этом вопросе?

Он ответил лишь спустя некоторое время, после того как зачерпнул воды и освежил лицо искрящимися отражениями озёрных огоньков:

— Удивительное в этом то, почему я нёс всю ту дичь... той ночью... в том номере отеля? Что заставило меня быть столь сентиментальной жижей тогда?

Эйко ждала продолжения, но осознав, что нормального ответа не дожждётся, попыталась переключиться на более насущные дела. Например на то, как воспримут их появление здесь местные жители.

Услышав невнятное мычание невдалеке, она только сейчас вспомнила об их третьем спутнике, называвшем себя Борнас. Он прикрывал рот ладонью и качал головой, недовольно поскуливая. Эклипсо ждала очередного сарказма по этому поводу со стороны Айзека, но тот, казалось, полностью утратил интерес к окружающему миру, сидя у края озера и поигрывая с водой своей рукой.

Вспомнив ещё кое о чём, она повнимательней огляделась по сторонам. Мёртвого стража, изуродованного и слившегося с камнем, нигде не было видно. По всей видимости иллюзорный мир забрал его, словно трофей. Исчезая, растворил тело несчастного вместе с собой.

Это был словно щелчок по носу, наглядно дававший ей понять, что несмотря на знания, оставленные отцом, она до сих пор понятия не имела о том, как на самом деле работают иллюзорные миры. Какова их природа и механика. Но на теорию у неё просто не было времени. Да и найти подходящий источник знаний не представлялось возможным. Она была вышвырнута в полевые условия, поэтому набивать шишки приходилось на собственном опыте. И порой, достаточно горьком.

В этот момент Эклипсо и Эйко явственно, чуть ли не физически, осознали, что даже среди союзников они оставались совершенно одни, и полагаться могли только на себя. Хотя, возможно однажды они слишком поторопились с выводами, называя кое-кого своим союзником.

Но сейчас это уже не имело значения. Что сделано, то сделано. Нужно было двигаться дальше.

«Мы справимся!», — пискнула Эйко, и Эклипсо мысленно поблагодарила её.

* * *

Вода закручивалась спиралью, когда ладонь Айзека зачерпывала очередную порцию. Это напомнило ему о высказывании, услышанном им когда-то давно, о том, что всё идёт по спирали. Как бы далеко не занесла судьба, очередной виток снова возвратит тебя к изначальной точке. Но ты уже будешь совершенно другим к этому моменту, именно в этом и проявляется эта спиралевидная особенность бытия. Прямо как спираль ДНК.

Путешествуя в другие миры, сквозь пространство и время, у тебя создаётся иллюзия разнообразия и изменения окружающего мира. Но этот окружающий мир, по сути, никогда не меняется, всегда возвращаясь к своему началу. Обнуляясь.

Цивилизации строятся и вновь разрушаются, когда спираль истории совершает очередной виток. Изменяешься лишь ты сам в этом пути. То, что ты называешь «собой». Из мира в мир, из жизни в жизнь, никто из нас уже не будет прежним. Только эта чёртова спираль времени останется неизменна.

Айзек прикрыл глаза и воспоминания нахлынули на него стремительной волной, унося за собой.

Сжимая в руках молот, демон третьего круга старался сконцентрироваться на своей задаче, выбросив посторонние мысли из головы. Однако переход через портал совершенно не способствовал этому. Здесь, во время перехода, этого самого времени словно не существовало, и поэтому размышления — это был единственный способ развлечь себя.

У них была совершенно чёткая и ясная задача — настигнуть и покарать беглеца. К чему тут были какие-то размышления? Но всё же ему не давала покоя одна мысль, как бы он не пытался заглушить её. Он прекрасно понимал, на какой огромный риск пошёл беглец. Но что побудило его на этот риск? Отчаяние? Безумие? И ради чего?

«Мира» — бескрылые, синекожие колдуны и шаманы, когда-то давным-давно интегрированные в общество демонов, были довольно сложными существами. Сложными в том плане, что порой даже демоны поражались философии и мировоззрению «мира», оставив однажды бессмысленные попытки понять их. Эти существа обладали довольно сильными психическими способностями, позволявшими им окунаться в ритуалы, недоступные многим демонам. Но при этом они не проявляли интереса к захвату власти, и демонам это безразличие было совершенно не понятно.

«Ладно, это всё не важно», — он крепче сжал рукоять своего оружия, и мысли ненадолго умолкли.

Выскочив из портала и сохраняя хладнокровие, чтобы не крушить всё подряд, как это обычно происходило в подобных случаях, они распределились по территории храма, цепко охватывая окружающее пространство в поисках своей цели.

Гулкий стук копыт эхом разносился по коридорам, отражаясь от каждого тёмного уголка, и заставляя суккубов жаться в стены, освобождая путь неумолимой силе. Хлёсткие хлопки крыльев разлетались над черепичными крышами, нарушая покой древних статуй.

Он заметил свою цель возле бассейна, и устремился вниз, ощущая свист ветра в ушах. «Мира» держал детёныша в одной руке, а другой пытался начертить ритуальный символ, время от времени покусывая себя за ладонь, выпуская новую порцию своей крови. Быстро наметив траекторию движения и замахнувшись молотом, демон намеревался раздробить эту ладонь прямо на подлёте, тем самым лишив «мира» возможности сопротивляться. Такая аккуратность требовалась вовсе не для того, чтобы случайно не задеть детёныша; жизнь маленького суккуба совершенно не интересовала демона. «Мира» нужен был живым для Судилица.

На мгновение колдун замер, привлечённый глазами детёныша, в отражении которых сверкнула тень приближающейся угрозы. Он даже успел улыбнуться этому забавному факту — молчаливое дитя, пусть и совершенно неосознанно, предупредило его об опасности. «Мира» отпрянул в сторону, но молот демона лишь изменил направление и всё же настиг свою жертву, дробя хрящи и кости на ноге. Колдун взвыл от боли, но несмотря на это нашёл в себе силы для взмаха руки.

Высекая искры, молот с грохотом врезался во внезапно оказавшуюся на пути преграду. Едва заметный, прозрачный купол, которым успел окружить себя и своё дитя колдун, был знаком демону, и это заставило его ещё раз удивиться настойчивости «мира». Демон прекрасно знал, какие силы и какие жертвы нужны для чего-то подобного. Однако вскоре мысли снова ушли на задний план, оставив место лишь инстинктам. Он ударил по преграде ещё пару раз, однако вскоре оставил эту затею, понимая её бесполезность. Покачивая молотом, он медленно кружил вокруг купола, сверля колдуна испепеляющим взглядом.

Словно хищник, лапа которого не дотягивалась до своей жертвы, спрятавшейся в норе, но не оставлявший попыток добраться до неё.

— Ради чего всё это? — раздался голос демона. — Ты же знаешь, что тебе уже никуда не деться.

«Мира» молчал. Он бормотал что-то себе под нос, чертя на каменном полу какие-то знаки, и морщась от боли.

— Взгляни на свою конечность, колдун, — продолжал демон, качнув молотом в сторону окровавленной ноги. — Жизнь покидает твои сосуды.

В ответ «мира» лишь поджал губы и закрыл глаза. Его свободная рука начала покачиваться в такт мелодии, видимо слышимой лишь им самим.

К этому времени к бассейну подоспели другие демоны. Теперь все они окружили прозрачное убежище колдуна, словно статуи, опёршиеся о свои молоты. Их глаза были закрыты, а уста безмолвно шевелились, мысленно произнося ритуальные строки.

Несмотря на тихую безмятежность, каковой вся эта картина представлялась со стороны, в другом, невидимом мире бушевала оглушающая буря. Несмотря на всю мощь, которой обладала психика «мира», она едва ли могла одновременно противостоять столь большому количеству демонов, и защитный купол постепенно угасал.

Но всё же из этой ситуации был выход. И несмотря на цену, которую требовалось заплатить за это, колдун был настроен решительно. Слишком далеко он зашёл ради своей цели. Слишком бесповоротно, чтобы отступать назад. Теперь ему было уже всё равно. Прижав к груди детёныша, и собрав оставшиеся силы, он громко произнёс требуемые, древние слова.

Бровь одного из демонов удивлённо поползла вверх, когда он почувствовал колыхание в пространстве, обозначающее лишь одно. Он не мог поверить, что «мира» готов был пойти настолько далеко. Что вообще могло быть ценным настолько, чтобы заплатить за это своим бессмертием?

* * *

Открыв глаза, Айзек искал своё отражение среди водной ряби, но не смог его найти. Вместо него, на Айзека смотрело совершенно незнакомое ему существо.

— Что же ты такое? — вздохнул он, и ударил ладонью по воде.

— Надеюсь ты наконец наигрался с водой, — раздался позади него знакомый голос. — Потому что нам давно уже пора убираться отсюда.

— Напротив, здесь мы в безопасности, — ответил он, не оборачиваясь. — По крайней мере, некоторое время.

— Что ж, полагаю ты всё-таки уже был здесь, — ответила Эйко сама себе.

Внезапно Айзек обернулся и приложил палец к своим губам, всем своим видом настойчиво предлагая ей заткнуться:

— С этого момента рекомендую тебе держать рот на замке и подыгрывать мне. Если, конечно, хочешь выбраться отсюда живой.

Сперва Эйко, совершенно рефлекторно, хотела было бурно возразить, однако внутренний голос заставил её воспринять его слова всерьёз.

Тем временем Айзек перешёл на шёпот, поглядывая куда-то в сторону, за спиной Эклипсо:

— Вы, вместе с Борнасом — мои слуги. Мои молчаливые слуги. Чем меньше ты будешь говорить, тем лучше для тебя же самой.

Затем он поднялся и не спеша направился навстречу хозяевам этого места, двум суккубам, появившимся из арочного проёма невдалеке от бассейна.

— Приветствуем тебя, наш гость, — произнесла одна из них мягким голосом. — Боюсь, что мы не были предупреждены о твоём визите.

— Приветствую, — ответил Айзек. — Ничего страшного, к тому же шумиха мне ни к чему.

Суккуб понимающе улыбнулась и кивнула:

— У нас есть прекрасные нижние помещения, где гостям никто не сможет помешать.

— Я всё же предпочёл бы верхние этажи, с балконом и хорошим видом.

— Как пожелаешь, всё это лишь вопрос цены, — совершенно искренне улыбнувшись при этом, ответила вторая.

— Это верно, лишь вопрос цены, — кивнул в ответ Айзек и оглянувшись, поискал глазами Борнаса.

Тот сидел поодаль и ковырял пальцем в узорчатых углублениях на каменном полу. Айзек взглянул на Эйко и указав рукой на Борнаса, приманивающим жестом велел ей подвести его к себе; молясь при этом всем богам, чтобы безумный немой кочегар Адского Котла не выкинул каких-нибудь глупостей, и не разрушил тем самым всё это театральное представление.

Сознание Эклипсо всё ещё противилось абсурдности всей этой ситуации, однако Эйко быстро поняла, что к чему, и вошла в роль. Она лёгким тычком заставила Борнаса подняться на ноги и подвела к остальным.

— Золото монет ценнее бумажных купюр, однако у меня есть кое-что ещё ценнее, — сказал Айзек и указал на Борнаса, прижимавшего руки к груди. — Покажи им это сокровище.

«Моё сокровище», — хотел было поправить Борнас, однако вместо этого из его рта вырвался лишь невнятный возглас.

— В наше время так трудно найти раба с неповреждённым мозгом, — цокнул языком Айзек, покачав головой.

— Похвастайся перед ними своим сокровищем, Борнас, — тихо прошептала Эйко ему на ухо, поняв замысел Айзека. — Они наверняка никогда не видели такой красоты.

Борнас закивал и расплылся в улыбке, осторожно протянув вперёд раскрытую ладонь, в которой сверкнули уже знакомые всем присутствующим угольки, сияющие мелкими рунами на гранях. Быстро сомкнув ладонь, он вновь прижал руку к груди. Продолжая улыбаться, Борнас заглядывал в глаза присутствующих, жадно пытаясь разглядеть в них восхищение его драгоценностью.

Обе жрицы довольно кивнули, и одна из них произнесла, слегка поведя головой в сторону крыльев Айзека, которые всё ещё оставались скованны:

— Возможно тебе понадобится помощь колдуна?

Он прищурился, словно вспоминая что-то болезненное, однако быстро взял себя в руки и ответил:

— Да, помощь колдуна не помешает.

— Мы пришлём одного из них в твоё жилище, — ещё раз кивнув, ответила суккуб.

Каменные стены отражали цоканье копыт, высекающих невидимые искры из мраморного пола, когда молчаливая процессия двигалась по длинным коридорам.

Айзеку не давала покоя мысль о том, как бы так... элегантнее забрать у Борнаса его

«сокровище», обещанное суккубам в качестве оплаты, и при этом не вызвать у них излишних подозрений. Но где-то на краю сознания летала ещё одна мысль, которую он не воспринимал всерьёз, однако от этого она вовсе не становилась менее заметной. С удивлением для самого себя, Айзек думал о моральной стороне вопроса.

В данной ситуации это казалось полнейшим абсурдом. Ну подумаешь, какие-то угольки, которые, хоть и обладали несомненной ценностью, являлись всё же обычной вещью. И всё же, для безумного Борнаса они сейчас представляли собой огромную ценность. Возможно наивысшую в его жизни. И Айзек собирался отнять это у бедняги. Отнять единственную радость, что у того осталась.

«Тебе что же, стало жалко «низшего»? — блеснуло в его голове. «С чего это вдруг? Да и неужели это имеет хоть какое-либо значение в Конкретной, Данной, Ситуации?!»

Айзек потрянул головой. Это и правда не имело значения. Тем более сейчас.

* * *

Ещё раз улыбнувшись, суккубы-близнецы кивнули и покинули просторное помещение, спрятав мешочек с уголками в складах одежды, и оставив троицу наслаждаться усыпляющим комфортом уютного убежища.

Когда голова Борнаса гулко припечаталась к стене, а затем его обмякшее, бессознательное тело медленно сползло к полу, суккубы лишь дёрнулись от неожиданности, но в остальном не подали виду, что такое поведение гостей их как-либо заинтересовало. Взаимоотношения хозяев со своими рабами не должны были обдумываться служительницами Храма. Так они были обучены с детства. К тому же, за всю свою жизнь, они наверняка видели вещи и похуже, чем банальное избиение раба.

Передав жрицам угольки, Айзек кивнул им на прощание, закрывая за собой дверь:

— Этого должно хватить на пять дней. Благодарю за гостеприимство.

Он не нашёл ничего лучше, чем просто оглушить Борнаса, когда они только зашли в комнату. Грубое, простое, но, как оказалось, наиболее эффективное решение. В какой-то мере, даже гуманное, ведь таким образом они все избежали ненужной истерики, возни, и суеты. И ещё неизвестно, чем бы эта потасовка завершилась бы для них. Одно дело, насилие над слугой, и совсем другое — явное сопротивление хозяину со стороны этого слуги. Такое поведение уж точно вызвало бы подозрение и ненужные вопросы у служительниц Храма.

— Нужно связать его, на всякий случай, — произнёс Айзек, обращаясь будто к самому себе.

Эклипсо молча помогла ему привязать Борнаса к одной из колон, находящихся в помещении. Она прекрасно поняла, что если бедолага будет буйнить, а ведь именно так и случится, когда он придёт в себя, то единственным выходом будет убить его. Бездыханное тело раба жрицы воспримут как нечто обыденное, и лишь предложат прислать уборщицу. А вот агрессивный и безумный раб, орущий и бегающий по коридорам, совершенно не слушаясь хозяина, привлечёт внимание.

Эклипсо понимала, что Айзек думает в таком же направлении, и в случае чего выберет именно это, как самый простой и надёжный вариант, хоть и грязный. И в этом она совершенно не хотела принимать участие, поэтому завязала Борнасу ещё и рот, чтобы у того не было ни малейшей возможности слишком шуметь.

* * *

Комната была круглая, с высоким, украшенным мозаикой, потолком, из центра которого свисала причудливая люстра. Свечи поигрывали язычками пламени, и лишь едва

заметный, синеватый ореол выдавал искусственное, магическое происхождение их огней. Несколько небольших дверных проёмов вели в уборную и душевую, но и в основном зале, под одной из стен, размещался небольшой бассейн, выложенный овальными камнями. Огромное, каменное лицо суккуба в стене, извергало из своего рта поток тёплой воды, постоянно циркулирующей в этом импровизированном, парующем озере. Подойдя поближе, можно было заметить, что из полузакрытых глаз скульптуры, словно слёзы, тоже тихонько сочилась вода.

Благодаря хитромудрой системе вентиляции, или чему-то ещё, повышенной влажности в остальной части помещения совершенно не ощущалось, поэтому этот горячий источник органично вписывался в окружающую обстановку. Не считая, конечно, небольшого шума от льющейся жидкости. Хотя, этот звук скорее даже успокаивал и убаюкивал.

Комната находилась достаточно высоко, так что снаружи, сквозь огромное, панорамное окно, начинающееся от самого пола, наблюдать за тем, что происходило внутри, могли только облака. Но даже крылатые существа, которые несомненно имели возможность летать высоко, увидели бы только своё отражение в этих зеркальных стеклах.

В центре окна, мастерски соединяя металл, камень и стекло, находился выход на небесную террасу. Просто балконом это творение в виде полумесяца, опоясывающее помещение снаружи, трудно было назвать. И насколько грандиозным был этот архитектурный шедевр, настолько же грандиозный вид открывался с его стороны. Громадины древних статуй, соединяющиеся с линией холмистого горизонта вдаль, снизу дополнялись уже знакомым озером, в виде светящейся пентаграммы, окружённым садами.

Внимание Айзека поглотилось прекрасной панорамой, и он, казалось, вновь утратил какую-либо связь с реальностью. Эклипсо, в общем-то, тоже совершенно не хотелось говорить. Она просто села на круглую кровать, в центре комнаты, и тоже погрузилась в собственные мысли.

Эйко намеревалась наконец принять душ, когда в дверь постучали. Она вопросительно посмотрела на Айзека, и тот лишь кивнул, давая понять, что она может смело открыть, исполняя свою роль служанки в этом театральном представлении: «Мастер с одной из своих любимых шлях, в кругосветном путешествии по Аду».

В дверном проёме стоял её отец.

Эклипсо буквально потеряла дар речи, ошарашено глядя на «мира», вышедшего из тени коридора на свет. Он лишь молча кивнул и вошёл внутрь, остановившись у порога и замерев в ожидании. Его сомкнутые ладони неспешно перебирали костяные чётки, а спокойный, ничего не выражающий взгляд, был устремлён в сторону Айзека.

Слегка опомнившись, Эклипсо закрыла дверь и в нерешительности встала невдалеке от гостя, совершенно не понимая, что делать, и лишь украдкой разглядывая его.

«Мира» довольно редко появлялись в городе, и поэтому Эклипсо встречала их всего несколько раз. И каждый раз она жадно вглядывалась в них, в безуспешной попытке распознать своего отца в этих спокойных лицах. Вот и на этот раз, да ещё и благодаря игре света и тени, она увидела Риманату в совершенно незнакомом существе, которому до неё не было никакого дела. Это было настолько больно осознавать, что внутренне она буквально сжалась в комок от обиды и отчаяния.

«Успокойся, Эклипсо», — мягко произнесла Эйко. «Да, он похож на отца, но это ведь не он, и не может им быть. Конечно же ему нет никакого дела до нас».

Она была права, Эклипсо понимала это. Для этого «мира» она была всего лишь

очередным суккубом, очередным инструментом, не более того. И именно поэтому он уделил ей своего внимания не более, чем предметам мебели в комнате.

«Это не мой отец», — мысленно произнесла Эклипсо, делая медленные, глубокие вдохи и выдохи. «Это не он».

«Верно, родная, верно», — продолжала Эйко. «Это всего лишь представитель нашего вида, вот и всё. Но мы абсолютные незнакомцы друг для друга».

Постепенно Эклипсо успокаивалась и приходила в себя. В этот раз «мира» был очень похож на отца, поэтому особенно больно было осознавать, что это не он на самом деле. Ощущение было подобно тому, словно стоишь рядом с самым близким тебе на свете. Настолько рядом, что можно вот буквально протянуть руку и дотронуться. Но при этом этот близкий утратил память и навсегда забыл тебя. И теперь ты навсегда чужой для него. Незнакомый. И прикоснувшись к нему, ты увидишь лишь удивление на его лице, и не более того. Да, вы конечно можете «познакомиться заново», но для него как прежде уже всё равно никогда не будет, в то время как для тебя не изменилось ничего.

Ужасное ощущение, но Эклипсо понемногу справлялась. Потихоньку привыкала.

— Приветствую тебя, колдун, — нарушил витающее в воздухе молчание, Айзек. — Что ты можешь сделать с этим?

Он повернулся спиной, выставляя напоказ свои скованные крылья. Оковы уже как будто выросли в плоть, и на коже отчётливо виднелась сеть чёрных, пульсирующих прожилок.

Дело явно было плохо, однако «мира» прищурился, и через мгновение произнёс:

— Кое-что сделать можно. Но в скором времени утрата всё равно неизбежна. Мне очень жаль.

Айзек всё ещё стоял спиной к наблюдателям, поэтому выражения его лица они не увидели. На мгновение его губы и веки сжались в болезненной гримасе, источающей невыносимую скорбь и печаль. Он предполагал подобный исход, но всё равно не был готов услышать подтверждение своим догадкам.

Совладав наконец с эмоциями, он развернулся к колдуну. Его лицо разгладилось и было совершенно спокойно, будто и не искажалось буквально секунду назад под давлением горестной новости.

— Ну что же, делай что можешь, — ответил Айзек безжизненным голосом.

* * *

Когда что-либо делают руки мастера, это довольно часто не выглядит как-то особо эффектно и красиво. Напротив, зачастую это выглядит буднично и обыденно. Движения его руки просты и незатейливы, без всякой вычурности, без лишней суеты; и в то же время они точны и совершенны. Видимо поэтому говорят, что рука мастера легка.

Едва только начавшись, всё сразу же и закончилось. Айзек даже не сразу понял, что его крылья свободны.

— Уже всё? — удивился он, расправляя плечи.

— Это всё. Дальнейший процесс я не в силах остановить, но могу лишь затормозить его слегка, — кивнул «мира». — Или же, есть другой выход.

— Благодарю и на этом, — вздохнул Айзек.

— Быть может лучше сделать это сейчас? — ответил на это «мира». — Другого выхода у тебя всё равно не остаётся.

Лицо Айзека исказилось, однако он совладал с собой и ответил спокойно:

— Тот «выход» который ты предлагаешь, для меня неприемлем. И тебе прекрасно

известно об этом.

— Как знаешь. Это дело твоё, — пожал плечами колдун. — Что ж, моя работа здесь завершена, прощай.

— Прощай, — выдавил Айзек не оборачиваясь.

— Постой-ка, — вдруг обернулся он, когда колдун был уже у самых дверей. — Мне нужно снотворное для этого раба, его сон слишком беспокойный и его бормотание раздражает меня, — Айзек кивнул в сторону Борнаса, всё ещё пребывающего в отключке.

— Я могу «успокоить» его на двое суток, без особых последствий для его организма, — ответил «мира». — Или же на семь суток, но тогда его тело бесповоротно ослабнет.

— На двое суток будет достаточно, — кивнул Айзек. — Он мне ещё пригодится.

Через некоторое время Борнас безмятежно спал, так и не придя в себя после удара головой, а полная вопросов Эйко закрыла дверь за колдуном, однако глядя на Айзека, быстро осознала, что ответов всё равно не получит, поэтому молча отправилась в душ.

* * *

Вода смывала страхи, печали, грусть. Вместе с грязью и потом, водные потоки уносили с собой усталость, накопившуюся за последние несколько дней. Несколько беспокойных дней, которые бесповоротно изменили направление её жизни.

Можно было наконец не думать ни о чём. Она наконец позволила себе маленькую передышку. Они обе позволили себе.

Тёплые прикосновения бурлящей жидкости были настойчиво нежны. словно объятия, сжимающие крепко, но вместе с тем приносящие успокоение.

Сквозь шум воды она уловила тихие голоса. Женские и мужские. Знакомые и незнакомые. Эклипсо было плевать. Она не собиралась никуда бежать, впрочем из душевой кабинки особо бежать было и некуда. Но и выяснять источник голосов она тоже не собиралась, и продолжала стоять под горячими струями.

Благоухание неизвестных трав.

Пульсация разгорячённой крови в венах.

Безмятежность.

Её внутреннее озеро. Тихое. Спокойное. Родное. Покидать его совершенно не хотелось, как и множество раз до этого. Но и оставаться здесь надолго она тоже не могла.

Казалось, что прошли тысячелетия, прежде чем Эклипсо открыла глаза и вышла из душа.

Айзека в комнате не оказалось. Борнас мирно посапывал у стены, скрутившись на подложенном под тело одеяле. Забавно, она не могла припомнить, чтобы кто-то из них подкладывал ему одеяло.

На столике, возле кровати, благоухали разнообразные блюда и фрукты, и услышав урчание в желудке, она только сейчас осознала, насколько сильно была голодна. Но первым делом она налила себе вина в небольшую чашу, и тут же с жадностью осушила её. Некоторые блюда были незнакомы Эйко, но ей было всё равно, и наконец насытившись, она откинулась спиной на кровать, прикрыла глаза и захотела произнести что-то вроде: «Как же это, дьявол побери, прекрасно!». Но так как рот её всё ещё был набит едой, вместо желаемой фразы из её чрева вырвалось лишь чавканье, вперемешку с довольным постаныванием.

Удивительно, но спать после душа и обильного чревоугодия почему-то совершенно не хотелось. Она накинула лёгкую накидку, едва скрывающую тело, перевязала руку, скрывая пентаграммы на коже, и вышла на балкон, не забыв прихватить с собой ещё немного вина в

вычурной чаше.

Вид с балкона был невероятный. Настолько, что она даже невольно ахнула. Возможно это просто алкоголь в её крови усилил визуальный эффект, а возможно панорама и правда была настолько восхитительна.

Айзека не оказалось и здесь, и теперь она немного напряглась. Однако вскоре он появился в поле зрения, вынырнув в небе позади неё. Он кружил и танцевал с воздушными потоками. Стрелой устремлялся вниз, и вновь взмывал вверх. Вертелся и извивался во всевозможных переворотах.

«Не хватает только органной музыки», — хихикнула она, глядя на это демоническое зрелище.

Ещё ей показалось, что он был совершенно нагой, и когда, наконец пресытившись полётами, он ступил на мраморный пол балкона, оказалось, что так оно и было на самом деле.

— Соскучился за небом? — спросила Эйко.

— Да, — коротко ответил он, и вошёл внутрь.

Эклипсо пожалала плечами и отхлебнула ещё вина. Если он не был настроен на общение, то она тоже не собиралась настаивать.

Однако через некоторое время он вновь появился снаружи, надкусывая яблоко, и всё так же не удосужившись покрыть чем-либо своё тело.

— Как тебе вид? — спросил он, подходя к ней.

— Шикарный, — протянула Эйко. — Давно не получала такого эстетического удовольствия.

— Почему ты в одежде? — спросил он, немного выбив её из колеи таким вопросом.

— А почему я должна быть без неё? — наконец нашлась, что ответить, Эйко.

Айзек внимательно смотрел на неё, и было совершенно не понятно, говорит он в шутку, или всерьёз:

— Как для рабыни, ты задаёшь слишком много вопросов.

Эйко не успела ещё придумать какой-нибудь язвительный ответ на это, когда Айзек приблизился вплотную, подперев её к перилам балкона всем телом. Она издала лишь удивлённый вздох, и попыталась ускользнуть, однако он крепко сжал её предплечье и приблизился к шее.

Медленно и глубоко вдохнув аромат эфирных масел, всё ещё источаемый её кожей после душа, Айзек тихо произнёс, прикрыв глаза:

— Ты насытилась, благоухаешь, словно юное вино. Теперь настало и моё время насытиться тобой.

В тот момент трудно было сказать, могла ли она сопротивляться, хотела ли сопротивляться. Но это и не имело значения, ведь демон ясно давал понять, что от неё всё равно уже ничего не зависело. Он возжелал её прямо здесь, прямо сейчас, посреди этой великолепной панорамы. Это дикое, необузданное желание вырывалось из него настолько, что её согласия, или несогласия, не требовалось. Как от вина никто не ждёт согласия, когда его с жадностью поглощает охваченное жаждой тело.

Развернув Эклипсо спиной к себе, Айзек вошёл в неё грубо, стремительно, глубоко. Вздох, вырвавшийся из неё, слился со звоном чаши, ударившейся о каменный пол. Одна часть её все ещё пыталась слабо сопротивляться, возмущаясь этому безумию. Но вторая её часть уже выгнула спину в экстазе и крепко схватила перила ладонями, прикусив нижнюю

губу, и наслаждаясь неизбежным.

Да, панорама была поистине великолепна.

* * *

Позже, когда они вместе приняли душ, Эклипсо нанесла эфирные масла на тело Айзека, пошутив, что теперь он тоже как «юное вино», на что он лишь хмыкнул, однако его глаза выдавали смех внутри него.

Они придвинули столик с едой к бассейну, и разместились в нём.

— Как в старые добрые времена, а? — сказал Айзек, поглаживая её колено.

— Угу, — с улыбкой, невнятно промурлыкала Эклипсо, развалившись на его груди, словно в кресле.

Как в старые добрые времена, в ту ночь в отеле, когда два незнакомца подарили друг другу частичку самих себя. Только в этот раз никто из них не играл какую-то роль, никто не представлял лишь сосудом для другого образа. В этот раз они оба были самими собой, и наслаждались именно друг другом, а не какими-то образами.

Впрочем, в том бассейне на самом деле их было не совсем «двое», а «трое», и Айзек до сих пор понятия не имел, что на самом деле взаимодействовал с двумя отдельными личностями. Хотя, обе эти личности мурлыкали одинаково искренне под его ладонями.

— Что произошло в иллюзорном мире? — произнёс Айзек. — У тебя есть предположения на этот счёт?

— Это было какое-то сумасшествие, — ответила Эклипсо.

— Да, — кивнул демон. — Нам едва удалось выбраться.

— Кстати, — Эклипсо извернулась и посмотрела ему в глаза. — Как тебе пришла в голову идея насчёт «вдоха»?

— Неплохо сработало, да? — ответил он. — Это была импровизация. В моём сознании вспыхнул образ озера. Оно было такое тихое, такое спокойное. Озеро посреди скал, на поверхности которых играли отражения его вод.

Эйко была удивлена, услышав упоминание своего внутреннего озера из чужих уст, однако молча продолжила слушать.

— Я увидел тебя, опускающуюся ко дну. Водоросли касались твоего тела, убаюкивая. Ты улыбалась. Ты хотела тонуть, хотела остаться там навсегда. В той тишине, — Айзек пригубил вина, смочив пересохшее горло. — И тогда мне пришла в голову идея, что тебе нужен воздух, что тебе нужно вынырнуть. В общем-то, моё сознание тоже было словно в тумане, словно распадалось на части. И эта идея с «глотком воздуха», видимо, была последней попыткой разума зацепиться хоть за что-нибудь.

— Я рада, что это сработало, — наконец произнесла Эйко.

Айзек лишь улыбнулся:

— Лайма бы сейчас, жаль у них нет лайма.

— Кто такая Немезида? — выпалила Эйко, возмущив Эклипсо.

— Долгая история, — не выражая никаких эмоций, ответил Айзек. — И... слишком личная.

— Ясно, — тихо сказала Эклипсо, не позволяя Эйко настаивать и портить момент.

Они затихли, и некоторое время в пространстве слышалось лишь журчание воды.

— Кто ты такая, Эйко? — нарушил молчание Айзек.

— Долгая история, — ответила Эйко, всё ещё, совсем по детски, обижаясь за его прошлое нежелание отвечать на её вопрос. — Я хотела бы однажды рассказать тебе, —

второпях добавила Эклипсо, желая немного сгладить ответ сестры.

— Доверие — странная штука, — Айзек вдохнул ароматный воздух. — Обоюдоострое лезвие ножа. Оружие, которое ты протягиваешь своему собеседнику, рукоятью к нему. И никогда не знаешь, как он использует его в дальнейшем, когда ваши взаимоотношения изменятся.

— Возможно, что никак не использует, — ответила Эклипсо.

— Вполне возможно, — произнёс Айзек. — Но проверять это на практике никто не хочет. Никто не хочет рисковать, раскрываться, ожидая подвоха. Или боясь осуждения.

Они вновь молчали, чувствуя прикосновение кожи друг друга.

— Эклипсо, — вдруг выпалила Эклипсо. — На самом деле меня зовут, Эклипсо. Вернее... не только Эйко, но и Эклипсо... Как-то так, в общем.

— Эклипсо значит, — протянул Айзек, улыбнувшись. — Красивое имя. Что же, рад познакомиться с тобой, Эклипсо.

— И что, ты совсем не хочешь знать подробностей? — воскликнула Эйко.

— Полагаю, что если захочешь, то сама расскажешь, — пожал плечами демон.

Она вновь прижалась головой к его груди. Несмотря на все её сомнения по поводу него за последнее время, в этот момент она совершенно не могла и не хотела видеть в нём какого-то монстра. Возможно сейчас, как никогда, ей нужен был тот, кому можно было довериться. Хоть на миг, в этом безумном мире.

— Что имел в виду тот колдун? — вдруг вспомнила она. — Что за «выход», который неприемлем для тебя?

Айзек глубоко вдохнул, и лишь через некоторое время ответил:

— Да так, в общем-то ерунда.

— Это не ты ли недавно философствовал о доверии? — настаивала Эклипсо.

— Дело не в доверии... или недоверии, — спокойно ответил Айзек. — Дело просто в том, что это уже не имеет никакого значения.

— Тогда тем более, — не унималась Эйко. — Я же просто вижу, что тебе очень больно.

— Мои крылья, — набрав воздуха в грудь, выдохнул Айзек. — Чёртов колдун предлагал их ампутировать.

Эклипсо подняла голову и внимательно посмотрела на него. Затем молча коснулась его крыльев. Вопросы вертелись на её языке, однако вскоре она поняла бессмысленность их озвучивания. Ответы Эклипсо и так теперь прекрасно знала сама.

Для неё потеря крыльев была всего лишь потерей конечностей — болезненно, ужасно, но вполне переносимо. Лично Эклипсо вполне нормально смогла бы прожить и без крыльев, что собственно она и делала всю жизнь. Но так же она прекрасно понимала, чем являются крылья для демона. Не просто конечностью, не просто частью тела, позволяющей летать среди облаков. Это был символ. Лишившись крыльев, не важно каким образом, демон переставал быть демоном. И для общества, и, что гораздо важнее, для себя самого. Именно поэтому Айзек даже не рассматривал вариант ампутации, хотя было уже очевидно, что проклятие оков будет распространяться и дальше по телу, пока в конечном итоге не убьёт его.

В неожиданном порыве Эклипсо хотела было убедить его, что всё это не важно, что крылья не имеют значения, и что можно что-то придумать. По крайней мере, он хотя бы будет жив, для того, чтобы что-то придумать, пусть и без этих проклятых крыльев. Но она всё же сумела остановить себя от этой бездумной и бесполезной затеи. Вместо этого, она

просто прижалась к нему, и крепко обняла, поглаживая по коже со всей нежностью, на которую только была способна. И в тот момент это несомненно оказалось наилучшим решением.

Он гладил её по голове, и они ещё долго молчали, просто обнявшись и лёжа в тёплой, ароматной воде. Впрочем слова им были и не нужны вовсе.

Глава 10: Скалы

Сновидение было тягучим, мерзким и липким. Собственные же крылья оборачивали Айзека, словно в кокон. Душили, сдавливали артерии и вены. Словно часть его чёрной души взбунтовалась и решила уничтожить сама себя и все остальные части. Сквозь боль, он пытался процарапать свою плоть и освободиться от удушающих объятий, но это было бесполезно, крылья не поддавались и лишь сжимались ещё сильнее. В какой-то момент он вообще утратил способность дышать, ребра треснули и пробили лёгкие. Затем он услышал треск своего раскалывающегося черепа. Глаза лопнули и не в силах больше выдержать этой агонии, он наконец провалился в небытие.

Айзек открыл веки, в голове гудело, и тихий звон в ушах мешал прийти в себя после долгожданного пробуждения. Он увидел перед собой широко раскрытые глаза Эклипсо, устремлённые куда-то за его спину. В отражении этих прекрасных глаз он заметил знакомые, искрящиеся всполохи, и стремительно развернулся в направлении балкона.

Порталы. Открывающиеся порталы, и предшествующее этому, похрустывание в воздухе. Без сомнения, это пришли за ними. В этом не сомневался никто из находившихся в комнате.

— Я думала, конфиденциальность гостей превыше всего в Храме, — прошептала Эйко.

— Видимо даже самые древние традиции в итоге нарушаются, — отозвался Айзек.

— Что же нам делать? — продолжала шептать Эклипсо.

После резкого пробуждения её мысли ещё путались, но она всё же пыталась контролировать себя, и не поддаваться панике. Хотя в сложившейся ситуации это удавалось довольно таки не легко.

Айзек хранил молчание и о чём-то сосредоточено размышлял, прищуренными глазами наблюдая на тем, что творилось снаружи. Вдали открывались зияющие пасти порталов, извергающие из себя знакомые, крылатые силуэты, разлетающиеся по округе. Это был лишь вопрос времени, когда это помещение заполнится фигурами, сжимающими молоты в руках.

Почувствовав что-то, он резко обернулся и схватил Эклипсо за руку, останавливая её от совершения ритуала.

— Стой! — крикнул он.

— У нас нет другого выхода, Айзек, — Эклипсо попыталась высвободить руку. Из разрезанной ладони на светлую простынь упало несколько капель крови.

— Нет! — хватка Айзека не ослабевала. — Второй раз нам уже не выбраться.

Эклипсо и сама это осознавала. Она всё ещё была слишком слаба, чтобы вновь возвращаться в иллюзорный мир. В нынешнем состоянии это было равносильно самоубийству, а возможно даже чему-то более худшему, чем это. Открывать обычные порталы она тоже не могла. Пентаграммы на руке позволяли делать это только в черте города.

Но что ещё им оставалось? Они были в западне. Взбудораженный мозг судорожно пытался уцепиться хоть за какую-то соломинку.

— Нет, — вновь повторил Айзек. — Прорвёмся своими силами.

«Как? Какими силами?!» — из Эйко вырвался нервный смешок. В открытую противостоять целому отряду демонов было нереально. Она подумала, что Айзек был уже настолько в отчаянии, что утратил способность трезво мыслить.

Но не дав ей времени на размышления, он вскочил с кровати и крикнул:

— Возьми только самое необходимое!

Она недоумённо посмотрела на него, потом перевела взгляд на свою ладонь, всё ещё сжимающую нож. Тот самый, трофейный, с которым она теперь уже не хотела расставаться. В общем-то, это было всё, что у неё имелось из «самого необходимого», не считая одежды, конечно же. Однако Айзек уже вернулся к кровати, держа в руках безмятежного Борнаса, поэтому на одежду времени у них не оставалось. словно спящий младенец в колыбели, он был завёрнут в одеяло, перекинутое через спину Айзека по диагонали и завязанное узлом, создавая таким образом некое подобие сумки. Из этой самодельной поклажи виднелись так же, наспех брошенные туда, фрукты и хлеб.

— Давай! — произнёс он, махнув ей рукой, и повернувшись спиной. — Запрыгивай!

Несмотря на всю абсурдность происходящего, она с лёгкостью повиновалась, отдав ответственность в его руки, и разгрузив тем самым своё сознание, пребывающее в нерешительности и стрессе. К тому же его голос звучал довольно убедительно и решительно, поэтому, не задавая больше лишних вопросов, она повисла у него на спине, кое-как обхватив его руками и ногами, и стараясь не поранить ножом, который не собиралась оставлять.

Демон третьего круга отлично знал стиль работы незваных гостей. Отлично знал их методы и тактику. Это давало небольшой шанс на спасение. Ему лишь нужно было выгадать подходящий момент, чтобы незаметно проскочить сквозь рой Стражей.

По всей видимости Стражи ещё не знали точного местоположения беглецов, иначе давно уже были бы в этой комнате. Неужели суккубы-близнецы сохранили хотя бы некое подобие гостеприимства, и тем самым дали троице маленький шанс, не раскрывая их укрытия? Однако и появились Стражи в этом месте далеко не просто так, а по явной наводке.

Говорят, что помимо традиционных законов, существуют законы и более древние, более сильные. Нарушая какой-либо из законов города, ты нарушаешь лишь навязанное властителями этого города правило. Но вот нарушая какой-либо древний, неписанный закон, например «доверие», ты навлекаешь на себя совершенно непредсказуемые последствия и скрытое, а порой и открытое презрение.

Раскрыв своих гостей, беглецов, жрицы Храма конечно же следовали городским законам. Однако теперь каждый знал, что в этом Храме древний закон гостеприимства был нарушен. И в будущем посетителей у Храма явно поубавится, особенно тех, которые дорожат своей конфиденциальностью.

Змея, кусающая собственный хвост.

* * *

Сжавшейся пружиной, он притаился возле дверей балкона. Его губы безмолвно шевелились, отсчитывая про себя какой-то ритм. Рой крылатых теней в ночном небе редел, они разлетались всё дальше друг от друга, создавая брешь.

В далёкой, грозовой туче сверкнула молния, а затем, с некоторым запозданием, послышалось раскатистое грохотание. Гроза была как никогда кстати, это позволяло затеряться среди тёмных облаков. Оставалась только самая малость, одним стремительным рывком добраться до этих самых облаков.

«Только один рывок», — неслись мысли в его голове. «Только один стремительный рывок».

Айзек внимательнее присмотрелся к силуэтам в небе. Больше ждать не имело смысла,

или сейчас, или уже никогда. Он сосредоточенно сжался, собираясь рвануть дверь и вырваться наружу, но резко остановился, едва не выскочив прямо в объятия приземлившемуся на балкон демону.

«Проклятье!», — лицо Айзека исказилось в безмолвной гримасе.

Демон окинул взглядом балкон, поведя при этом головой так, словно обнюхивал пространство вокруг. И остановив свой взор на входных дверях, решительно направился к ним, крепче сжав молот.

Но двери распахнулись сами, не дожидаясь его. Сперва демон видел лишь своё собственное отражение, приближающееся к стеклянной поверхности. Затем эта поверхность резко преломилась, и перед его глазами предстала двуглавая фигура. Потом его голова откинулась назад, в глазах засверкало, и не успев ещё ощутить резкую боль в переносице, демон почувствовал поток тёплой крови, хлынувшей по его губам и подбородку из разбитого носа.

Твёрдое яблоко, брошенное Айзеком в сторону демона, попало точно в цель и теперь неспешно катилось по каменному полу, заливаемому хлынувшим потоком крови.

Демон с удивлением смотрел на тёмное пятно, расплывающееся под ногами, удивляясь тому, насколько много крови исторгается из него. Ноги подкосились, и он опустился на одно колено, всё ещё не осознавая, что кровь сочится и из его разрезанного горла тоже. Всё ещё недоумевая, он попытался исторгнуть проклятие, но вместо этого кашлянул, с отвратительным, булькающим звуком, и поскользнувшись, завалился набок.

Насколько спонтанное было решение Айзека запустить чем-то в голову демона, чтобы хоть немного дезориентировать и отвлечь его, настолько же спонтанным был выпад Эклипсо, полоснувшей его ножом, когда они проносились мимо.

На мгновение оглянувшись, она посмотрела на ворочающуюся в тёмной жиже фигуру. В её глазах вспыхнул огонь триумфа. Тот, кто пришёл для разрушения и боли, корчился в агонии, даже толком не успев понять, что вообще произошло. Это была хоть и маленькая, спонтанная, но волнующая победа.

Она чувствовала удовлетворение.

Сильнее прижавшись к Айзеку, Эклипсо прислонила подбородок к его плечу, исподлобья наблюдая за приближающимися грозowymi облаками, и мелькающими на краю зрения силуэтами. Она слушала биение своего сердца. Слушала хлопки крыльев, уносящих её прочь от этого места, так и не ставшего домом для неё. Ни в детстве, ни сейчас. А Храм, тем временем, провожал их раскатами грома и завываниями ветра, словно огорчаясь столь скорому расставанию со своими гостями.

* * *

Их всё же заметили. Впрочем Айзек и не рассчитывал, что им удастся избежать преследования, поэтому собрав все свои силы, он настойчиво двигал крыльями, ловя попутные потоки ветра, и уже замечая пар от своего разгорячённого дыхания.

Холодные, спасительные облака были уже совсем близко. Ещё совсем чуть-чуть.

Ему даже не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть своих преследователей. Он и так прекрасно знал, что они позади. Что они не отстают ни на дюйм.

Эйко всё же обернулась, и тут же пожалела об этом. В сумрачном небе были различимы лишь десятки сверкающих глаз, устремлённых прямо в её душу. Гипнотично колышущиеся в темноте, они предвещали неотвратимые страдания и боль. Никогда ещё она не ощущала себя загоняемой дичью настолько явственно. Это было жутко, и она нашла в себе силы оторвать

от них взгляд, продолжая, тем не менее, чувствовать эти глаза на своей спине. Ледяным ознобом, она ощущала эти цепкие глаза на своей коже.

* * *

Айзек уже слышал хлопки их крыльев за своей спиной. Молчаливая симфония погони среди раскатов грома. Никаких возгласов, никаких криков с угрозами. Лишь хлопки крыльев, медленно, но неумолимо приближающиеся с каждой минутой.

* * *

Эклипсо слышала их. То тут, то там, раздавался свист прорезаемого крыльями воздуха. Они кружили во тьме, среди плачущих туч, изредка освещаемые вспышками молний. Иногда эти всполохи освещали их силуэты, мелькающие совсем рядом. Они искали их вслепую, буквально на ощупь, но и отказываться от своей добычи они тоже не собирались.

Она чувствовала, что Айзек постепенно теряет силы. Взмахи его крыльев становились всё хаотичней и надрывистей, сбиваясь и теряя ритм. Но он продолжал уворачиваться от преследователей, словно ощущая их с закрытыми глазами. Вскоре она поняла, как ему это удавалось. Один из демонов пронёсся совсем рядом, но так и не заметил их. И тогда она уловила едва различимый гул, издаваемый молотом. Прислушавшись, она стала улавливать этот характерный, стрекочущий звук во тьме вокруг них.

Но всё же долго так продолжаться не могло, рано или поздно преследователи должны были настигнуть их. И тогда Эклипсо решилась на отчаянный шаг, тем более, что Айзек в этот момент не в силах был воспрепятствовать этому.

Она плотнее обхватила Айзека ногами, освобождая руки и приложив лезвие к ладони.

— Азиман назэ-да! — вырвалось из её груди, вместе с плотным потоком крови, веером разлетевшимся за взмахом ладони.

Айзек дёрнулся и тихо зарычал, но остановить начатое суккубом было уже нельзя.

— Азиман назэ-да! Дахнум ра! — глухо и надрывно кричала Эклипсо, задыхаясь внезапно хлынувшими слезами и каплями дождя.

Издав стон, Айзек вдруг сложил крылья и, словно комета, бросился вниз, быстро разрывая дистанцию с преследователями, но тем самым совершенно не давая себе никаких шансов избежать столкновения с землёй. Он успел лишь схватить Эклипсо за руку и крепче прижать к себе, при этом нож выпал из её ослабевающих пальцев, и затерялся во тьме.

— Азиман... назэ-да..., - её голос ослабевал, но она изо всех оставшихся сил продолжала начатое. — Дахнум... ра..

— Ахасар... — последний выдох вырвался из её лёгких, прежде чем Эклипсо потеряла сознание.

Но Айзек держал её крепко. Его челюсти были плотно сжаты, а прищуренные глаза горели, наблюдая за неумолимо приближающимися, и сверкающими от дождя, камнями. Не снижая скорости, он закрыл глаза, ожидая встречи с землёй и праотцами... или перехода, если у Эклипсо получилось. Но как бы там ни было, отступить от этого курса он был не намерен. Он собирался уйти от преследователей... так или иначе.

* * *

Кто я? Где я? В этом месте таких вопросов не возникало. Со стороны, будучи «сторонним наблюдателем», наблюдать за этим было легко. Единственная проблема заключалась в отсутствии чёткого понимания того, «за кем или за чем именно наблюдать?».

Это была даже не тьма, а просто пустота. Как и в прошлый раз, пустота вне времени и пространства.

Он был один.

Был ли он мёртв? Он не знал этого.

Но был ли он жив? Это тоже являлось сейчас весьма сложным вопросом.

* * *

«Раз. Два. Три».

* * *

«Одна сотня. Две сотни. Три»

* * *

«Десять тысяч лет... Пятнадцать»

* * *

— Айзек?

Этот звук показался ему довольно странным, но знакомым. Он давно не слышал чего-то подобного. В общем-то, он давным давно не слышал вообще ничего, кроме звенящей пустоты. Настолько давно, что уже даже забыл, что это такое — звуки.

— Айзек? — не унимался голос.

«Голос?» — он сопоставил обрывки памяти с этими звуками. «Голос. Эти звуки — голос».

— Где ты... Айзек? — голос был будто сонливый, будто откуда-то из тумана. — Ты... здесь?

«Айзек», — это слово начало эхом отбиваться от невидимых стен. «Айзек... Айзек... Айзек...».

— Где ты, Айзек? — повторял голос.

«Кто ты, Айзек?» — вторил ему другой.

Другой голос, звучащий давным давно, но начавший осознаваться только сейчас.

«Где ты, Айзек? Кто ты?».

«Айзек? Ты Айзек?».

«Я?».

— А-й-з-е-к, — медленно произнёс он, словно аккуратно пробуя на вкус это слово.

— Ну наконец-то! — воскликнул обрадованный голос. — Я уж думала, что умерла. Думала, что это загробный мир.

— Это? Мир. Где это, загробный мир? — его мысли спутались в клубок, и укатывались куда-то во тьму. Однако быстрая рука подхватила его, не позволяя укатиться слишком далеко.

— Айзек, с тобой всё в порядке? — в голосе скользнула тревожная нотка. — Дай-ка я притянусь к тебе.

— Здесь это вряд ли получится. Я даже не знаю, «кто» и «к кому» будет притягиваться, — хмыкнул Айзек.

— Ты знаешь, кто ты? — спросил голос.

— Да... — ответил он, с небольшим сомнением в голосе. — Похоже, что я, Айзек.

— Похоже на то, — облегчённо вздохнул голос. — Я только пришла в себя. Давно мы здесь?

— Кто, «мы»?

— Ну, ты и я. Айзек и Эклипсо.

«Эклипсо», — взорвалось в несуществующей голове. Память начинала возвращаться, а сознание потихоньку складываться обратно.

— Я... мы здесь, довольно таки давненько, да — наконец выдал из себя.

— Всегда поражалась, насколько странно ощущается время в этом месте, — ответила Эклипсо.

— Это потому, что его здесь не существует, — отозвался на это Айзек, а мысленно добавил: «Иначе я сошёл бы с ума, считая тысячелетия в этой пустоте».

«Или всё же сошёл?», — его разум оживал, иначе он не задавался бы такими вопросами, ставя под сомнение ясность своего ума.

— Эклипсо?

— Да, Айзек?

— Как там Эйко?

Возникла некоторая пауза, после которой Эйко решила отозваться:

— В порядке, Айзек. Я в порядке.

В этом месте, в этой ситуации, казалось, размышлять о подобных вещах было совершенно неуместно. Однако Эклипсо размышляла о том, случайно ли Айзек задал такой вопрос, или он догадался о её расщеплённом надвое сознании? Хотя, неужели это имело значение, учитывая через сколько им вместе уже довелось пройти?

— Я рад, что с вами двумя всё в порядке, — произнёс Айзек, окончательно развеивая её предположение о случайности его вопроса. — Странное вы существо.

— Давно ты догадался? — спросила она единственное, что пришло ей в голову.

— У меня здесь было много времени для размышлений. Для сопоставлений. А потом я снова всё забыл. Слишком, слишком много времени.

В пустоте возникла молчаливая пауза, голоса затихли. Однако это продолжалось не долго.

— Как только появимся в иллюзорном мире, — произнёс Айзек, — нужно будет сразу же покинуть его. Как можно быстрее.

— Думаю, — ответила Эклипсо, с небольшим сомнением в голосе, однако вскоре он прозвучал с большей уверенностью. — Думаю у меня получится избежать его.

— Что у тебя на уме? — удивился Айзек.

— Представь какое-либо место, как можно дальше от города, — откликнулся голос Эйко в тишине.

— Любое? — с некоторой долей скептицизма ответил Айзек.

— Реальное, — сказала Эклипсо. — Это место должно быть реальное.

— Я знаю только скалы. Они простираются далеко за горизонт, и, по всей видимости, кроме них там больше ничего нет, — голос Айзека звучал задумчиво. — В общем-то именно туда я и намеревался сбежать.

— Хм, что ж, скалы так скалы, — вздохнула Эклипсо. — Видимо других вариантов пока и правда нет.

— Ну так я подумал о скалах, что дальше?

— Мы используем наше общее... нашу общую концентрацию на этих скалах, как направление, — произнесла Эклипсо.

— Обычные порталы именно так и работают, — всё ещё излучая скепсис, ответил ей Айзек. — Но мы ведь проходим не через «обычный портал».

— Да, — ответила она, — но и мы тоже ведь, как ты там говорил, не совсем обычные, «странные существа»?

— Всё ещё не пойму твоей задумки, Эклипсо.

— Направив наши мысли, всех троих наших сознаний, в эту точку, мы сможем, как бы «проскользнуть» мимо иллюзорного мира, даже не входя в него.

— Насколько знаю, произнеся слова ритуала, ты уже создала иллюзорный мир. Он в любом случае должен затянуть нас в себя.

— Это верно, но концентрируясь сразу на выходе, мы избежим и входа, — голос Эклипсо прозвучал умоляюще: — Мммм, не знаю, как объяснить это словами, Айзек. Просто доверься мне.

— Ладно, — просто ответил на это Айзек. — Погоди, а что делать с четвёртым сознанием? Борнас, ты здесь?

Немой «низший» конечно же не смог бы ответить, даже если бы был в сознании. Однако Айзек предположил, что смог бы уловить вибрации бодрствующего сознания рядом с собой. Особенно за столько времени в этом безвременном пространстве.

— Будем надеяться, что он всё ещё спит, — сказала Эйко. — Но, на всякий случай, если ты не спишь, Борнас, думай о скалах.

* * *

Красная пыль поднялась в воздух, когда они кубарем выкатились из зияющей дыры портала. Какое-то время они просто лежали на тёплой, сухой поверхности, тяжело дыша и приходя в себя. Наслаждаясь органами чувств и ощущением собственных тел, после долгого, бестелесного существования.

— Фух, — тяжело выдохнув, Айзек поднялся на ноги и осмотрелся.

— Кряхтишь как старый дед, — лёжа на спине и не открывая глаз, с улыбкой произнесла Эйко.

— Это потому что я и есть старый дед, — отозвался он с усмешкой, и огляделся по сторонам.

Во все стороны простиралась рыжеватая, скалистая пустошь, без каких-либо явных признаков цивилизации, испещрённая каньонами и ущельями.

Неподалёку валялся Борнас, запутавшийся в простыне. Вокруг него были разбросаны остатки еды, которую Айзек успел прихватить с собой из Храма. Глаза Борнаса были закрыты, но он подавал признаки жизни, мирно посапывая. Снотворное колдуна всё ещё продолжало своё действие, и это было хорошо, поскольку нога у него явно была сломана.

«Всё-таки нужно было дать ему пятисуточную дозу», — подумал Айзек, глядя на сопящее тело.

Вдруг что-то вспомнив, он перевёл взгляд на ладонь суккуба, а затем обшарил глазами землю, в поисках чего-то важного. И судя по облегчённому выражению лица, когда он нашёл искомое, это было действительно важно. Айзек поднял кожаный бурдюк с вином и потряс его. Обнаружив, что содержимое на месте и удовлетворённо кивнув, он оторвал кусок простыни и подошёл к Эклипсо, всё ещё лежащей на земле.

— Нужно обработать и перевязать твою ладонь. Ну-ка, дай погляжу на неё, — произнёс Айзек, усаживаясь на землю рядом с ней.

— Да ладно, — ответила она, открыв глаза, — заживёт.

Но затем всё же приняла сидячее положение и протянула ему руку, осматриваясь по сторонам.

— Ого, ну и вид. Словно мы всё-таки попали в иллюзорный мир, — сказала Эйко, всматриваясь в горизонт.

— Да, живописное местечко, — Айзек плеснул вино на рану, а после смочил им кусок

тряпки и очистил ладонь от пыли и грязи. — Почему-то люблю такие пустынные места. В них есть своя поэзия, своя молчаливая буря.

Эклипсо склонила голову набок, однако промолчала, рассматривая его лицо.

— Хорошо, что вино уцелело, — продолжал Айзек, занимаясь её ладонью. — Иначе тебе пришлось бы использовать свою мочу для обработки раны.

Эйко поморщилась:

— Айзек! Ты такой романтик.

Тем временем он затянул узел на её ладони, завершая свою процедуру:

— Ну вот, жить будешь.

— Спасибо, — ответила она, попытавшись встретиться с ним взглядом.

Но Айзек молча поднялся и направился в сторону Борнаса. Уложив того под тень одного из камней, он внимательно посмотрел на его сломанную ногу. Перелом был закрытый, поэтому Айзек просто аккуратно расположил повреждённую конечность на земле, и занялся сбором разбросанной повсюду еды. Недолго понаблюдав за этим, Эйко встала на ноги и присоединилась к нему.

— Что теперь? — устав от молчания, наконец произнесла она, когда они закончили своё занятие, собрав остатки продовольствия в простынь. — Есть какие-нибудь мысли?

— Теперь мы найдём подходящее укрытие от солнца, — ответил Айзек.

— Я имела в виду... в более широком смысле слова, — на всякий случай решила уточнить Эклипсо.

— Именно в этом смысле я и говорю, — голос Айзека был невозмутим. — Первая проблема сейчас, это палящее солнце. Потом вода и еда.

— Но..., - начала было Эйко.

— Это единственное, о чём сейчас стоит думать, — перебил её Айзек, перебросив Борнаса через плечо, и направившись в сторону ближайшего ущелья.

Ненадолго замешкавшись, Эклипсо наконец пожала плечами, и последовала за ним.

— Солнце так солнце, дьявол его побери, — пробормотала Эйко себе под нос.

* * *

В одной из пещер ущелья они обнаружили слабый родник. Жидкость сочилась из каменных стен, и была довольно холодной.

— Это отлично, — заметил Айзек, пробуя на ощупь холодную стену. — Еда может сохраниться здесь достаточно долго.

— У нас еды на пару дней, Айзек, — усмехнулась в ответ на это Эйко. — Испортиться она не успеет, уж не переживай.

Ничего на это не ответив, Айзек приложил обе руки к холодной, влажной стене, а затем смочил лицо ладонями.

* * *

Борнас пришёл в себя внезапно, озарив пещеру своим воплем. Скорее всего это была не столько телесная боль, сколько шок, стресс, и фрустрация от потери. Непонятное перемещение из коридоров Храма в каменистую пещеру, странно вывернутая собственная нога, боль в желудке и сухость во рту — всё это не имело для него совершенно никакого значения, на фоне отсутствия в руках его сокровища, его угольков.

Эйко пыталась успокоить его, однако он игнорировал её, сидя у стены, раскинув ноги и вопя во всё горло. Через какое-то время он немного утомился, но продолжал, тем не менее, тихо завывать и поскуливать.

Айзек за всё это время, казалось даже не обратил внимания на пробуждение Борнаса и его истерику. Он абсолютно не замечал крикуна, как будто того вообще не существовало.

* * *

— Если ты считаешь, что «низший» недостоин пищи, то зачем тогда вообще спасал его? — глаза Эклипсо горели от возмущения.

Айзек как-то странно посмотрел на неё:

— Дело совершенно не в этом, Эйко. Но кормить его я тебе не позволю.

Заметив однажды, что Эклипсо украдкой всё же дала Борнасу пару яблок и кусок черствеющей лепёшки, Айзек забрал самодельный мешочек из простыни, наполненный скудной, оставшейся провизией, и теперь постоянно держал его возле себя. Время от времени он давал Эклипсо пищу, заставляя её съесть свою порцию не отходя от него; иначе она намеревалась поделиться ею с Борнасом. Иногда она набирала в ладони воду из родника, и поила Борнаса с рук. Этому Айзек никак не препятствовал, равнодушно наблюдая за происходящим.

* * *

Через несколько дней еда закончилась. Сухого вина, которое Эклипсо использовала только для промывания своей раны, тоже оставалось немного.

С Айзеком они не разговаривали. Её настолько возмутило его отношение к Борнасу, что она достаточно резко поменяла своё мнение о нём. Сейчас она видела перед собой обычного, жадного и жестокого демона, думающего только о своей собственной шкуре. Стоило им только оказаться в скованных условиях, с дефицитом пропитания, как он тут же показал своё истинное нутро.

В другой ситуации, она, наверное, давно бы уже отправилась куда глаза глядят, оставив Айзека в пещере. Но бросить Борнаса ей было жалко. Хотя, взять его с собой она тоже не могла. Дело было даже не в его сломанной ноге, а скорее в его сломанной психике. По сути, он ведь тоже был таким же демоном, как и все остальные.

«Ох, Эйко. Пересидим ещё какое-то время, и будем прощаться с этими двумя».

«Думаю, лучше уйдём без прощаний, ночью. Мало ли, что там у него на уме».

Иллюзорный мир — пропади всё пропадом, но она уже готова была ускользнуть и туда. Однако для этого у неё не было сил. Для этого нужно было ещё какое-то время.

* * *

Снаружи уже третий день бушевали ветра. Они были настолько сильны, что передвигаться там было довольно трудно, практически нереально.

Урчание в животе, раздавшееся в пространстве, тихим эхом разнеслось по пещере. Чей именно это был живот, никому из них не было никакого дела. Это мог быть любой пустой желудок из трёх. Так что, какая разница?

Эклипсо наконец решилась. Ждать дольше уже не имело смысла. Жаль только, что она потеряла свой нож, с ним было бы гораздо легче. Ну да ладно, она могла справиться и зубами.

Слегка разодрав, едва только начавшую затягиваться, рану на ладони, она попыталась произнести нужные слова... Ничего не получалось. Она была ещё слишком слаба для чего-то подобного.

Айзек оказался рядом с ней незаметно и стремительно. Она заметила его только тогда, когда он схватил её руку, останавливая ритуал.

«Да расслабься, демон», — хотела было ответить она. «У меня и без тебя ни черта не

выходит».

Но эти слова так и остались в её голове, потому что другой рукой он крепко зажал ей рот, не позволяя говорить. Они просидели так некоторое время, и хоть вырваться она не пыталась, свою хватку он всё равно не ослаблял.

— Я объясню тебе всё позже, Эклипсо, — его голос был хриплый от долгого молчания. — Но сперва я должен сделать это. Доверься мне. Просто доверься.

С этими словами он аккуратно обхватил её шею, и медленно начал сжимать свою руку в локте, удушая её.

Произнести проклятие в его адрес она не успела, свет погас быстрее.

* * *

Сперва к ней начал возвращаться слух.

Она слышала хрипение. Какой-то булькающий звук, вперемешку с глухим кашлем и хрипом. Как будто кто-то пытался разговаривать, будучи при этом под водой.

«Какая это глупая затея», — почему-то возникла мысль в её голове. Сознание ещё не до конца воспринимало реальность.

Затем пришло ощущение своего тела. Оно лежало на боку. Конечности не двигались.

Она открыла глаза. Сквозь туман, она видела расплывчатые силуэты. Какую-то возню.

Наконец она осознала себя, и попыталась подняться. Это не получилось. Эклипсо кое-как приняла сидячее положение и облокотилась о холодную стену. Руки были крепко связаны за её спиной. Проследовав глазами от своих связанных ног в дальний край пещеры, она попыталась сфокусировать зрение.

— Очнулась? — раздался голос от одного из расплывчатых силуэтов. — Вот и отлично.

Второй силуэт затих и не двигался. Булькающие звуки тоже прекратились.

Айзек приблизился к ней, легонько приподнял ей голову и приблизил что-то к её губам.

— Пей, Эклипсо, — его голос звучал мягко и спокойно. — Сперва будет неприятно... и мерзко, но ты должна это сделать. Ты справишься.

Она почувствовала тёплую, солоноватую жидкость на губах. Затем появился привкус металла, и она с ужасом отпрянула назад, попытавшись отвернуться.

— Это твой единственный выход, — вздохнул Айзек, зажимая горло Эйко, тем самым вынуждая её непроизвольно раскрыть рот.

Тёплая жидкость, всё ещё хранящая в себе жизнь, наполнила её рот. Она закашлялась, но хватка Айзека была крепка и настойчива. Едва успев глотнуть воздуха, она вынужденно проглотила и последующий за этим поток крови. Слезы брызнули из глаз, и она обессилено обмякла, делая один глоток за другим.

— Вот и всё, Эклипсо. Вот и всё, моя умничка, — Айзек отстранил бурдюк с кровью от её лица и разжал ладонь.

Эклипсо завалилась на бок и попыталась выbleвать этот жуткий напиток, выпитый ею. Но рвотных позывов всё не было и не было, как бы она не старалась. Тогда она закрыла глаза и тихо заплакала.

Айзек молча смотрел на Эйко, разглядывая черты её лица и словно что-то вспоминая. Затем грустно улыбнулся и вернулся к бездыханному телу Борнаса, вновь до верха наполнив бурдюк остывающей жидкостью.

* * *

Тела Борнаса она нигде не увидела, видимо Айзек спрятал его «с глаз долой», как отработанный, и не нужный больше в этой жуткой пьесе, материал.

Буря не утихала, поэтому им пришлось углубиться внутрь пещеры. Днём температура была достаточно комфортная, а ночью Айзек прижимал Эклипсо к себе, предусмотрительно пряча подальше острый кончик своего хвоста. Впрочем ни он, ни она, не могли уснуть достаточно крепко, поэтому даже если бы она и смогла дотянуться до него связанными руками, то Айзек всё равно непременно заметил бы это.

На третий раз она уже даже особо не сопротивлялась, глоток за глотком поглощая кровь «низшего». Айзек был непреклонен и настойчив.

— Остался всего один раз, Эклипсо, — произнёс демон, осматривая её связанные руки и немного ослабляя и смещая ткань, чтобы избежать отёков. — Завтра я смогу развязать тебя. А затем... делай, что хочешь.

* * *

Откинув опустевший бурдюк в сторону, Айзек произнёс:

— У тебя накопилось много вопросов... Много непонимания. Но... разве согласилась бы ты на это добровольно? Даже осознавая, что другого выхода нет?

Они смотрели друг на друга. В сумраке они оба представляли из себя лишь тёмные силуэты, со светящимися голубоватым огоньком глазами.

Всё это время Эклипсо продолжала хранить молчание, и Айзек уже привык к монологу за эти дни, не ожидая от неё какого-либо ответа.

— Как звали твоего отца? — слегка удивил её Айзек вопросом, однако она всё равно не произнесла ни слова.

— Для нас тогда это был обычный «мира». Мы не знали его имени, да это было и ни к чему; у нас были другие методы определения своей цели.

Шуршание ветра прорывалось внутрь пещеры, будто желая подслушать Айзека, рассказывавшего Эклипсо о случившемся в Храме, той ночью, когда он был одним из Стражей.

После своего рассказа, Айзек помолчал некоторое время, будто вспоминая те события, а затем продолжил:

— Это ведь была ты, — восхищённо смотрел Айзек на неё. — Без сомнения. Теперь я вижу схожие черты лица, так долго не дававшие мне покоя. Твой отец был... довольно необычным существом. Я тогда не понял его поступка, совершенно не понял. Но, тем не менее... я был поражён... и восхищён, в глубине души.

Где-то на грани слышимости капала вода, сочащаяся из стен пещеры. Эклипсо продолжала молчать, но слушала уже с интересом. Внимательно слушала, пытаясь найти выход. Айзек вновь предстал перед ней совершенно по-новому. И что было делать теперь с этим его новым образом, как теперь было вписать его в собственную картину мира, она пока не знала. Узы на руках за спиной размокли, и она потихоньку пыталась размягнуть узел.

— Необычная дочь, необычного отца, — продолжал тем временем, Айзек. — Нужно было во что бы то ни было вырвать тебя из лап преследователей. Я чётко осознал это, заглянув в отражение твоих глаз тогда.

Постепенно голос Айзека, подхваченный эмоциями от нахлынувших воспоминаний, возвратился в своё спокойное русло, и вновь зазвучал размеренно.

— Отец рассказывал тебе о крови демонов, о её свойствах? — продолжил он свой монолог во тьме пещеры. — Вряд ли, иначе ты давно уже перестала бы дуться на меня. Видишь ли, добытая определённым образом, кроме поддержания жизни, она ещё и многократно усиливает ментальные способности существа, поглотившего её. Эффект

конечно не перманентный, скорее это действует как стимулятор; плюс, действие проявляется далеко не сразу. Но оно того стоит, уж поверь.

Ничего такого Эклипсо не слышала. Странно, что отец и правда не рассказал ей нечто подобное. Хотя, если бы это было правдой, то рассказал бы наверняка. Скорее Айзек просто слетел с катушек, как и большинство его сородичей. Но с другой стороны, он знал довольно таки много подробностей о её отце и их побеге в иллюзорный мир.

— Это довольно скрытая, и почти забытая процедура, — ответил Айзек на её безмолвный вопрос. — И используется достаточно редко. Практически никогда, если быть точнее, ведь это влечёт за собой манипуляцию с сухожилиями собственных крыльев.

Он вновь немного помолчал перед продолжением рассказа:

— После неё они становятся совершенно бесполезными. Но, они продолжают болтаться за спиной, поэтому демон всё ещё может называться демоном. И даже достойно умереть, сохранив это звание.

Айзек вдруг хмыкнул:

— Можно ли вообще называть это «званием»? Ну да ладно, речь сейчас не об этом.

Эйко только теперь заметила, что крылья Айзека болтаются как-то неестественно.

— Мне жаль Борнаса, правда жаль, — голос Айзека выражал грусть. — Для нужного эффекта, донор крови должен пребывать в определённом состоянии: и психическом, и физическом. Именно поэтому я отказывал ему в пище... Бедняга, по сути, он всего-лишь продукт этого безумного мира. В конце-концов, что ещё может породить Ад? Тем не менее, признаться честно, его судьба меня мало заботила, несмотря на жалость; а в свете последних событий, его жизнь стала совершенно не важна. Важно было лишь твоё выживание, Эклипсо. Я не знаю, с какой целью затеял это всё твой отец, но он уж точно не рассчитывал, чтобы ты сгнила в темницах Судилища, или в этой пещере.

— События той ночи я не могу изменить, — добавил он после паузы. — Дав ему шанс уйти без той огромной жертвы, которую он преподнёс в итоге, ради твоего спасения. Не могу изменить ту ночь, дав вам обоим шанс спокойно ускользнуть.

— Но... разве мог тот демон, гордо называющийся Стражем, демоном третьего круга, поступить тогда как-то иначе? Разве мог... хотя бы даже задуматься о таком?

— Звучит как попытка оправдаться, да? — вздохнул он. — Да, именно так и звучит... Ладно, к чёрту это, хватит.

Он подошёл к Эклипсо вплотную и не дав ей опомниться, разрезал кончиком своего хвоста её путы, при этом умудрившись даже не поранить кожу своей вынужденной пленницы.

— Через несколько дней ты почувствуешь действие стимулятора, — сказал Айзек, отойдя от неё. — Ты поймёшь это по своим ощущениям, не переживай. Тогда иллюзорный мир будет уже не так опасен для тебя, и оказавшись там, ты сможешь понять, как правильно действовать, и не впадать в безумие, как в прошлый раз. Ты справишься, я уверен. А откуда тебе уже будет доступно любое направление.

Эклипсо молча растирала затёкшие конечности, не упуская Айзека из поля зрения. Но тот совершенно не выказывал каких-либо признаков угрозы, а лишь прислонился боком к одной из стен, и смочив ладонь в сочащейся из камня, холодной воде, протёр ею свой лоб.

— Дальнейшее меня не интересует, поступай как знаешь, как считаешь правильным, — произнёс он, усаживаясь на сухой поверхности пещеры в некое подобии позы Лотоса. — Тебе давно известно, что кончик моего хвоста острее лезвия ножа. Если захочешь, можешь

воспользоваться им для возмездия, я не буду препятствовать этому.

Затем он закрыл глаза и впал в медитацию.

Глава 11: Истинные

Словно кусочки мозаики, в голове суккуба вертелись мысли, пытаясь сложиться в общую картину. Вначале ей казалось, будто она начала улавливать нужную последовательность, но вскоре эта хрупкая нить опять ускользнула из её рук.

Иллюзорный мир, ставший инкубатором для неё. Уроки отца. Его рассказ о побеге. Встреча с Айзеком. Его рассказ о преследовании.

Удивительное стечение обстоятельств, соединившее их вместе. Случайность.

Или случайностей не бывает?

Эклипсо даже не могла понять своих чувств в этот момент. Перед ней находилось существо, косвенным образом лишившее жизни её отца. Ведь если бы не этот настойчивый Страж, так самозабвенно преследовавший свою цель в ту ночь, отец не был бы ранен, не был бы загнан в угол, и смог бы найти более щадящее решение.

Но своими действиями Страж не дал ему выбора. Не дал ему шанса.

А затем иллюзорный мир закончил начатое. Медленно, но неумолимо, высасывая жизнь из Риманаты, и не давая ему ни малейшей возможности на восстановление или хоть малейшую передышку.

* * *

Айзек хранил молчание, когда она дотронулась до его хвоста. Он продолжал хранить молчание и тогда, когда почувствовал кончик этого хвоста на своём горле. Лишь тихо вздохнув, он приподнял подбородок, ещё больше открывая шею.

Почему она медлила? Неуверенность? Сомнение? Сентиментальность?

Нужно было помочь ей.

— В твоих руках жизнь убийцы твоего отца. Зачем же ты медлишь? Поставь точку наконец, и двигайся дальше.

Тихий голос отражался от поверхности пещеры и растворялся где-то в её глубинах.

— Освободи себя, Эклипсо, — продолжал он. — Освободи себя от тени своего отца.

— Ты понятия не имеешь о чём говоришь, — прошипела Эклипсо. — Ты ничего не знаешь о нём.

— Да, — не открывая глаз, произнёс Айзек. — И никогда не узнаю... ведь он мёртв.

Маленькая, неуверенная, капелька крови покатила по шее демона.

— Зачем?! — прокричала Эйко.

Она схватила Айзека за рог, выворачивая и запрокидывая его голову назад ещё сильнее.

— Зачем?!

— Зачем?! — кричала она прямо ему в ухо.

— У каждого из нас своё предназначение, своя роль, — прошептал Айзек. — Я исполнял тогда свою. А теперь исполни свою и ты.

— Нет, — внезапно спокойным голосом произнесла Эклипсо. — У меня своя дорога.

Она разжала свои ладони и отступила в сторону.

Затем всё же добавила, на мгновение позволив ярости вновь захлестнуть сознание:

— Ты всё равно уже не жилец. Я буду наслаждаться твоей агонией, когда эта язва наконец добьёт тебя.

— Что ж, — вздохнул Айзек, не двигаясь, — да будет так.

Слова, брошенные в порыве гнева, имеют разрушительную силу, медленно

разъедающую изнутри даже самые крепкие узы. Слова, брошенные в порыве страсти, не представляют из себя никакой ценности; они хрупки, словно замок из песка. Только слова, произнесённые в состоянии спокойной осознанности, имеют наивысшую ценность. Но такие слова достаточно редки, ведь в состоянии осознанности никаких слов и не требуется.

К этому времени пещера услышала уже достаточно слов, и теперь она хотела лишь тишины и покоя. И через столько дней эти внезапные нарушители тишины наконец умолкли, оставив друг друга наедине со своими мыслями.

Теперь пещера вновь могла наслаждаться тихой музыкой капающей воды со своих стен.

* * *

Часы. Дни. Недели.

Для Эклипсо и Эйко уже не существовало времени.

Они были бесконечной нитью, не имеющей, ни начала, ни конца. Вибрирующей струной, издающей причудливые звуки, переливающиеся в обрывистую мелодию.

Но кто касался этой струны? Чьи пальцы нарушали её покой?

* * *

Ощущения были немного странные, непривычные. Но вскоре, благодаря необычному слиянию двух разумов в одном теле, ритм наконец начинал выстраиваться. Неумелые пальцы обретали всё большую уверенность, заставляя струну извиваться всё быстрее и изящней.

Из хаоса неизведанности рождалась упорядоченная осознанность.

* * *

Суккуб открыла глаза, совершенно по-новому взглянув на окружающий мир. То, что раньше казалось простым и примитивным, теперь приобрело сложные, многогранные формы. То, что казалось сложным, оказалось простым и не имеющим никакого значения.

Капля воды, скользящая по острым граням камня. Едва заметный луч света, проникнувший в пещеру снаружи, и рассыпающийся теперь на миллиарды отражений внутри этой капли.

Молекулы крови, всё ещё кружащие в воздухе. Незаметные, но до сих пор хранящие в себе запах унесённой жизни.

Тихий гул утихающего ветра где-то вдали. Шелест редких, пустынных растений.

Звон пролетающей кометы, прорезающей небосвод.

Шорох бархатистых голосов.

— Ещё три дня пути, как минимум. Нам нужно передохнуть.

В ответ лишь звук шагов. Лишь звук тяжёлого дыхания.

— Она права, Брахта. К чему эта изнуряющая спешка? Буря всё равно уже стихает.

Глубокий вдох. Медленный выдох. Существо, называемое «Брахта», раздражено.

— Ладно, мы отдохнём в той пещере. Немного.

Тихие, облегчённые вздохи.

* * *

Эклипсо чувствовала их страх, их смятение, их неуверенность. Эта троица явно не ожидала, что пещера окажется уже занята.

Их глаза были полностью черны, создавая иллюзию пустых глазниц, поэтому направление взгляда или какую-либо эмоцию в них трудно было уловить. Но суккуб выдела всё прекрасно, все микроскопические движения. Капельки пота, выступившие на светлой, голубоватой коже. Запах адреналина. Скрип зубов.

Сохраняя молчание, она с любопытством рассматривала гостей. С тем же любопытством, поборов наконец первичный испуг, они рассматривали её и Айзека, скрутившегося на земле.

Внешне эти существа напоминали суккубов. За исключением того, что их глаза не источали голубого свечения, а кожа была практически белой, с едва заметным, голубым оттенком. Так же, в отличие от суккубов, их головы были покрыты волосами, заплетёнными в причудливые косы.

Их одежды представляли из себя лёгкие, мешковатые штаны и накидки с капюшонами, защищающие от ветра и пыли. Ниже колен штаны были стянуты кожаными ремнями и повязками, оставляя непокрытыми копыта. С поясов свисали длинные, изогнутые ножи и набедренные повязки, покрывающие левую сторону. Руки, до локтей, были обмотаны такими же ремнями, что и на ногах, а верхняя часть тела была обнажена. Причём это касалось обоих полов. Лишь полоска кожаного жгута пересекала туловище по диагонали, закрепляя некое подобие наплечника. Две мужские особи, и одна женская, были одеты совершенно одинаково. Эйко даже внутренне усмехнулась, заметив окаменевшие, от всплеска адреналина и перевозбуждения нервной системы, соски на маленькой груди женской особи.

Одно из существ держало перед собой распахнутую кверху ладонь, в нескольких дюймах от которой парил в воздухе оранжевый, светящийся шар, служивший источником света.

— Луноокие, — ошарашено прошептала женская особь.

Особь со светящимся шаром фыркнула в её сторону, видимо выражая недовольство и заставляя замолчать.

— Красиво звучит, — улыбнулась Эклипсо, поднимаясь на ноги.

Во мраке пещеры, обнажённая, с горящим, пронзительным взглядом, освещаемая играющими по телу бликами оранжевого шара-фонаря, она выглядела поистине демонически, даже для представителя Ада. Её чёрные глаза, со светящимися, голубыми радужками, смотрели прямо внутрь незнакомцев. Словно прямо в их души, если, конечно, они у них были.

Она выглядела жутко. Сексуально. Угрожающе, и маняще.

Она выглядела гипнотически.

Она ощущала их внутреннее сопротивление, но уже понимала бессмысленность этих попыток. И существа тоже понимали. Так же, как мышь понимает свою участь, глядя в глаза кобры, но уже не в силах сдвинуться с места.

— Кто вы? — прозвучал её мягкий голос, ураганом пронёсшийся в их головах.

— Мы «истинные», — ответил Брахта, удивляясь самому себе.

— Ахтас, не надо! — тихо, но взволнованно прошептал третий «истинный».

Он протянул руку, останавливая женскую особь. Она, Ахтас, пыталась выхватить свой нож, борясь со своим страхом и волнением, но не утратив решимости.

— Ахтас, — медленно произнесла Эклипсо, обходя застывшую на месте «истинную», и вдыхая её запах.

Эйко улыбнулась, она напомнила ей кое-кого, эта Ахтас.

Тем временем «истинная» прикрыла глаза и начала бормотать что-то неразборчивое себе под нос, пытаясь успокоиться.

— Как твоё имя? — обратилась Эклипсо к третьему.

Она чувствовала в нём самую спокойную энергию из всех троих, и решила

взаимодействовать через него с этой троицей, несмотря на то, что главным среди них явно был владелец шара.

— Моё имя, Зар.

— Мне нужна твоя помощь, Зар, — заглянула Эклипсо ему в глаза, встав прямо перед ним. — Нужна помощь вас троих.

В головах «истинных» металась буря. Пески перемен разбивали камни былых убеждений. Они явно впервые столкнулись с чем-то подобным, и их психика оказалась не готова.

В других обстоятельствах они не церемонились бы, встретив в пустошах незнакомцев. Пусть даже этими незнакомцами оказались полумифические существа, о которых они слышали только из баек и легенд, рассказываемых вокруг ночного костра.

В других обстоятельствах, почуяв неладное, они просто перерезали бы горло суккубу, посмевшей вторгнуться в их внутренний мир. Посмевшей применить на них своё чёрное колдовство.

Но сейчас они уже просто были не в состоянии что-либо сделать, растворившись в глазах «луноокой».

Брахта даже не противился тому, что Эклипсо игнорировала его лидерство в этой группе, предпочтя говорить с Зар, а не с ним. Ему уже было всё равно, его это не касалось и её решения он оспаривать не собирался. У него уже даже не возникало мыслей, почему он должен противиться ей.

— Мы окажем тебе любую помощь, — слегка склонил голову Зар. — Какая только в наших силах, и за пределами этих сил.

— Без сомнения, — улыбнулась Эклипсо, кивнув в ответ.

Айзек выглядел ужасно, и пребывал в состоянии полуобморочного бреда. Эклипсо видела причину, ощущала её, однако этого было недостаточно. Даже несмотря на многократно возросшие ментальные способности, ей нужны были определённые медикаменты и другие средства, с помощью которых можно было бы произвести операцию. Поэтому, под утро, решено было отправиться в селение «истинных», в надежде, что там найдётся всё необходимое.

Брахта и Зар сделали из своих накидок носилки, разместив в них тело демона. Ахтас отдала свою Эклипсо. Следуя за носильщиками, она изредка оборачивалась и украдкой посматривала на суккуба, не понимая себя и свои ощущения. Всё ещё предпринимая вялые попытки сопротивления ментальной атаке, где-то там, в глубине сознания.

«Настырная девочка», — усмехнулась Эйко.

Ускорив шаг и поравнявшись с Ахтас, Эклипсо успокаивающе погладила её по спине, словно усыпляя. Почувствовав расслабление «истинной» под своими ладонями, суккуб вернулась к своим мыслям.

В теперешнем её состоянии она могла оперировать логикой и холодным расчётом, не отвлекаясь на эмоции. И тем не менее, почему же она до сих пор была здесь? Почему не открыла портал и не ускользнула туда, откуда ей были открыты все направления, все дороги? Зачем ей было спасать жизнь демона? Или, быть может, это напротив была её изящная месть за отца? Ведь она прекрасно знала насколько Айзек дорожил своими крыльями. Возможно даже больше своей жизни.

Эклипсо не могла ответить себе, почему делает это. Эйко не могла тоже.

С одной стороны, они сейчас совершенно безрассудно растрачивали элексир, гудящий в

венах и артериях, действие которого закончится, рано или поздно. С другой, встретив этот новый вид, сёстрам стало интересно, что ожидает их на этом пути. Почему-то они чувствовали, что именно здесь нужное направление, а не в иллюзорном мире.

А может быть причина была в том, что этот самый иллюзорный мир совершенно перестал нравиться суккубу, даже несмотря на то, что она выросла в нём. Впрочем, теперь она знала, что это была заслуга отца, оградившего её от безжалостных, жадных щупалец, высасывающих энергию любого, кто осмелился заглянуть на огонёк. Теперь она знала, какую цену нужно было платить, за пребывание в том мире, не щадящем даже своего создателя.

Но оставался ещё один вопрос, что делать, когда её сознание возвратится в привычное состояние, и она утратит способность влиять на «истинных»? Тем более, что к тому моменту она будет в глубине их жилища, окружённая чужеродными существами со всех сторон. Хотя, разве существовало где-либо место, где её окружали бы «не чужеродные»?

Эклипсо взглянула на свою левую руку. Пентаграммы уже побелели и гармонично слились с татуажом на теле, заняв своё полноценное место. Став частью её.

«В случае чего мы всегда можем воспользоваться этим и уйти», — заметила Эйко.

«Да», — ответила Эклипсо. «Но я всё же надеюсь, что мы найдём там союзников, а не очередной повод для побега».

«Да... я тоже устала постоянно убегать», — произнесла Эйко.

* * *

Ахтас протянула к суккубу свою ладонь, наполненную какими-то семенами и орехами. Эклипсо кивнула с благодарностью, однако приняла она этот дар из обычной вежливости; действие стимулятора позволяло ей обходиться без традиционной пищи ещё долгие дни.

Они отдыхали посреди пустошей, прямо под звёздным небом. Буря наконец окончательно улеглась, поэтому искать какое-то особенное укрытие не было необходимости. «Истинные» тоже как будто уже свыклись с чем-то посторонним в своих головах, и перестали обращать на это внимание, воспринимая компанию Эклипсо и Айзека как нечто само-собой разумеющееся, и не требующее каких-либо вопросов.

Возможно такое поведение обуславливалось ещё и тем, что эти существа всю свою жизнь обитали в довольно суровых природных условиях. И это несомненно повлияло на их восприятие мира и взаимоотношение с другими существами. Трудности внешнего мира имеют свойство не только разъединять и озлоблять живых существ, в борьбе за выживание, но в некоторых случаях и наоборот, объединять и скреплять. Впрочем, тоже всего-лишь ради выживания. Суккуб и демон воспринимались теперь «истинными» как часть их семьи, если можно было так выразиться. Но вот останется ли такое отношение надолго, это уже был другой вопрос, учитывая искусственность внедрённых в их сознания мыслей.

Чары суккуба временны, какими бы сильными они ни были.

* * *

Она всё ещё не понимала, где они оказались. Единственное, что было ей известно — они находились довольно далеко от города, потому что зарево Котла было видно на огромных расстояниях. Здесь же, в этих пустошах, во все стороны простиралось чистое, желтоватое небо. Иногда на нём появлялись редкие облака, переливающиеся золотистым светом, отражающимся на их боках. Но нигде не было и намёка на красное свечение Котла.

Это одновременно и успокаивало, и настораживало. Эклипсо была уверена, что они до сих пор находятся в Аду, это было очевидно по некоторым особенностям, которые она

ощущала в пространстве. И в тоже время это была какая-то далёкая, неизведанная территория. Впрочем, жители адского города никогда не проявляли особого интереса к путешествиям.

— Там одни лишь камни и песок, — сказала однажды одна из её сестёр, когда они разговорились о землях, простирающихся далеко за горизонтом.

Тогда Эклипсо ещё только начинала делать робкие попытки достучаться до остальных суккубов, пытаясь выяснить, могут ли они вырваться за рамками своего искалеченного сознания.

В Храмах Луны было множество послушниц, да и самих этих Храмов было несколько, поэтому Эклипсо не вызвала удивления среди сестёр своим появлением в городе. Многие суккубы не были знакомы друг с другом, даже будучи выходцами из одного и того же Храма.

Двое суккубов сидели за столиком уютного заведения, расположенного на крыше высокого здания, и наслаждались закатом и вечерним кофе, с радостью приняв Эклипсо в свою компанию.

— Меня зовут, Мирада, — улыбнулась одна из суккубов, приглашающим жестом призывая Эклипсо на свободное место рядом с ней.

— Очень приятно, — кивнула Эклипсо, располагаясь на миниатюрном, плетёном кресле. — Меня зовут, Эйко.

— А это Джакана, — представила Мирада свою спутницу.

— Да, да. Привет, — слабо махнула головой Джакана, даже не пытаясь скрыть своё безразличие.

— Джакана, ну не будь ты такой сучкой, — звонко хихикнула Мирада.

Мирада и Эйко сразу понравились друг другу. Они частенько встречались в том кафе, а после и вовсе начали проводить много времени вместе. Пока в конечном итоге их дружба не переросла в нечто большее.

Стимулятор глушил эмоции, поэтому в этот раз воспоминания о Мираде не причинили Эклипсо особой боли.

* * *

— Твой друг выглядит совсем плохо, — с грустью в голосе произнесла Ахтас, глядя на Айзека. — Я надеюсь мы успеем добраться до дома к тому времени, как Луна превратиться в диск.

— Благодарю тебя, Ахтас, — кивнула Эклипсо. — Пусть Луна освещает наш путь.

Ответная улыбка Ахтас была едва заметна. Словно внутри неё боролись недоверие, сопереживание, страх, ярость и ещё множество эмоций, однако одна из положительных энергий на мгновение одержала верх и выглянула наружу.

Несмотря на суровый внешний вид, Эклипсо ощущала в этих существах какую-то, совершенно не свойственную этому миру, теплоту. Да, они могли быть жестоки, но при этом они были просты, честны и открыты.

* * *

Айзек падал в пропасть уже бесконечно долго.

Вначале он пытался взмахивать крыльями, но они были совершенно непослушными, словно чужими.

Он хватался за каменную стену, вдоль которой происходило его падение в бездну, но каждый раз стена отдалялась от его рук.

Иногда ему удавалось уловить в этой стене мелькающие лица существ, встреченных ему

когда-либо в жизни. Одни из них ехидно улыбались и улюлюкали, одобрительно кивая. Другие искривлялись в презрительных ухмылках.

Некоторые лица выглядели опечаленными. Совсем немногие.

— Айзек, — слышался голос, содержащий в себе множество оттенков. Множество голосов.

— Вот ты и найдёшь свои ответы, Айзек.

— Куда попадают демоны Ада после смерти!? — крикнул Айзек.

— Действительно, куда? — засмеялись голоса в ответ.

— Куда!? — продолжал кричать Айзек. — Дай мне ответ, прежде чем я исчезну.

— Да ты же даже не демон, — удивлённо воскликнули голоса. — Посмотри на себя. У тебя сломан рог. Твои крылья превратились в бесполезные тряпки.

Лица в стене хохотали и ехидно кривились.

— Какое тебе дело до того, куда попадают демоны? — продолжали голоса. — Ты не демон. Ты никто.

— Никто?

— Никто. Жалкая карикатура.

— Да и чёрт с вами, — тихо пробормотал Айзек. — Мне плевать. Ваш смех не трогает меня. Ни ваше презрение, ни ваше одобрение, не имеют для меня никакой ценности.

Лица продолжали смеяться, когда кожа Айзека воспламенилась и начала полыхать, лоскутками отделяясь от тела и разлетаясь в пустоте.

Сущность, выстроенная тысячелетиями, привыкшая называть себя «Айзек», разлеталась на множество частей.

Но эта сущность не жалела ни о чём. Сущность «Айзек» не пыталась остановить этот необратимый процесс распада. Эй было всё равно.

Единственное, что немного печалило эту сущность, это то, что ей так и не удалось найти свои ответы.

Если они вообще существовали когда-либо.

* * *

Пятеро существ следовали вперёд, сквозь каменистые пустоши. Навстречу своему дому. Для некоторых из них этот дом был родным. Для некоторых новым.

Что несли эти существа в свой новый дом? Какой опыт? Какие знания?

Например, существа из другого мира, называющие себя «людьми», имели в своём фольклоре поговорку:

«Всего лишь ложка дёгтя, портит целую бочку мёда».

Эклипсо, пребывая сейчас в изменённом состоянии сознания, перефразировала бы эту поговорку таким образом:

«Всего лишь ложка дёгтя, способна полностью изменить структуру мёда в бочке. Включая и саму бочку».

Глава 12: Бескрылый

— Всё же не понимаю я, как может быть настолько бесструктурна структура плана твоего. Возможно ли, что действуешь ты полагаясь лишь на интуицию, и только?

— Возможно всё, мой друг.

— Не оскорбляй меня уходом от ответа, Немезида. Исчезновение это входит в план твой?

— Ты сгущаешь краски слишком. Нетерпелив ты. Ждёшь результата мгновенного и ясного.

— Я повторю в последний раз, то, что ты делаешь, уверена ты в этом?

— Уверенным нельзя быть даже в самом лучшем и надёжном плане. В этом я уверена. Нам всегда нужно быть готовыми — гибкость проявить.

— На кону слишком многое, Немезида. Ветви, даже самые гибкие, возможно сломаются. Помни об этом.

— Что ж, я тоже напому тебе, что мы оба посреди этих ветвей.

* * *

Издали селение выдавали лишь высокие антенны ветряков, устремляющиеся высоко в небо. На их тонких концах болтались на ветру длинные, красные ленты, словно царпины, прорезающие оранжево-жёлтое небо. Только подойдя довольно близко можно было наконец разглядеть очертания шатров, сливающихся с каменными валунами, посреди пустошей.

Некоторые встречные приветствовали путников и с любопытством вглядывались в носилки, в которых располагалось, кое-как скрытое тряпками, тело демона. Суккуб тоже плотно завернулась в свою накидку, низко опустив капюшон. Тем не менее часть её нижних конечностей всё же была видна, и слишком уж тёмная кожа, по сравнению с бледной кожей «истинных», вызывала тихие перешёптывания. Однако прямых вопросов пока никто не задавал.

Ранее Эклипсо поинтересовалась, есть ли в их поселении спокойное место, более всего скрытое от посторонних глаз. На что Зар дал утвердительный ответ, и теперь вся компания направлялась туда, к одному из отдалённых, небольших шатров, расположенных вдалеке от колодцев.

«Чем дальше от источника воды, тем меньше движения и любопытствующих ушей вокруг шатра», — размышляла Эклипсо.

Рано или поздно появление двух необычных существ в поселении всё рано открылось бы «истинным», но Эклипсо хотела отдалить этот момент настолько, насколько это было возможно. Таким образом она хотела минимизировать количество существ, с которыми ей нужно было бы взаимодействовать. На которых нужно было бы влиять.

Насчёт дальнейшего развития событий, после того, как она снова станет самой собой, у неё были некоторые предположения. Несколько из возможных исходов были не слишком радужными. Но несколько возможных вариантов были и вполне благополучными. Сейчас в этом уравнении было слишком много неизвестных, поэтому точно рассчитать последствия было довольно проблематично. У неё в запасе было всего несколько дней, прежде чем действие стимулятора пойдёт на спад и её чары развеются. Потому ей нужно было лично встретиться со Старейшиной селения как можно быстрее.

Впрочем, слухи о странном поведении сородичей уже успели разлететься по округе, и

вскоре двое посыльных сами предстали перед Брахта, молчаливо и задумчиво охранявшим вход в шатёр.

— Впусти их, Брахта, — раздался мягкий голос суккуба.

Насторожившись и пребывая в лёгком недоумении, посыльные вошли внутрь, и через некоторое время вышли оттуда уже совершенно другими, в компании суккуба и Ахтас, которая вызвалась сопровождать Эклипсо.

* * *

Лёгкий полумрак шатра освещался лишь светом двух, уже знакомых суккубу, шаров, а из узорчатых ёмкостей, висящих на стенах и наполненных травами, струился дымок благовоний.

В помещении находился лишь старец, внешне абсолютно подходящий под звание «Старейшина», и зрелая женщина, сидящая на корточках и перетирающая какие-то сухие растения в блюде. Она лишь на миг взглянула на Эклипсо своими пустыми глазницами, прищурилась и склонила голову набок, а затем вновь продолжила своё занятие.

Старейшина тоже перевёл взгляд на вошедших лишь на мгновение, слабо кивнул, и вернулся к своим наблюдениям за манипуляциями женщины. Двое посыльных заняли место возле входа, приняв роль стражей. Ахтас осталась рядом с суккубом.

Все присутствующие хранили молчание.

На первый взгляд это выглядело как преднамеренный акт. Как демонстрация силы. Или как неуважение и пренебрежение, что тоже, в общем-то, являлось некой примитивной демонстрацией превосходства. Но наблюдательный взгляд суккуба уловил истинную причину такого поведения Старейшины, не позволив предубеждениям и эмоциям исказить реальность.

Действия женщины, а так же элементы её одежды и нательных рисунков, выдавали в ней лекаря, или шамана. В дополнение к этому, при более детальном изучении, Старейшина излучал довольно сильно напряжение.

Они стали свидетелями какого-то целительного ритуала, который, по всей видимости, не предусматривал прерывания или каких-либо разговоров. Почему, в таком случае, у входа не была выставлена охрана — это уже был другой вопрос, на который у суккуба пока не было ответа.

— Духи предков вокруг, — начала шептать слепая целительница. — Духи предков внутри.

Старейшина едва заметно шевелил губами, повторяя её слова.

— Ничего впереди. Ничего позади.

На фоне шёпота слышался лишь шорох сухих трав.

— Всё, что было, ушло. Всё, что будет, придёт.

Тонкие пальцы неспешно, но уверенно растирали высохшие стебли, превращая их в порошок.

— Здесь мы есть, в пустоте. Здесь, ни света, ни тьмы.

Целительница замолчала на некоторое время, слегка покачиваясь и продолжая растирать свои листья. Затем начала что-то тихо напевать себе под нос.

Это длилось ещё некоторое время, и наконец закончив, она поднялась на ноги. В левой руке она держала блюдо, а правой брала маленькие щепотки порошка и разбрасывала вокруг Старейшины, обходя его со всех сторон. Несмотря на свою слепоту, ориентировалась в пространстве она довольно свободно и уверенно, словно глаза, зоркие и молодые, были в

её пустых глазницах.

В завершение ритуала, она поднесла блюдо ко рту и с силой дунула в сторону Старейшины, заставляя порошок стремительно ворваться в его лицо, в его лёгкие. Впитаться в его кожу. Было заметно, что он едва сдержался от приступа кашля, но всё же достойно выдержал этот последний штрих ритуала. Даже стоящие поодаль гости чувствовали пощипывание на коже. Можно было только представить, что ощущал в тот момент Старейшина.

Наконец его дыхание начало восстанавливаться, и вытерев пот со лба, он устало откинулся на спинку кресла, представлявшего из себя замысловатую конструкцию — переплетённую между собой мешанину костей и полос красной ткани.

Изучив вид и размер костей, суккуб легко догадалась о том, кто был их прошлым владельцем. Они явно принадлежали животным, которых она уже видела снаружи. Чем-то отдалённо напоминающие лошадей, изображения которых ей показывал отец, только более коренастые, с короткими задними, и длинными передними лапами. Их морды были настолько вытянуты, что издали напоминали головы птиц с длинными клювами. Немного кучерявая шерсть была окрашена красно-бежевыми, широкими полосами, включая длинный, толстый хвост до земли. Ещё тогда, увидев их впервые, ей сразу стало понятно такое преобладание красной ткани везде вокруг.

— Здравствуй, чужеземец, — наконец произнёс Старейшина. — Благодарю тебя за молчание.

Он мог бы объяснить суккубу, что ритуал требует молчания. Что процедура требует полного подчинения случайному ходу событий — охраны у входа не было именно поэтому. Что ритуал должен быть исполнен несмотря ни на что — именно в этом вся суть.

Но Старейшина конечно же не считал нужным объяснять всё это.

— Здравствуй, Ахтас, — продолжил он. — Как прошли твои странствия?

— Здравствуй, Старейшина, — ответила «истинная». — Странствия привели меня к новым знаниям.

— Как и должно быть, — кивнул старец. — Как и должно.

Затем он вновь перевёл взгляд на суккуба, всё ещё плотно завернутую в свою накидку:

— Отчего молчалив твой спутник, Ахтас? Ритуал уже закончен и не требует более тишины.

Вместо ответа Эклипсо откинула капюшон и внимательно посмотрела на старца. Если он и удивился, увидев перед собой суккуба, то виду всё равно предпочёл не подавать. Самообладанию этого старика можно было только позавидовать.

— Не думал, что при своей жизни увижу лунооую, — произнёс он.

Услышав это слово, целительница еле заметно улыбнулась, будто найдя подтверждение своим догадкам. Она явно учуяла суккуба с самого начала.

— Подойдя ближе, ты смог бы лучше меня рассмотреть, — раздался в тишине мягкий голос суккуба.

Несмотря на какой-то просто чудовищный самоконтроль, когда старец подымался из своего кресла, опираясь на руки, на его лице всё же успело промелькнуть удивление. Оно было вызвано тем, что тело вдруг начало производить самовольные, совершенно им не контролируемые, действия.

Однако вскоре сознание накрыло тёплой волной, и оно погрузилось в мягкую пелену незнакомого, но такого приятного, голоса, противиться которому совершенно не хотелось.

Ведь тогда всё это исчезло бы в миг, вся эта сладкая нега растворилась бы в волнах.

«Растворяться в волнах», — подумал старец, медленно подходя к суккубу. «Чьи это мысли? Разве это мои мысли?».

Структура его разума, окутанная самоконтролем и трезвостью ума, вызывала уважение, но всё же не могла сопротивляться разуму суккуба, усиленному стимулятором в десятки раз.

— Мой друг нуждается в помощи, — сказала Эклипсо, обеими руками обхватив голову старика и заглянув ему в глаза. — Разве может Старейшина отказать заблудшему путнику в беде? Разве в пустошах не осталось сострадания?

— Нет, отказать тебе в помощи я не могу, — тихо произнёс старец.

Тихий, едва заметный, смех слепой целительницы остался незамеченным всеми, кроме суккуба. Но Эклипсо знала, что эта женщина, несмотря на своё чутьё, не представляла собой помехи в данный момент.

* * *

Несмотря на предосторожности, слухи о появлении в поселении суккуба всё же расплозились в толпе. К счастью о демоне пока что мало кто знал, к тому же эти немногие были под воздействием чар. Если бы «истинные» узнали ещё и об Айзеке, то сдержать их любопытство было бы очень трудно.

Старейшина заверил, что шатёр, где разместились гости, никто не потревожит, и Эклипсо верила, что так оно и будет, по крайней мере, ближайшие несколько дней. Брахта и Зар всё же вызвались поочерёдно охранять вход, а Ахтас сопровождала Эклипсо в один из шатров, сооружённый вокруг колодца, где суккуб смогла наконец, через столько дней, омыть своё тело и примерить на себе одежду «истинных».

Сперва Эклипсо намеревалась всё же прикрыть грудь, однако Эйко настояла на том, чтобы оставить всё как есть, в первичном варианте «истинных», с оголённым торсом. Она заявила, что пора привыкать к такому виду, потому что это выглядит: «Потрясно» на их теле. На что Эклипсо заметила, что такое проявление эмоций свидетельствует о начавшемся снижении действия стимулятора.

Арексис, слепая женщина-целительница, тем временем «осматривала» тело Айзека, скользя ладонями по его пылающей коже. Она была восхищена и поражена этому событию, происходящему в её жизни — прикосновению к живому, настоящему демону. И теперь она хотела большего, не только касаться, но и слышать его голос, слышать его мысли, воспроизводимые пересохшими устами. Но Айзек давно уже был в коматозном состоянии, и издавал лишь редкие, тяжёлые вздохи.

Она решила, что во что бы то ни стало должна услышать этот голос, поэтому её помощь была совершенно искренней. И именно поэтому Эклипсо особо не переживала по поводу её лояльности, даже несмотря на сопротивление чарам суккуба.

* * *

— Ты выдела его полёт вживую? — спросила Арексис, смешивая принесённые ею травы в нужных пропорциях.

— Не только видела, но и слышала хлопки этих крыльев об облака, — равнодушно пожала плечами Эклипсо.

Арексис мечтательно закрыла пустые глазницы, но вскоре выражение её лица сменилось горечью. Она уже знала, какая операция им предстояла, и это знание тяготило её. Особенно от того, что никаких других вариантов уже не оставалось.

Но хотя бы сломанный рог демона можно было восстановить, она даже уже знала, как

именно это можно было сделать. Однако сперва всё же нужно было восстановить самого демона.

Где и каким образом отделить крылья от тела, Эклипсо знала сама, поэтому эта часть лежала на ней. Помощь Арексис заключалась в целительных порошках, состав которых должен был буквально выжечь остатки чёрной язвы, уже начавшей прокладывать свою паутину в организме, перекинувшись с крыльев на спину и лопатки. Именно это являлось самой рискованной частью, ибо сердце демона могло просто не выдержать такой нагрузки.

Но других вариантов не было. Кроме, разве что... того фокуса, который Эклипсо уже проворачивала ранее с оковами и пространственными играми, находясь в иллюзорном мире. Только, к сожалению, с колдовской язвой такой фокус уже не прошёл бы.

Вначале целительница втёрла в некоторые части тела демона небольшие дозы порошка, для того, чтобы его организм хоть немного привык и адаптировался к предстоящему. Эклипсо тем временем подготавливала короткий нож, принесённый Ахтас, а сама «истинная» занималась поддержкой небольшого костра, чтобы угли и пепел оказались под рукой в нужный момент.

Каких-либо других инструментов суккубу не требовалось, так как отделять поражённую плоть она собиралась в местах сухожилий и хрящей, не затрагивая кости. Физиологическое строение демона отлично подходило под эту задумку. В итоге должны были остаться лишь четыре небольших, костяных отростка, по два с каждой стороны, практически сливающихся с плоскостью спины. Их изначально округлая форма не должна была принести в дальнейшем какого-либо дискомфорта, да и зарости кожей они должны были довольно быстро, оставив лишь шрамы, напоминающие об утрате.

Как бы там ни было, всё это не входило ни в какое сравнение с варварскими методами, применявшимися в городе, для превращения демонов в «низших». После которых бедняги частенько вообще утрачивали способность спать на спине, из-за оставшихся там навсегда корявых обрубков из костей и хрящей, торчащих во все стороны.

— Это тело готово, — произнесла Арексис, сидя возле демона, и медленно помешивая в маленькой миске густоватую смесь, от которой пощипывало в глазах.

Затем она указала суккубу на сосуд, в котором содержалась смесь другого цвета:

— Смажь этим под глазами. По одной тонкой полосе, под каждым. Это остановит слезливость, и прибавит ясности твоему зрению.

После этого она протянула Эклипсо свою миску:

— Теперь твои руки, и твой нож. Это придаст им остроты и огня, разрушающего всё чужеродное, скверное.

* * *

Свет.

Тьма.

Уходящее Солнце?

Восходящая Луна?

Стена масок исчезла.

Вслед за ней исчезли и кривляющиеся рожицы.

Айзек ещё не исчез.

Ещё не до конца.

* * *

Нож, под руками суккуба, прорезал податливую плоть, словно ветер, рассекающий

облака. Это был хороший нож. Хорошо подготовленный. Милосердно быстрый.

* * *

— Ты — пустоши сухой листок, — звучал уже охрипший голос Арексис.

Её ладони скользили по кровоточащей плоти.

— Ты растворяешься в песках.

Пальцы целительницы, измазанные жгучей смесью и кровью, пока ещё осторожно двигались вокруг ран, не проникая внутрь. Жар, исходящий от тела демона, заставлял подниматься и кружить в воздухе прозрачные облачка пара.

— Ты, с ветром наперегонки..., - голос повысился, и в нём уже отчётливо слышалась боль.

Арексис задрала голову, чуть взвыв, но вскоре взяла себя в руки и продолжила, погружив свои пальцы глубоко в обжигающие раны, и разнося целительную, огненную смесь по всему организму Айзека.

— ...уносишься к вершинам гор.

Её руки дрожали от боли, но она не вынимала пальцев из плоти демона.

— Дождём прольёшься.

— Растворишься в камне.

Грудь целительницы тяжело вздымалась и опускалась. Хриплый голос затихал.

— И вновь вернёшься...

Очередной тяжёлый вдох.

— ...в Бездны океан.

Тело Арексис обессилело начало заваливаться набок, и руки сами выскользнули из ран. Ахтас подхватила её, а Эклипсо взяла щипцами один из углей, и начала прижигать раны на спине Айзека.

* * *

Осколки разума, некогда бывшие единым целым, разлетались в разные стороны.

В каждом из них отражались: лица, предметы, события.

Но если раньше в этом месте был лишь гаснущий свет разрушающегося «Я», то теперь здесь ощущалось ещё чьё-то присутствие.

Что-то пришло извне. Притянулось на звон опустошающегося сосуда.

Стало заполнять собой эту звенящую пустоту.

* * *

Эклипсо молча наблюдала за Айзеком, сидя возле тлеющих углей. Раны демона были обработаны, и теперь его тело мирно покоилось на шкурах. Всё, что зависело от них, было сделано. Теперь оставалось только ждать.

Она прислушалась к своим ощущениям, но вновь не нашла там каких-либо признаков ненависти или чего-то подобного. Не было у неё и желания отомстить. Можно было бы подумать, что она простила Айзека. Но дело было в том, что погружившись глубже в себя, без эмоций, она осознала, что прощать его, в общем-то, было и не за что. Потому что не за что было и обвинять его в чём-либо.

Разве не глупо обвинять пса за то, что тот исполняет команду своего хозяина? Разве не глупо обвинять молот в руках Стража?

Если и был кто-то, заслуживающий её мщения, так это тот, кто отдавал приказы, а не исполнитель.

Быть может она просто пыталась найти оправдание для Айзека, даже после всего

услышанного тогда в пещере. А быть может никакого оправдания и не требовалось.

«Простил бы его мой отец?», — думала она. «Простил бы меня за все эти мысли?».

«Стал бы он вообще кого-либо обвинять?».

Арексис всё ещё была без сознания, и лежала у стены шатра, укрытая плотной тканью. По заверению Ахтас, такое состояние было обычным делом, особенно после такого сложного ритуала, и вскоре целительница должна была прийти в себя.

Эклипсо повертела в руке, уже вымытый и очищенный, нож, а затем отложила его в сторону. Её глаза невольно начали смыкаться. Усталость в конце-концов взяла своё, и она погрузилась в глубокий сон.

Ей снилось её озеро. Такое родное, и такое далёкое. Тёплое, обволакивающее, тихое. Как обычно, раскинув руки, она лежала спиной на его поверхности, погрузив уши в воду, убаюкиваемая пением подводной тишины.

* * *

Когда она вновь открыла глаза, то сперва решила, что всё ещё находится в царстве сновидений. Айзек сидел на полу, спиной к ней, в своей обычной позе для медитаций. Даже по самым благоприятным расчётам он едва ли смог бы очнуться так быстро, поэтому она слегка тряхнула головой, пытаясь развеять сон. Однако это была реальность.

Неужели она проспала настолько долго?

Арексис всё ещё тихо посапывала на том же месте, а Ахтас в шатре не оказалось. Должно быть она занялась уничтожением крыльев. Целительница настойчиво, несколько раз перед началом ритуала, упоминала о том, чтобы сжечь их, отдавая тем самым дань духам, которые помогут в исцелении. Эклипсо не возражала, только не ради каких-то там духов, а ради элементарной гигиены.

— Айзек? — произнесла Эклипсо, не вставая с места.

Айзек молчал, хотя движение головы, чуть склонившейся набок, выдало его бодрствующее состояние.

— Как ты себя чувствуешь? — продолжила Эклипсо. — Ты слишком рано встал, раны ещё свежи.

— Айзека больше нет, Эклипсо, — ответил Айзек.

Суккуб вздохнула:

— Айзек, послушай. Я знаю, насколько дороги были крылья для тебя. Но это ведь не они делали тебя тем, кто ты есть. И их отсутствие тоже не сделало тебя кем-то другим.

— Дело не в этом, Эклипсо, — спокойно ответил Айзек. — Крылья, или их отсутствие, беспокоили Айзека, но не меня.

— Но, кто же ты тогда? — вновь устало вздохнула Эклипсо, понимая, что его трудно будет вытащить из этого состояния. — Кто, по-твоему, находится здесь, если не Айзек?

— Я... не знаю, — произнёс Айзек, после небольшой паузы.

Затем он поднялся на ноги и развернулся лицом к суккубу. Его левый глаз был всё тем же, демоническим глазом. Чёрным, с яркой, сияющей синим свечением, радужкой. Но правый его глаз был теперь полностью чернее ночи. Словно бездна.

— Никто... Я никто.

Глава 13: Никто

— Что же такого в демонах, что так привлекает твоё внимание, Арексис?

Голос демона звучал тихо и спокойно. Хоть он и был безэмоциональным, но из него исходила какая-то такая спокойная и умиротворяющая глубина, что он вовсе не казался монотонным из-за этого.

— В детстве я часто слушала разговоры у костра. О демонах, парящих в ночном небе. Освещаемые лунным светом, летающие среди звёзд.

— Твой детский разум слишком приукрасил всё это, ты же понимаешь это сейчас?

— Понимаю, — ответила Арексис. — И тем не менее... разве не прекрасно повстречать то, о чём так часто слышала в детстве?

— Наверное, — произнёс демон.

Они сидели на шкурах, возле широкой, каменной чаши, в которой потрескивали угли. Помимо этого в шатре не было никакого другого источника освещения, но это и не требовалось: ни для слепой целительницы, ни для существа, прекрасно видящего сквозь пелену тьмы.

— В твоём детстве... о чём ты мечтал? О чём вы разговаривали у костра?

— Тот, кто раньше владел этим телом, не помнил своего детства, — ответил демон. — И хоть я и храню его память, в ней нет ничего, связанного с детскими мечтами.

— Каким он был, тот демон, чью память ты хранишь?

— Думаю, для каждого он был разным. В памяти каждого из встреченных им существ он сохранился по разному. Тебе следует задать вопрос точнее, Арексис.

— Что он любил, больше всего на свете?

— Летать, — не задумываясь, ответил на это демон. — Но это была иллюзия. На самом деле, подсознательно, он просто пытался найти свои ответы.

— С помощью полётов?

— Да, с их помощью.

«Истинная» улыбнулась каким-то своим, мечтательным, мыслям.

— Хотела бы я, хоть раз, пронестись среди облаков.

— Тогда отринь всё лишнее, и слушай. Окружающий мир исчезает. Остаётся только мой голос... Слушай... Ощущай этот мир.

На мгновение он замолчал, оставив в сумрачной тишине лишь звуки потрескивающих сухоцветов, отдающих в окружающее пространство свой цветочно-древесный аромат.

— Ты сидишь на вершине холма. Чувствуешь, как лёгкий ветерок касается твоей кожи.

— Ты мечтательно смотришь на небо. В нём плывут облака. Далёкие, густые.

— Слегка поведя плечами, ты чувствуешь тяжесть своих крыльев... Но это приятная тяжесть, ведь ты знаешь, что в воздухе они будут ощущаться легче пёрышка.

— Тебе непреодолимо хочется в небо. Хочется лететь среди облаков.

— Ты не спеша поднимаешься на ноги и расправляешь свои крылья. Ты подставляешь лицо тёплым лучам.

— Толчок ногами, взмах. Ещё один. И ещё. Твои ноги легко отрываются от земли.

— Ты устремляешься вверх. Ты слышишь хлопки своих крыльев.

— Ветер, треплющий твои волосы.

— Потоки воздуха, скользящие по твоей коже.

— Взмах крыльев. Ещё и ещё.

— И вот ты уже здесь. Ты паришь в облаках. Ты пролетаешь сквозь них. Ты видишь горизонт. Ты видишь землю внизу.

— Ветер свистит в ушах.

— Ещё один взмах. И ещё один. Ты поднимаешься выше. Поднимаешься над облаками.

— Здесь, наверху, так тихо. Так спокойно. Ты уже не замечаешь шум ветра.

— Ты отпускаешь себя. Отпускаешь своё тело. Ты отдаёшься потоку, уносящему тебя вдаль.

— Пора возвращаться, и ты решаешь сделать это как можно более запоминающимся образом.

— Ты складываешь за спиной свои крылья, и камнем падаешь вниз.

— Ветер снова врывается в твою тишину... с новой силой. Подбадривая тебя, смеясь вместе с тобой.

— Вместе с ветром вы прорезаете пелену облаков, продолжая свободное падение.

— Ты снова видишь землю, стремительно приближающуюся.

— Твоё сердце вырывается из груди... земля всё ближе и ближе. Крик ветра всё громче и громче.

— Твоё сердце замирает... У самой земли ты резко расправляешь крылья, рискуя вырвать их из суставов.

— Но твоё мастерство позволяет тебе совершить невероятное. Время останавливается. Извернувшись в воздухе, ты скользишь над землёй, чувствуя, как завихрения поднимают пыль и песок.

— Время вновь потихоньку возобновляет свой ход.

— Твоё сердце вновь начинает биться. Легко, медленно, спокойно.

— Ты замедляешься, и плавно опускаешься на землю.

— На твоём обветренном лице сияющая улыбка.

— Этот полёт был прекрасен.

— Ты чувствуешь слёзы на своих щеках.

— Слёзы счастья.

Ощущая слёзы на своих щеках, Арексис ещё долго сидела неподвижно, не замечая улыбку на своём лице.

Демон хранил молчание, давая ей возможность воспроизвести полученные ощущения вновь и вновь. Давая ей возможность сполна насладиться послевкусием её первого полёта.

* * *

Эклипсо смотрела на звёзды. Наплевав на все предосторожности, она хотела побыть на воздухе, поэтому, с помощью Ахтас и накидки, незамеченно проскользнула в ночи, найдя тихое местечко недалеко от поселения. Тихий холм, где она могла бы свободно подышать, и обдумать дальнейшее. Или, быть может, наоборот для того, чтобы не думать ни о чём.

Сумрак шатров почему-то тяготил её. Она буквально задыхалась, находясь там.

Действие стимулятора уже явно ослабевало, и, возможно, такое её состояние возникло из-за побочных эффектов, о которых Айзек не успел, или не захотел, ей рассказать.

Айзек. Никто. Демон. Что это вообще теперь было за существо? Теперь она знала, что всё не так просто, и, по всей вероятности, это и правда больше не Айзек. Но кто это был? Что это было?

И если разум Айзека на самом деле исчез, расколовшись и растворившись в пустоте, и

оставив после себя только пустую оболочку, то... горевала ли она об этом? Ведь они были знакомы с ним не так уж и долго, не так уж и близко... Или всё же, близко, хоть и не долго?

«Брось обманывать себя, сестрёнка. Нам обеим грустно. Ты же знаешь это, в глубине души».

«Даже несмотря на всю эту историю, связанную с ним и нашим отцом?».

«Даже несмотря на это».

«Быть может за это короткое время мы настолько успели привязаться к нему, что просто пытаемся теперь найти повод ненавидеть его?».

«Чтобы не горевать об утрате?».

«Да».

«Отец. Мирада. Теперь Айзек».

«Мы справимся, сестрёнка. Мы справимся».

Ахтас молча наблюдала за суккубом, которая сидела на земле, поджав колени к груди и обхватив ноги руками. Мысли «истинной» путались и перемешивались. Желание обнять и погладить грустное существо перед ней, сменялось желанием перерезать этому существу глотку прямо здесь и сейчас.

«Истинная» не могла понять свои чувства в этот момент. Она понимала лишь то, что в последние дни с ней, и вокруг неё, происходят какие-то странные вещи.

— Почему вы называете себя «истинными», — вдруг нарушила ход её мыслей суккуб.

— Мы были здесь, когда небеса были другими, — начала Ахтас явно заученный текст. — Мы были здесь, когда пришли другие. Мы будем здесь, когда другие уйдут. Мы были, и будем, всегда. Истинные дети пустошей.

— Ясно, — вздохнула Эклипсо. — А сама-то ты как думаешь? Именно ты, Ахтас, а не твои шаманы. Почему — «истинные»?

— Понятия не имею, — чуть замешкавшись, всё же ответила Ахтас.

Суккуб улыбнулась этому внезапному порыву откровенности из уст «истинной», на самом деле понятия не имевшей, почему она «истинная». Это давало надежду, что перед ней существо, способное мыслить гибко, даже несмотря на тот мусор, который с самого детства вкладывался в её голову местными проповедниками.

Суккуб вдруг поняла, что ненавидит фанатизм, в любых его проявлениях. Фанатичная вера. Фанатичная преданность. Фанатичная... ненависть. Фанатичное «что бы там ни было».

Даже фанатичная любовь была отвратительна по своей сути, искажённая своей фанатичностью.

* * *

Вокруг шатра собралась толпа «истинных». Они ничего не требовали, ничего не кричали, ничего не провозглашали. Они просто молча стояли и наблюдали за шатром, в котором скрылся Старейшина.

— Ты, называющий себя, Никто, — Старейшина произнёс имя существа с ударением на первый слог. — Ты говоришь странные вещи.

В помещении, кроме Старейшины, суккуба и демона, присутствовали ещё Ахтас, Зар и Арексис. Все они, некоторое время назад, уже более-менее пришли в себя, и поэтому начали задавать самим себе вполне очевидные вопросы.

«Кто эти двое, и какая сила заставляла так оберегать и опекать их всё это время?».

Только, разве что, Арексис не задавала себе подобных вопросов, поскольку с самого начала влияние суккуба на неё практически не подействовало, и всё, что она делала,

делалось ею совершенно осознанно и добровольно.

Брахта предпочёл остаться снаружи, у входа в шатёр. Хоть «истинный» и не подавал виду, но внутренне он просто опасался снова попасть под чары Эклипсо. Впрочем, действие стимулятора уже закончилось, и ментальные возможности суккуба вернулись к своему первоначальному состоянию, не давая ей больше возможности так легко манипулировать живыми существами. Хотя, бесследно всё же полученные знания не исчезли. Она приобрела бесценный опыт, став чуточку мудрей, и взрослей. Теперь оставалось только закрепить и сохранить эти знания... оставшись в живых.

— Он говорит правду, отец, — произнесла Арексис. — И это лишь подтверждает тот факт, что это сами духи пустошей вели их сквозь бурю, чтобы они попали сюда невредимыми. Чтобы сама Пустошь смогла материализоваться в теле умирающего демона.

— Хватит, сестра! Эти двое просто использовали на нас какое-то своё колдовство! — гневно вмешалась Ахтас. — Заставив нас, словно тряпичных кукол, плясать под свою дудку.

Эклипсо молчала, давая «истинным» возможность выговориться. Любые её слова опровержения всё равно звучали бы сейчас, как попытка оправдаться, и только укрепили бы уверенность Ахтас в своей правоте.

— Как уже и говорил, я не знаю, «кто» я. Не знаю, «что» я, — голос демона, как обычно, звучал спокойно и глубоко, практически не выражая каких-либо эмоций. — Поэтому слова Арексис могут нести зерно истины так же, как и слова Ахтас.

Старейшина молчал, внимательно разглядывая демона, словно пытаясь понять, насколько искренними могут быть его слова. Затем он перевёл взгляд на суккуба.

— Ты хранишь молчание всё это время, — обратился он к Эклипсо. — Неужели тебе нечего сказать? То, что ты применяла на нас какие-то чары — это теперь и так очевидно. Но меня интересует другое, какова цель всего этого? Зачем вы здесь?

— Чтобы спастись, — просто ответила Эйко.

— Нам нужна была помощь, — продолжила Эклипсо. — Мы умирали в пустошах. И твои дети спасли нас, приведя сюда.

— Чепуха! — воскликнула Ахтас. — Эти дни были, словно в бреду.

Зар мягко коснулся её плеча успокаивающим жестом, но Ахтас сбросила его руку:

— Лучше бы ты не останавливал меня тогда, в пещере!

Однако она всё же замолчала.

— Мы никогда раньше не встречали подобных вам, живую, — задумчиво пожевав нижнюю губу, произнёс Старейшина. — Как вы оказались в этих краях?

— Мы искали новый дом, — ответила Эйко.

— Что же случилось с вашим старым домом? — спросил старец.

— Он перестал им быть, — сказала Эклипсо, спокойно глядя старику в глаза.

Некоторое время Старейшина что-то молча обдумывал, а затем произнёс:

— Я вижу, что вы всё же не хотите говорить откровенно. Всё, что я пока вижу, это ваши манипуляции и колдовские уловки. Вы отправитесь в яму, пока я не придумаю, что делать с вами дальше.

— Отец! — воскликнула Арексис. — Ты совершаешь ошибку! Они ведь не сделали нам ничего плохого. Они ведь и правда просто нуждались в помощи.

— Я всё сказал! — резко отрезал старец. — Или ты сомневаешься в моих решениях, дочь моя?

— Нет, отец, — склонила голову Арексис. — Решения Старейшины неоспоримы.

* * *

В любой момент она могла исчезнуть, уйти в иллюзорный мир, сил у неё для этого было достаточно. Но пока что её жизни ничего не угрожало, поэтому она решила подыграть «истинным», и посмотреть, что вообще из этого всего получится.

Но если бы она была уж совсем откровенна сама с собой с тот момент, то признала бы, что просто боится остаться совсем одна. Совершенно одна, в своём иллюзорном мире, не понимая, что делать, и куда двигаться дальше.

Яма была тёмной, прохладной, но, по крайней мере, сухой. Время от времени Эйко замечала любопытные лица, мелькающие вверху, над решёткой. Любопытные глаза, тайком, жадно пытающиеся разглядеть диковинных существ во мраке. Тихо перешёптывающиеся голоса. Изредка звучал громкий голос стражника, отгоняющий любопытствующих сородичей.

— Так ты говоришь... и Ахтас, и Арексис, имеют зерно истины в своих словах? — в голосе Эйко слышались усиливающиеся нотки гнева и обиды.

Она стояла напротив Никто, облокотившись плечом о каменную стену ямы, и скрестив руки на груди. Демон сидел в позе лотоса и смотрел на неё спокойными, разноцветными, глазами.

— Я слышу беспокойство и гнев в твоих словах, — произнёс демон. — Но это не связано с заточением. Отчего ты гневаешься?

Это было произнесено таким спокойным и меланхоличным тоном, что Эклипсо чуть не поперхнулась от возмущения.

Да, она и правда «гневалась», как выразился демон. Она почувствовала прилив ярости, обиды и негодования. Она буквально чувствовала себя преданной.

— Айзек такого никогда бы не сказал, — выпалила она. — Он всегда был на моей стороне. Тем более, оказавшись среди чужаков.

— Ты говоришь так уверенно, словно хорошо знала его, — ответил демон.

— Да, я знала его достаточно, чтобы быть уверенной в этом, — раздражённо бросила Эйко.

— Но ведь это правда, что ты манипулировала сознанием этих существ. Разве Старейшина не прав в своём утверждении?

— Какая разница, что правда, а что нет? — её голос дрожал. — Какая разница, кто прав, а кто не прав? Важно то, на что ты готов пойти ради своих близких. И Айзек это прекрасно понимал... В отличии от тебя.

— Я понимаю твою печаль. Она связана с утратой, — сказал демон своим спокойным голосом. — Именно это и является истинной причиной твоего гнева. Твоей яростной грусти.

В тесном пространстве ямы возникла тягучая тишина. Суккуб села на холодную землю и облокотилась спиной о камни.

— У меня есть доступ к его памяти, Эклипсо. Если хочешь, я могу рассказать что-нибудь, о чём он не говорил тебе. О чём не успел. Или не захотел. Но ты должна помнить, что это всего лишь память, что я лишь озвучиваю её. Что я, не он.

Суккуб молчала. Терять близких ей уже осточертело. Но происходящее сейчас выходило уже за все рамки. Одно дело, когда кто-то просто уходит, просто исчезает из твоей жизни. И другое дело, когда ты постоянно видишь перед собой ушедшего, разговариваешь с ним, но с ужасом понимаешь, что на самом деле это уже не он, и никогда им не будет.

— О чём он думал, в свои последние мгновения? — внезапно спросила Эклипсо тихим

ГОЛОСОМ.

— О том, что так и не нашёл своих ответов, — отозвался Никто. — Это немног печалило его.

Глава 14: Судьба

— Там немного, но я постараюсь принести побольше в следующий раз, — голос Арексис звучал виноватыми нотками, проникая сквозь решётку наверху.

Она спустила на верёвке маленькую корзинку, доверху наполненную кусочками сухого, засоленного мяса и лепешками.

— Там в мешочке сбор трав, — вновь раздался её голос. — Они помогут вам справиться с ночным холодом и жаждой.

— Спасибо тебе, Арексис, — произнёс Никто. — Ты очень добра, этой еды нам вполне хватит.

«Услышав» улыбку демона, Арексис улыбнулась ему в ответ, и скрылась из видимости.

«Эклипсо, сестрёнка, это что я сейчас ощущаю, укол ревности?».

«Ох, прекрати, Эйко», — закатила глаза Эклипсо.

— Скучаешь за вином, Эйко? — вдруг спросил Никто, протягивая ей корзинку.

— Не отказалась бы сейчас, — ответила Эйко, охотно принимая ёмкость с едой.

* * *

Наверху, в ночном, решётчатом небе, изредка падали звёзды. Однако ни демон, ни суккуб не загадывали желаний, потому что не были знакомы с этой приметой.

Вечером к ним приходила Ахтас. Она лишь молча наблюдала за ними сверху некоторое время, сверкая глазами и покусывая нижнюю губу, совсем как отец. А затем так же молча удалилась, не произнеся ни слова.

Откуда-то издали доносились тихие звуки струнного инструмента. Суккуб не могла объяснить почему, но ей казалось, что эта мелодия отлично подходила под эту пустынную, песчаную местность. Словно была создана пустыней.

Никто сидел с прикрытыми глазами, и чуть покачивался в такт мелодии.

* * *

— Во что ты играешь, Айзек? — Эклипсо пристально смотрела на демона, обхватив свои плечи руками.

Утренне солнце ещё не успело нагреть окружающий мир, потому в яме было ещё довольно прохладно.

— Я ни во что не играю, Эклипсо, — ответил демон. — И Айзека здесь давно уже нет.

Суккуб нахмурилась, но всё же старалась сохранять спокойный голос, который этим утром то и дело почему-то пытался сорваться на повышенные тона:

— Зачем ты играешь в добрячка?

— Что ты хочешь сказать этим, Эклипсо? Я не понимаю тебя, — ответил ей, как обычно, безэмоциональный, тихий голос.

— То, что ты задумал в своей демонической голове что-то, и теперь разыгрываешь перед окружающими какой-то спектакль, — ответила Эйко. — Только меня посвятить в свой план ты не посчитал нужным.

— Так что же огорчает тебя? То, что ты не посвящена в детали этой игры? Или непосредственно сам факт этой игры?

— И то, и другое, — вздохнула суккуб. — Пройдя через столько вместе... Ты хоть понимаешь, что я спасла твою жизнь?

— Ты спасла это тело. Да, понимаю.

— Айзек, хватит.

— Мне жаль, Эклипсо, — произнёс Никто. — Действительно жаль. Но никаких игр нет. Это противоречит моей природе, хоть я до сих пор и не знаю «кто я».

— И что, когда они решат принести нас в жертву, или ещё что-нибудь взбредёт в их головы, ты просто так позволишь им сделать это? Ты даже не будешь сопротивляться?

Демон молчал.

— Молчишь? Нечего ответить на это? — продолжала Эйко. — А как же эта слепая целительница? Что если они решат, что она слишком привязалась к незнакомцам, и тоже заслуживает наказания?

— Эмоции захватили твой разум, Эклипсо, — ответил Никто. — Что сказал бы отец, глядя на тебя сейчас?

Суккубу на мгновение показалось, что ей удалось пробить эту стену спокойствия, и демон наконец выразил хоть какое-то подобие жизни. Показалось, что ей удалось зацепить его. Что перед ней вновь оказался Айзек, способный на сарказм.

Но это конечно же было иллюзией. При упоминании отца её глаза полыхнули, и всё, что она приписывала демону, было лишь отражением её собственного внутреннего состояния. В то время, как Никто оставался всё таким же безучастным и отстранённым, как и прежде, проявляя абсолютное безразличие ко всем внешним нападениям на свой разум.

Эклипсо вдруг на секунду задумалась:

«И правда, что сказал бы отец по поводу всего этого?».

Этой секунды вполне хватило, чтобы она пришла в себя и успокоилась.

Отец вряд ли ответил бы прямо на её вопрос. Вместо этого он направил бы её к верному решению с помощью встречного, наводящего вопроса, тем самым заставляя её разум самому прийти к правильному ответу.

Она неосознанно улыбнулась:

«Да, а ещё этот наводящий вопрос наверняка сопровождался бы каким-нибудь визуальным эффектом».

Эти воспоминания помогли ей вновь обрести спокойствие своего духа.

— Я уже не знаю, кто мои союзники, а кто мои враги, Никто, — произнесла она, спокойно глядя на демона. — Поэтому мне нужно понять, могу ли я рассчитывать на твою помощь, если потребуется.

— Конечно, Эклипсо, — кивнул Никто. — Кто угодно может рассчитывать на мою помощь.

Эйко шумно вздохнула, понимая, что своих ответов на этот раз вновь не получит.

* * *

Арексис не видела приближение своей сестры, но у неё были другие методы, чтобы «обозревать» окружающий мир, поэтому она первая поприветствовала её.

Её мир состоял из звуков, запахов, прикосновений и тонких вибраций. Она не могла видеть облака в небе, но зато она могла «видеть» внутреннее состояние существа, находящегося рядом с ней. И физическое, и моральное.

Не отвлекаемая внешней оболочкой, она «видела» самую суть.

Запах Ахтас источал агрессию и возбуждённое состояние сознания. И в то же время, стук её шагов выдавал неуверенность и сомнения, обуревающие её разум.

— Я вижу ты нашла себе новых друзей, сестра, — произнесла Ахтас. — Не стоит слишком привязываться к ним. Их судьба предрешена, ты же знаешь.

— Только мы сами вершители своей судьбы, сестра, — улыбнувшись, ответила Арексис. — Ты же знаешь.

Ахтас лишь фыркнула, но без злобы. Она любила свою сестру, даже несмотря на то, что их взгляды порой расходились.

— Эта луноокая ведьма, — поёжилась Ахтас, и сплюнула. — До сих пор не могу понять, как этой суке удалось обвести меня вокруг пальца своими чарами. Постоянно вижу перед собой этот её взгляд.

— И что же заставляет тебя постоянно думать о ней? — спросила Арексис.

— В смысле? — удивилась воинствующая «истинная». — Что ты хочешь этим сказать?

Арексис не ответила, лишь вновь улыбнувшись.

* * *

Перекатиполо задумчиво и неспешно вращалось по пыльной поверхности пустоши. Увлекаемое ветром, оно совершенно не задавалось вопросами: «куда?» и «зачем»? Оно просто катилось туда, куда направлял его воздушный поток.

И в нём, в этом сухом растении, не было: ни сомнений, ни тревог, ни печалей.

И не было у него: ни начальной точки маршрута, ни конечной.

У этого перекатиполо было лишь движение.

Из ниоткуда, в никуда.

По крайней мере, в это оно истинно верило, пока в конечном итоге не угодило в костёр.

— Мы приходим из пепла, и возвращаемся в него, — раздавался тихий голос у ночного костра. — Мы возрождаемся вновь и вновь, чтобы в итоге снова раствориться в пустоте.

— Тогда получается, что есть только пустота, иногда принимающая разные формы? Но зачем?

— Кто его знает, — ответил голос. — Быть может для того, чтобы почувствовать себя наполненной. А быть может для того, чтобы чувствовать хоть что-то.

— Ей наверное очень грустно и одиноко?

— Вряд ли. Для того, чтобы чувствовать грусть и одиночество, нужно быть «чем-то», или «кем-то». В то время как пустота — ничто и никто. Ведь по сути даже её самой просто нет.

— Ничего не понятно, — послышался вздох.

— Некоторые вещи не понять разумом, — ответил голос. — Их можно только ощутить, почувствовать.

* * *

Никто улыбнулся, ощутив лёгкий ветерок на своей коже.

Эйко это даже удивило, ведь за столькое время, с тех пор как демон пришёл в себя, он впервые выразил какую-то эмоцию. Впервые улыбнулся.

— За нами пришли, — произнёс он спокойным голосом.

Эклипсо не успела ещё задать вопрос, когда и сама услышала шаги и звук открывающейся решётки. А затем кто-то спустил вниз верёвку, с завязанными по всей длине узлами.

Взволнованный шёпот Арексис раздавался едва заметно в ночной тиши:

— Скорей, у нас мало времени.

Каменные стены ямы были довольно рельефными и бугристыми, поэтому подтягиваться по верёвке одними руками было довольно легко, цепляясь копытами об уступы. Наверное, при большом желании, выбраться наружу можно было бы и без верёвки. Если бы не решётка

и охрана, поджидающие в конце этого восхождения.

Впрочем привычной охраны наверху не оказалось. Единственный охранник мирно посапывал, сидя на земле и облокотившись о наполненные чем-то мешки. Его неестественная поза выдавала то обстоятельство, что провалился в сон он вовсе не по своей воле.

— Ты навлекаешь на себя гнев сородичей, помогая нам, Арексис, — тихо произнёс Никто, взяв её за плечи и заглянув в пустые глазницы. — Твоя жертва бесценна.

— Как-нибудь переживу я этот их гнев, — слабо улыбнулась в ответ «истинная».

— Спасибо тебе, — произнесла Эклипсо.

В ответ Арексис кивнула ей, продолжая улыбаться. Это выглядело немного странно, потому что своими пустыми глазницами она смотрела прямо в глаза суккубу, как будто была вполне зрячей.

— Возьмите накидки, — произнесла она наконец. — Они помогут укрыться в тени. А в сумке немного провизии, воды и трав.

Обернувшись в грубую ткань и накинув капюшоны, они выдвинулись к краю поселения, прячась в тенях и скрываясь от посторонних глаз.

Добравшись до тихого холма, где Эклипсо уже бывала ранее, они остановились. За их спинами горели редкие огни ночного селения, а лёгкий ветерок развеивал ткань накидок.

— Вот и всё, — произнесла Арексис задумчиво. — Пора прощаться.

— Разве ты не хочешь уйти с нами? — удивилась Эклипсо. — Тебя ведь наверняка заподозрят в первую очередь.

— Конечно хочу! — удивилась Арексис в ответ. — Я имела в виду, что хочу попрощаться с местом, в котором выросла, а не с вами.

Суккуб молча наблюдала за тем, как «истинная» так же молча наблюдала невидящим взглядом за своим поселением. Она повела головой, вдыхая воздух. Затем наклонилась и потёрла в руке горсть песчаной земли.

Эклипсо могла только догадываться, что двигало этим существом, решившим покинуть свой родной дом с совершенно незнакомыми существами, по сути, пришедшими из другого мира. Впрочем, в своё время Эклипсо тоже с лёгкостью покинула город, жалея лишь об утраченном относительном комфорте, который он давал. Взамен высасывая душу.

— Ну вот, — наконец произнесла Арексис. — Теперь я готова двигаться дальше.

— Не торопись, сестра, — раздалось из темноты.

Ахтас, Зар и ещё несколько «истинных» появились словно из ниоткуда, обступив их со всех сторон. Как бы не был остр слух незрячей целительницы, даже ей всё же не удалось заметить преследователей. Ведь для них эти места тоже были родным домом, они знали здесь каждый уголок, и поэтому могли перемещаться бесшумно и незаметно.

Никто, Эклипсо и Арексис, как-то совершенно спонтанно и естественно, даже не договариваясь, встали спинами друг к другу. Словно путешествовали вместе уже давным давно. Словно уже давным давно привыкли к подобным ситуациям.

— Сестра, брат. Зачем вам я? — прозвучал в повисшей тишине голос Арексис. — Зачем вам они?

— Ты серьёзно, Арексис? — ответила Ахтас. — Ты серьёзно хотела сбежать с этими чужаками, а теперь задаёшь вопрос: «зачем»?

— Разве не имеет она свободы выбора? — раздался спокойный голос Никто. — Разве не только ей одной решать, с кем уходить, а с кем оставаться?

— О нет, нет, нет, — покачала головой Ахтас. — Заткнись, пожалуйста, потому что снова поддаваться под ваши колдовские трюки я не намерена. Произнесёшь ещё хоть слово, и я разнесу твою рогатую башку.

Для пущей убедительности она положила свою ладонь на рукоять длинного ножа на поясе, и добавила, мельком взглянув на суккуба:

— Твою синекожую подружку это тоже касается.

— Зар, мой брат, — обратилась Арексис к тёмной фигуре. — В тебе всегда звучал голос разума. Ты всегда способен был мыслить спокойно и глубоко. Неужели ты тоже согласен со всем, что происходит сейчас?

Фигура хранила молчание, но Эклипсо готова была поклясться, что Зар в этот момент сосредоточенно покусывал нижнюю губу. Привычка, так свойственная всему этому семейству, кроме, разве что, целительницы — «белой вороны» в этом гнезде.

— Арексис, сестра моя, — в голосе Ахтас наконец промелькнули тёплые нотки. — Всё зашло ещё не слишком далеко. Отцу придётся наказать тебя за твой проступок, без сомнения. Но... мы с братьями убедим его быть милосердной. Пожалуйста, оставь эту глупую затею. Отойди от них.

— Милосердной?! — вдруг громко воскликнула Арексис. — И чего же я лишусь на этот раз? Своих ушей? Своих рук?

На мгновение лицо Ахтас перекопилось гримасой боли и горести, но затем вновь приняло решительное выражение. Она выхватила нож из ножен, и медленно двинулась вперёд, готовая выхватить сестру из объятий чужаков.

Круг вокруг троицы беглецов начал неспешно сужаться, и суккуб, хранившая всё это время молчание, наконец не выдержала:

— Так, хватит этой чепухи!

Она схватила кончик хвоста демона и рассекла им свою ладонь, только недавно успевшую полностью зажить. Вновь выпуская наружу частичку накопленных жизненных сил, она начала произносить нужные слова, искрящиеся в ночном воздухе.

Поняв, что происходит, Никто сбросил свою накидку и швырнул её в ближайшего «истинного», подошедшего уже слишком близко. Нападавший запутался в этой ткани и замешкался всего лишь на несколько секунд, но этого времени вполне хватило, чтобы Эклипсо завершила ритуал. Демон сгрёб в охапку Эклипсо и Арексис, и втроём они провалились в разверзнувшуюся под их ногами бездну портала.

* * *

— Здесь так тихо и спокойно, — раздался в пустоте голос Арексис. — Как будто под водой.

— Да, как будто под водой, — ответила Эклипсо.

«Истинная» впервые в жизни находилась вне пространства и времени, в прямом смысле слова. Она испытывала восторг. Здесь не нужны были органы чувств, ограниченные физическим телом, и поэтому она чувствовала себя полноценной, а не калекой с провалами пустых глазниц.

— Хочется остаться здесь навсегда, — продолжала «истинная». — Раствориться в «ничто». Но мы не можем, да? Не сейчас?

— Да, Арексис, — ответил Никто. — Здесь мы остаться не можем.

— Как жаль, — вздохнул бестелесный голос Арексис.

В этом месте их голоса звучали монотонно и глухо, словно угасающее эхо.

— Нам нужно вернуться, Эклипсо, — вновь прозвучал голос Никто. — Мы должны помочь им.

— Даже несмотря на то, что они хотели сделать с нами?

— Даже несмотря на это, — ответил он. — Они просто неразумные дети, чуть не совершившие ошибку. Познавая мир, дети часто ошибаются. Таков процесс познания.

— Преодолевая свои ошибки, обучаясь на них, двигаясь дальше и дальше, несмотря ни на что, — произнесла суккуб.

— Да, именно так.

— Вернувшись, тебе вновь придётся сражаться со своими братьями, — голос Эклипсо затухал.

— Они никогда не были братьями Айзеку, — затухал в ответ голос Никто. — Не являются они братьями и мне тоже.

— Да поможет нам Пустошь, — произнесла Арексис, увидев наконец то, о чём говорили её новые друзья в пустоте.

В пустоте, в которой изредка всё же мелькали искрящиеся силуэты прошлого и будущего, сплетаясь с настоящим, и вновь растворяясь в бездне.

Глава 15: Свои

Полотно желтовато-оранжевого неба рассекали тёмно-красные силуэты. Несколько десятков хищных птиц — незваных гостей в этом небе. В этом чужом для них, небе.

Но для Стражей не существовало своего или чужого. Для них было важно настигнуть свою жертву, где бы то ни было, хоть в чужих небесах, хоть в других мирах. Едва только вынырнув из открывшихся порталов, они устремились к поселению, не мешкая ни секунды, словно зная заранее, куда двигаться.

«Истинные» не были готовы к такому. Да, бывало они враждовали между собой, между поселениями, устраивая набеги друг на друга. Нападая на караваны в пустошах. Выясняя, чьи ножи острее, чья поступь незаметнее в ночной тиши. Чья кровь красней.

Но они впервые столкнулись с угрозой с неба, и поэтому были застигнуты врасплох.

Длинные ножи «истинных» были остры настолько, что с лёгкостью разделяли кости и сухожилия, но они оказались мало эффективны против молотов, несущихся сверху на большой скорости.

Демоны не сдерживали смеха. Они веселились, на лету дробя спины и головы. Беспомощность их жертв не вызывала жалости, а напротив, лишь раззадоривала.

Некоторые «истинные» всё же сумели сохранить хладнокровие и не поддаются панике. Они не убегали от преследователей, тем самым подставляя под удар свои спины. Вместо этого, они встречали крылатых бестий лицом к лицу, уворачиваясь от взмахов орудий, дробящих кости. Иногда им даже удавалось задевать ножами жёсткую, демоническую плоть.

Но всё же этого было мало. Преимущество, которое давали крылья, было слишком велико.

Это была настоящая бойня, и Молоты Правосудия украсили песчаную поверхность кровавыми узорами.

* * *

Небольшой портал, открывшийся на краю поселения, и выпустивший наружу троицу беглецов, остался незамеченным в окружающей суматохе.

Арексис и Эклипсо укрылись в гряде хлама, подготавливая ритуал, и наблюдая за обстановкой вокруг. А Никто, тем временем, искал глазами подходящий, блестящий предмет, коим оказался окровавленный нож, брошенный на земле своим бывшим хозяином, бездыханно валяющимся рядом.

Никто подобрал нож и вытер его о свои одежды. Накануне лезвие было хорошо отполировано, и поэтому отлично подходило для целей демона. Быстрыми шагами он добрался до ближайшей возвышенности, и высоко поднял над головой руку, сжимающую нож.

Можно было бы ещё и кричать при этом, чтобы привлечь больше внимания к себе, однако Никто предпочёл просто направлять, отраженные от лезвия, солнечные лучи в сторону мелькающих в небе силуэтов.

Это принесло свои плоды, и вскоре он был наконец замечен. Несколько Стражей отделились от основной массы, и устремились в его сторону. Затем и другие начали присоединяться к потоку.

Никто выбросил, теперь уже бесполезный для него, нож, и со всех ног принялся бежать в сторону пустошей, отдаляясь от поселения.

Конечно же это было бесполезно, крылатые Стражи настигли его довольно скоро, но демону и не требовалось убегать далеко. Ему требовалось лишь собрать как можно большее количество демонов вокруг себя.

Оглянувшись, и убедившись, что основная часть отряда следует за ним, он остановился наконец, и, как ни в чём не бывало, уселся на землю. В привычную уже позу.

Молоты Правосудия медленно, даже как-то вальяжно, опустились на землю, и обступили демона. Они ошибочно предположили, что их жертва отдаётся на волю судьбе, поэтому уже не торопились. К тому же, их жажда крови уже вдоволь была насыщена недавней «охотой».

Но было и ещё нечто, что заставляло их медлить. Как бы там ни было, всё же перед ними был демон, когда-то бывший для некоторых из них «своим». Когда-то давным-давно, когда он летал вместе с ними, сея «порядок» и «справедливость», с помощью хаоса и ужаса.

Молот Правосудия — переставший быть им. Отказавшийся быть им.

Айзек даже узнал бы некоторых из них, поэтому и Никто узнал их тоже. Но некоторые были ему уже не знакомы. Молодая кровь.

— Видеть тебя... «таким», отвратительно, — произнёс один из Стражей. — Но ты сам выбрал свой путь, свою судьбу. «Низший».

Никто молчал, внимательно глядя на Стробоса, и едва заметно улыбаясь. Затем, продолжая хранить молчание, он поднял ладонь и прикрыл ею свой левый глаз, оставляя на виду только правый, полностью чёрный.

— На самом деле, Айзек никогда и не считал себя одним из вас, — наконец ответил Никто. — Но ты прав насчёт выбора своего пути, Стробос. У каждого он свой.

Он опустил ладонь, вновь обнажая свой демонический глаз.

— Каков твой путь, Стробос? Какова твоя судьба?

Стробос не успел ответить. Впрочем, он и не собирался что-либо отвечать. Да и вообще, вступать в дискуссию с бескрылым «низшим» у него совершенно не было желания.

Земля под всеми ними разошлась, и их буквально затянуло внутрь искрящегося портала.

Этот план был довольно рискованный, и предстояла ещё вторая его часть — вытащить Никто обратно. Поэтому, отдышавшись, суккуб продолжила ритуал. Арексис помогала ей при этом, как могла. Большим пальцем, она провела над верхней губой Эклипсо, оставляя на её коже полоску красноватого порошка. Его пары позволяли суккубу сохранять ясность ума, несмотря на усталость и головокружение, вследствие огромного напряжения и концентрации.

Стражи, вместе с Никто, были перемещены Эклипсо в давно уже знакомое ей место. В пустоту между мирами, иллюзорными и настоящими. Это было временное решение, она не могла задержать их там навечно, и однажды они всё равно смогли бы найти выход оттуда. Но к этому моменту «истинные» уже были бы готовы. И они с Никто намеревались помочь им в этом.

У Никто были какие-то свои, неведомые суккубу, мотивы. А сама она просто испытывала небольшое чувство вины перед «истинными», как бы странно это не звучало. Ведь это именно благодаря её ритуалам, открывающим порталы, Стражи в итоге нашли их местоположение. В этом не было никаких сомнений.

Конечно, ей пришлось воспользоваться ритуалом как раз по той причине, что «истинные» сами угрожали её жизни и здоровью. Поэтому какой-то особой вины за ней и не было.

Чувство вины — чаще всего его испытывает тот, кто как раз вовсе и не виновен. В силу своего воспитания, быть может.

Эклипсо всё время продолжала удерживать ментальную связь с Никто, даже когда он оказался по ту сторону портала. Это требовало невероятных усилий, поэтому она не видела уже ничего вокруг себя, сконцентрировав всё внимание на ритуале.

Она не видела, как двое Стражей всё же остались в «этом мире». Увлечённые бойней, они не последовали за остальным отрядом. Находясь в состоянии кровавого угара, они свободно перемещались по земле, не используя крылья, и кроша всё, что попадалось под руку.

Ахтас, одна из тех, кто с самого начала сумели сохранить хладнокровие, заметила странное скопление демонов в одном месте. Заметила их исчезновение в портале. Даже на таком расстоянии она видела, что демоны исчезали в пасти портала вовсе не добровольно.

«Истинная» поняла, что теперь Стражей осталось всего двое. Поняли это и находившиеся рядом с ней сородичи.

Только вот сами Стражи не поняли этого, не успели понять. За что и поплатились.

Понемногу начинающие приходить в себя, «истинные» легко окружили демонов. И когда, наконец опомнившись, они решили снова подняться в воздух, было уже поздно.

Запутанные в тряпичном хламе и верёвках, они потеряли драгоценные секунды, и навсегда остались на земле. «Истинные» не торопились, поэтому крики демонов ещё долго разлетались по округе.

Вначале это были крики, полные негодования и агрессии.

Затем они сменились криками отчаяния и боли.

Уцелевшие «истинные» сполна отплатили незваным гостям.

* * *

В воздухе запахло озоном. Затем раздался треск и из маленького портала, открывшегося на некотором расстоянии от земли, выпало тело демона. Он едва успел сгруппироваться, но всё же хорошенько приложился грудной клеткой к песчаной поверхности, сбив дыхание.

Тряхнув головой, Никто шумно выдохнул и поднялся на ноги, осматриваясь по сторонам.

Нить, за которой он следовал в пустоте, привела его в нужное место. Впрочем он и не сомневался в способностях суккуба.

Он нашёл её недалеко от места своего появления. Она находилась без сознания, и её глаза беспокойно бегали под веками. Арексис держала голову Эклипсо на коленях, чуть покачиваясь и напевая тихую мелодию себе под нос, пытаясь успокоить суккуба.

Это место было укрыто холмами и валунами, поэтому пока что они были скрыты от глаз «истинных». Впрочем скрываться от них постоянно и не входило в планы Никто. Сейчас нужно было лишь обезопасить Арексис и Эклипсо от находящихся под влиянием сильных эмоций, обитателей этих мест. А затем наладить контакт с ними.

— Ты жив! — обрадованно воскликнула Арексис, почувствовав Никто. — Получилось.

— Получилось, — кивнул Никто, тронув затылок «истинной», словно поглаживая.

Он присел на корточки и накрыл ладонью беспокойные веки суккуба.

— Твоя нить направляла меня, — тихо произнёс Никто, — в тумане безмятежности. Пусть теперь и моя нить направляет тебя, в тумане безумия.

* * *

Эклипсо бежала в темноте, царапаясь плечами о сухие деревья. Она держала за руку

Эйко. Они обе боялись потерять друг друга в этом непроглядном лесу. Боялись потерять самих себя.

— Эйко!? — крикнула Эклипсо, обнаружив, что её ладонь больше не сжимает ладонь сестры. — Эйко!

— Где ты!? — кричала Эйко, не ощущая больше руку сестры.

Эйко натыкалась на колючие ветви, едва успевая уворачиваться и сохранять глаза. Сестры нигде не было видно. Она даже больше не ощущала её. Она была одна в этой чаще.

Где-то недалеко сверкнул огонёк костра. Он словно сам собой притягивал её.

Суккуб лишь моргнула, и вот она уже сидела возле пламени. Напротив неё располагалась до боли знакомая ей статуя. Та самая, которая была во многих помещениях города. Та самая, которая брала свою «плату» вовсе не деньгами.

— Давно не виделись, Эйко, — янтарные глаза сверлили суккуба. — Ты просрочила оплату уже несколько раз. Где твоя ладонь? Где твоя плоть?

Эйко инстинктивно дёрнулась и спрятала руку за спину. Совсем по-детски. Она прекрасно помнила последний раз, в номере отеля. Она прекрасно помнила каждый раз, когда этот ужасный алтарь получал свою плату. Каменная голова на кубе. Грубо обработанный янтарь в глазницах. Зияющая пасть. Выворачивающее наизнанку сумасшествие.

— Нет, — замотала она головой. — Нет, нет, нет. Я уже давно не житель города. Я ничего тебе больше не должна.

— О! — хихикнул алтарь. — Во все не обязательно быть горожанином, чтобы нести свою повинность. Или ты забыла, где вообще находишься?

Хохот эхом разнёсся по тёмной чаще, криками воронья.

— Я прекрасно помню, где нахожусь, — насупилась Эйко, сдерживая слёзы. — Каждую секунду этот мир огня и пепла напоминает об этом.

— «Я прекрасно помню...», — отвратительно коверкая и передразнивая её голос, ответил алтарь. — Как ты можешь хоть что-то помнить, Эйко? Ты ведь даже не настоящая.

— Я..., - запнулась Эйко. — Я настоящая. Я живая.

— А-ха, ха, ха, ха! — заливисто рассмеялся алтарь. — Ты прекрасно знаешь, что это не так. Ты всего лишь фантом воспалённого сознания Эклипсо, вот и всё.

— Нет!

— Да! Ты всего лишь часть её личности, которую она всегда боялась в себе осознать. Всегда боялась принять. Оно и понятно, как можно принять себя похотливой шлюхой? Отец бы такого явно не одобрил, а?

Слёзы брызнули из глаз Эйко:

— Замолчи! Ты понятия не имеешь...

— О, я как раз прекрасно «имею понятие», о чём говорю. Эклипсо просто не смогла смириться, что часть её сознания любит вино и разгульную жизнь. Не смогла смириться, что просто любит скакать на членах за деньги. Что получает удовольствие от этого совершенно искренне. Впрочем, разве можно обвинять суккуба в любви ко всему этому?

— Заткнись!

— Поэтому и появилась ты, Эйко. Мусорный бак, в который Эклипсо слила свою тёмную сущность, пытаясь спрятать её от себя и отца. Знаешь, что я думаю? Думаю Эклипсо с превеликим удовольствием избавилась бы от тебя, если бы у неё появилась такая возможность.

* * *

— От кого ты бежишь, Эклипсо? В этом лесу все твои друзья.

Суккуб сидела на берегу озера, освещаемого луной. Рядом с ней сидела тень её отца. Даже сквозь лесную тьму было заметно, что эта тень полностью накрывает Эклипсо.

— Я не знаю, — ответила она. — Здесь как-то жутко. Не спокойно.

— Это всего лишь твоя усталость. Накопившийся, лишний груз.

— Да, я так устала за это время. Я так хочу просто спокойствия. Просто...

— Просто убрать ненужное, вот что, — перебил её голос. — Тебе нужно избавиться от ненужного. Отсечь от себя.

— Но... это ведь часть меня самой. Как ни крути.

Тень фыркнула:

— Отвратительная часть тебя. Тебе самой не противно?

— Я...

— Лично мне противно, — тень не давала Эклипсо вставить и слова. — Отвратительно осознавать, кем является твоя дочь. Разве этому я учил тебя? Разве для этого я пожертвовал всем!?

Эклипсо всхлипнула.

— Позорище! — продолжала тень. — Какое же ты позорище!

* * *

Золотистая, длинная змейка, ползла по ночной тьме. Она изредка останавливалась, приподымала свою маленькую мордочку, и ощупывала воздух своим раздвоенным язычком.

Она уже напала на след, и теперь уверенно ускорила к своей цели.

* * *

— Давай сюда свою ладонь, долбаная шлюха! — тихо шептал алтарь. — Я не отпущу тебя без платы.

Эйко, заливаясь слезами, скрутилась на земле в позе эмбриона.

— Я обещаю, что буду пережевывать твою похотливую плоть как можно медленней. Чтобы насладиться тобой сполна. Ты же любишь доставлять наслаждение, а? В конце концов, разве не это твоё предназначение?

* * *

— Посмотри на себя, посмотри на своё отражение! — кричала тень. — Даже чистые воды этого чудного озера презирают тебя. Им отвратно ощущать на себе это твоё отражение.

Эклипсо молча смотрела на суккуба, смотрящую на неё из зеркальной глади. Слёзы на её щеках давно высохли, и больше просто не выделялись.

— Утопи эту тварь, дочь моя! Избавь меня от этого чёрного пятна! Избавься от неё! Милосердное озеро примет её, несмотря на отвращение!

* * *

Ладонь Эйко хрустела в пасти алтаря. Сил на крик от боли уже не было, поэтому она тихо завывала, стоя на коленях перед статуей, и скармливая ей саму себя.

При появлении маленькой змеи, покрытой золотистыми чешуйками, алтарь лишь возмущённо фыркнул, но продолжил своё занятие, чавкая и тараща янтарные глаза.

— Эйко, — раздался спокойный, глубокий голос змеи. — Ты вольна делать то, что считаешь нужным. Вольна делать то, что считаешь правильным.

Змейка приподнялась и прислонила свою мордочку прямо к уху суккуба:

— Никто не в праве осуждать тебя. Ни в этом мире, ни в других.

Раздвоенный язычок коснулся кожи Эйко:

— Всё, что ты видишь здесь. Всё, что ощущаешь здесь. Всё это лишь иллюзия.

Алтарь, добравшийся уже до локтя суккуба, издал чавкающий смешок.

— Твои слёзы, твоя боль, твои кошмары. Оставь их здесь, во тьме этого леса. Пусть пожирают сами себя, — продолжала змейка.

— Я..., - Эйко с трудом выдавливала слова, сквозь боль. — Я не могу. Оно держит меня. Так крепко.

— Прикоснись ко мне, Эйко, — лился спокойный голос у её уха. — Следуй за этой нитью. Она выведет тебя к тебе самой.

Свободной, дрожащей рукой, суккуб прикоснулась к змейке, ощущая прохладную, твёрдую кожу.

— Крепче, Эйко, — продолжал голос. — Держись крепче.

Остатки её плоти остались в пасти алтаря, но ей было уже всё равно.

* * *

Эклипсо видела пузырьки воздуха, суетливо устремляющиеся вверх. Тень крепко удерживала её голову под водой, поэтому силы постепенно начинали оставлять суккуба.

Сквозь толщу воды голос тени звучал отдалённо и приглушено.

— Так или иначе, но ты избавишься от неё! Я избавлю тебя от неё! Даже если тебе самой придётся захлебнуться до смерти.

— «Захлебнуться до смерти»! А-ха, ха, ха, ха!

Голова гудела, лёгкие разрывались, но краем глаза Эклипсо всё же заметила какой-то золотистый отблеск. Затем она ощутила прикосновение чего-то мягкого и тонкого к своему уху.

— Кто в праве решать твою судьбу, кроме тебя самой, Эклипсо? — раздался голос в голове. — Кто в праве решать за тебя, с кем тебе быть, а с кем нет?

Суккуб удивлённо нахмурилась. Она хотела было что-то ответить, но вода сразу же наполнила её рот, а затем и лёгкие. Эклипсо ощутила приступ кашля, разрывающий всё внутри.

— Кто в праве создавать условия иллюзорного мира, кроме его создателя? — продолжал голос змейки.

— Кто это там, дочь моя? — грохотал голос тени. — Один из твоих клиентов? Или одна из твоих блядских сестёр?

— Твой отец, Эклипсо, разве он был таким? — спокойно произнесла змейка. — Разве он позволил бы себе такое обращение с тобой?

Какие-то струнки затронулись этими словами в душе Эклипсо.

— Прикоснись ко мне, Эклипсо, — голос затихал. — Следуй за направляющей нитью.

Суккуб вслепую нащупала рукой нитевидное тело змейки, извивающейся рядом с ней.

— Мрак пусть остаётся во мраке. Держись крепко, Эклипсо.

* * *

Оставив боль, страх, и липкий мрак ночного леса позади, сёстры неслись навстречу свету, крепко ухватившись за золотистую нить. Они ощущали радостное спокойствие, вновь найдя друг друга в этом безумии.

* * *

— Что это было? — голова Эклипсо всё ещё гудела, но главное, что она пришла в себя.

— Отряд Стражей привнёс слишком большую концентрацию негативной энергии в твой

иллюзорный мир, — ответил Никто. — Поэтому ты чуть не поддавалась, чуть не утонула, в своих собственных страхах.

— Чуть не утонула, — задумчиво повторила Эйко.

— Твои переживания беспочвенны, Эйко, — произнёс Никто, в очередной раз заставив сестёр удивиться тому, как легко ему удавалось различать их. — Эклипсо никогда не сделала бы этого с тобой, даже если бы могла.

Сёстры молчали. Впрочем, что можно было ответить на нечто подобное?

— Мои братья и сёстры полны ненависти теперь, — нарушила тишину Арексис, уводя разговор в другое русло. — Теперь нам очень трудно будет достучаться до них.

— У нас нет другого выхода, Арексис, — ответил Никто. — Если мы не подготовим их к следующему налёту, они погибнут. А этот налёт неизбежно будет, Стражи не отступят.

— Почему ты так переживаешь о жизнях тех, кто хотел тебя убить? — спросила «истинная», и сёстры молчаливо поддержали этот вопрос.

— Я вовсе не переживаю о них, Арексис. К тому же, убивать они вовсе не хотели. Ваш народ убивает вынужденно, а демоны убивают ради развлечения.

* * *

Зар стоял на «вышке» и смотрел вдаль. Если раньше задачей дозорного являлось изучение горизонта, то сейчас «истинный» пытливо всматривался в облачную даль неба. Его плечо ещё кровоточило временами, но кости были целы, и это было самое главное.

«Истинные» не знали, что делать дальше, что делать в случае нового нападения. Пока они лишь делали то, что могли. То, что позволяли их знания. А знали они о Стражах ровным счётом ничего.

Некоторые были уверены в том, что нужно уходить в другое место. Другие, даже несмотря на кочевой образ жизни, настаивали на том, что нельзя покидать это место, уже ставшее для них домом. Оно и правда было довольно удобным, с нескольких сторон скрытое валунами от ветров и бурь.

Зар думал о своей слепой сестре. С грустью размышлял о её последних словах, обращённых в его сторону. О его молчании в ответ.

Где она была теперь? В каких мирах?

Он вздохнул и собирался уже было смениться на своём посту, когда заметил что-то вдали. Сперва он подумал, что усталость от бессонницы уже пробуждает галлюцинации в голове. Однако, всё же присмотревшись повнимательней, Зар почувствовал холодок, пробежавший по телу.

«Неужели опять?», — подумал он, глядя на тёмно-красную фигуру вдалеке, одиноко стоящую посреди пустошей, и совершенно не пытающуюся скрыть своё присутствие. «Так скоро, без всякой передышки».

Он всегда знал, что новая встреча с крылатыми убийцами неизбежна. Всегда чувствовал, что это вновь произойдёт однажды. Но он не думал, что это произойдёт настолько быстро. Надеялся, что судьба отдалит эту встречу.

Совладав с собой, он решительно схватил длинное, костяное устройство, и затрубил тревогу.

Это окончательно выветрило из его головы все сомнения и волнения, оставив лишь холодную решимость.

* * *

Услышав звуки тревожных труб, раздающиеся из поселения, Никто приподнял голову, и

втянул тёплый воздух, широко раздвинув ноздри. Теперь сама Пустошь должна была решить дальнейшую судьбу существ, оказавшихся вместе в этом месте. В этом времени и пространстве.

Глава 16: Договор

Здесь не пахло серой. Воздух был тёплый, глубокий. В нём чувствовались нотки редких, пустынных растений, пыли, сомнений и недоверия. На открытом пространстве, посреди пустоши, это ощущалось особенно отчётливо.

Разговаривали только двое. Окруженные десятком «истинных», они сидели друг напротив друга, прямо на песке. Один, в своей привычной позе, словно древняя статуя безразличного умиротворения. Или, умиротворённого безразличия. Второй сидел на небольшом камне, словно пытаясь возвышаться над собеседником.

Обманчивое это было безразличие, или напускное? Второй участник беседы не мог понять этого, даже с высоты своего камня.

Старейшине не нравилось, когда он чего-то не понимал. Это дезориентировало его сознание, которое пыталось найти ответ. Это привносило элемент неопределённости в его, сформировавшийся долгими годами, догматический мозг. И хоть он и не подавал виду внешне, внутри Старейшину окутывала тревога, совершенно недостойная, по его мнению, главы поселения.

— Что же мешает мне прямо сейчас забрать твою жизнь? — его голос был спокоен, контролируемый внутренней выдержкой. — Ты лишён крыльев, позволивших бы тебе взмыть в небо. Ты лишён возможности бежать, или диктовать условия.

При упоминании крыльев Айзек несомненно пришёл бы в бешенство, и возможно именно на это и был расчёт «истинного». Однако для Никто их отсутствие не представляло какой-либо проблемы. Поэтому ни один мускул на его лице не дрогнул, даже ради усмешки.

— Тебе мешает здравый смысл, — ответил он Старейшине своим глубоким, и одновременно с этим, безразличным голосом. — Разве появился бы я здесь добровольно, если бы опасался за жизнедеятельность этого тела?

— Именно это и странно, — ответил «истинный», решив применить ту же тактику, что и его оппонент, открыто выражая свои мысли. — Твоё появление выглядит западнёй и какой-то уловкой. То, что ты задумал на самом деле, мне пока неизвестно. И находиться в этом неведении не доставляет никакого удовольствия: ни мне, ни моим близким.

«Да, вырывать глаза своим близким доставляет тебе больше удовольствия, это уж точно», — сказал бы Айзек на это, если бы присутствовал во время этого диалога.

Он сказал бы это вовсе не из сентиментальности или сострадания к чьим-то увечьям. Скорее просто ради развлечения. Ради шуток.

— Я лишь хочу помочь тебе, и твоему народу, — произнёс Никто. — И взамен я хочу получить вашу помощь.

Старейшина пожевал губу в задумчивости.

— Всегда что-то требуется взамен, — произнёс он наконец.

— Всегда, — кивнул Никто. — Даже огонь горит взамен на воздух и угли.

— Довольно странно, предлагать свою помощь в устранении проблемы, которую сперва сам же и создал, — ответил Старейшина. — Проблемы в поселении начались после твоего появления. Кровь и разрушение появились после твоего появления. И теперь ты предлагаешь свою помощь.

— Да, это верно, — легко согласился Никто. — Вместе со мной пришли беды в вашу размеренную жизнь. Более того, с моим уходом, они могут и исчезнуть, ведь демоны пришли

за мной, и до вас им нет никакого дела.

— Тогда я повторяю свой вопрос, — слегка повёл бровью Старейшина. — Что мешает мне убить тебя прямо сейчас, тем самым устранив главную причину всех своих бед?

— Как уже и говорил, тебе мешает здравый смысл. То, что в данный момент демонов интересую только я, совершенно не означает, что в дальнейшем они не заинтересуются вами. Новый вид существ, о котором мало кто из них когда-либо слышал, разве они не захотят узнать о вас получше, когда расправятся со мной? Это уже всего лишь вопрос времени.

— Племена всегда враждуют друг с другом, — возразил Старейшина. — Мы не боимся незваных гостей — это и так является нашей повседневностью.

— Я охотно верю в ваше бесстрашие, — пожал плечами Никто. — Но чем оно поможет вам, когда вы столкнётесь с неизвестностью? Оно поможет вам лишь бесстрашно умереть. Я знаю, что многие из вас не боятся смерти, но это ведь совершенно не означает, что вы намеренно ищете её.

Ахтас задумчиво смотрела на демона, внимательно вслушиваясь в разговор. Даже несмотря на свой взрывной характер, она сама убедила отца вначале выяснить, чего хочет незваный гость, чем удивила своего брата. Зар, всегда рассудительный и привыкший вначале планировать свои действия, не ожидал от сестры подхода к делу с холодной головой.

Впрочем, причиной такого здравомыслия Ахтас послужил вид портала, засасывающего демонов. Учитывая, что после этого Никто вновь появился, как ни в чём не бывало, осторожность заставляла задуматься и отнестись к происходящему более внимательней. При других обстоятельствах, она просто доверилась бы своему горячему сердцу, идя напролом и круша всё вокруг.

— Нападение с неба было внезапным, мы были не готовы к такому, — медленно произнёс Старейшина. — Но теперь всё иначе, теперь мы готовы. Так зачем тогда нам твоя помощь? К тому же, вполне возможно твоя помощь — всего лишь попытка выведать наши слабости. Всего лишь попытка втереться в доверие, чтобы затем загнать нож в спину.

— Я ценю твою откровенность, — ответил Никто. — Да, в моих истинных мотивах ты не можешь быть уверенным. Скажу тебе больше, ты даже не догадываешься о них. Но суть в том, что какими бы ни были мои истинные мотивы, уничтожение твоего народа в них не предполагается. Что касается моей помощи, то вы конечно же можете отказаться от неё, попытаться убить меня прямо здесь, и после этого ждать неизвестности, бессонными ночами.

Старейшина не любил неизвестности, поэтому решил всё же хотя бы выслушать, в чём именно заключается помощь демона. И самое главное, что он хотел получить взамен?

* * *

Приготовления шли полным ходом. «Истинные» всё ещё с опаской поглядывали на Никто, но исходящее от него спокойствие и безразличие, в конце концов заставило их подавить смятение внутри их горячих сердец. Даже несмотря на то, что внешне он был похож на тех, кто недавно сеяли разрушение и смерть в их поселении. И дело было даже не в отсутствии у него крыльев. Дело было в чём-то другом, внутреннем и необъяснимом.

Арексис и Эклипсо тоже свободно находились среди «истинных», это было частью договора. Шаткого, сомнительного, но всё же договора. Старейшина дал слово, что его дочь не будет подвержена наказанию за свой поступок. А Никто подкрепил это слово мягким напоминанием о том, что последствия нарушения договора могут быть непредсказуемыми и

печальными для обеих сторон.

Впрочем, большинство сородичей и не выказывало какой-либо агрессии в сторону Арексис. А Зар и Ахтас так тем более были рады увидеть сестру живой и невредимой. Быть может нависшая над всеми ними угроза способствовала этому, не давая предрассудкам овладеть разумом, и ценить своих близких, несмотря на всевозможные разногласия.

Никто объяснял «истинным» тактику демонов. Их слабые и сильные места. Главной задачей было заманить их на землю, потому что в воздухе они были неуязвимы. Но, находясь в воздухе, демоны тоже не могли добраться до своей цели, лишённые оружия дальнего действия.

— Как можно дольше удерживать их на земле, — звучал голос Никто, отбиваясь от стен шатра. — Не давая им возможности маневрировать на лету. Вот основная задача.

— Но как это сделать? — подала голос Ахтас. — Не будем же мы держать их голыми руками?

— Это и не нужно, — отозвался Зар. — Нужно использовать сети и что-то... хм... Крюки! Мы можем использовать крюки.

— Какие ещё крюки? — удивлённо вскинул бровь Брахта.

— Да любые, — ответил Зар с горящими глазами, полными энтузиазма. — Мы можем сделать крюки из подков. Это не займёт много времени.

— Это может сработать, — кивнула Ахтас.

Задумчиво пожевав губу, Брахта всё же промолчал, не желая озвучивать свои сомнения по этому поводу.

— Сколько времени это займёт? — спросил Никто.

— Несколько десятков «истинных» вполне справятся за одну ночь, — ответил Зар.

Никто кивнул, и продолжил делиться своими знаниями с «истинными», жадно, словно губка, впитывавшими новую информацию.

* * *

— Я всё ещё не понимаю, почему бы нам просто не уйти? — тихо произнесла суккуб, глядя на демона.

Они сидели вдвоём возле одного из дальних шатров, вдалеке от суеты, возникшей в поселении в связи с приготовлениями к будущей схватке.

— Ведь Стражи всё равно следуют за нами, и если тебя так волнуют жизни этих существ, то это было бы самым простым способом избавиться их от всего этого.

— Стражи следуют за нами, но «истинных» они уже тоже не оставят в покое, — ответил Никто. — К тому же, разве тебе самой не надоело постоянно убегать? Куда ты бежишь? От чего?

Эклипсо промолчала. Она не знала, что ответить.

«Куда ты бежишь?», — ответа на этот вопрос у неё не было.

Хотя, она вдруг вспомнила слова отца. Вспомнила, зачем он вообще затеял всё это.

— Я хочу убежать отсюда. Я хочу покинуть Ад.

— Куда бы ты не пришла, Ад всё равно останется внутри тебя, — пожал плечами Никто. — Изменятся лишь внешние декорации.

Суккуб вздохнула. Может она и правда была всего лишь частью этого мира? Сломанным винтиком в этой машине, да. Но всё же, адским винтиком, а не каким-нибудь другим.

— Многие бегут куда-то вдаль, — произнёс Никто, словно услышав её внутренний диалог с самой собой. — Ищут ответов за горизонтом. Но все их ответы находятся внутри

них самих.

— Похоже на банальщину, — снова вздохнув, ответила суккуб.

— Потому что мы сами усложняем себе поиски ответов и решений, — парировал Никто. — В то время, как истинные ответы просты и банальны.

Позади них раздался негромкий кашель. Арексис стояла в нерешительности, словно смущённая тем, что нечаянно подслушала их разговор.

— Вот вы где, — наконец произнесла она. — Я искала вас повсюду, думала... думала, что вы всё же решили уйти.

— Мы бы не ушли, не предложив тебе уйти с нами, — улыбнулся Никто.

— Помнишь, я говорила, что можно сделать кое-что с твоим рогом? — в голосе Арексис слышалось облегчение. — Вот.

Она подошла к ним, и протянула руки, сжимающие что-то, похожее на стальной наконечник копья, только изогнутый. Его поверхность была матовая, тёмно-серая, с белыми прожилками, создающими причудливые узоры.

— Этот материал очень лёгкий, практически невесомый, — продолжила Арексис. — И в то же время, очень крепкий.

Никто принял дар «истинной», и с любопытством начал осматривать его.

— Очень красиво, — вновь улыбнулся он. — Спасибо, Арексис.

— Это ещё не всё, — взволнованно ответила Арексис, опасаясь того, что он не правильно понял её. — Один из наших кузнецов заверил, что сможет соединить его с костью. Я видела его работы, он настоящий мастер своего дела. У него уже всё готово!

Она так воодушевлённо рассказывала всё это, словно ребёнок, искренне радующийся чему-то прекрасному, что Эйко даже почувствовала укол ревности.

— Ну что же, — ответил Никто, подымаясь на ноги. — Раз у кузнеца всё готово, тогда вперёд.

— Я, пожалуй, посижу здесь ещё немного, — произнесла Эклипсо.

— Уверена? — внимательно взглянул на неё демон.

— Да, хочу посмотреть на свой «внутренний горизонт», — улыбнулась суккуб.

* * *

— Вот, полюбуйся-ка! Лучше, чем родной!

Не вынимая курительную трубку изо рта, старый кузнец протянул демону зеркало — отполированное до блеска, стальное блюдо.

— Хм... — протянул Никто. — И правда, рука мастера.

Изогнутый, стальной наконечник соединялся с обломком его рога таким причудливым образом, словно изначально всегда и был там.

— Ну ещё бы, — горделиво хмыкнул кузнец, подбоченившись и растянувшись в довольной улыбке. Костяная трубка при этом выпустила клубки ароматного дымка.

Полное погружение в дело всей его жизни, не оставляло в душе места для предубеждений и предрассудков. Поэтому он смотрел на окружающий мир, что называется: «в моменте». Совершенно не интересуясь: прошлым, будущим, политикой, и прочей чепухой, лишь отвлекающей его от любимого дела.

— Можно попробовать? — произнесла Арексис.

Лишённая глаз, она способна была воспринимать красоту окружающего мира с помощью других частей тела, в том числе и ладоней.

— Конечно, — отозвался Никто.

Её рука осторожно скользнула по стальной поверхности, а затем опустилась на роговистую часть. Улыбаясь, она ощупывала пальцами каждую грань, каждый изгиб.

— Как красиво, — наконец произнесла она.

* * *

— Несмотря на договор, это довольно необдуманно, сидеть здесь одной, — раздался голос Ахтас позади суккуба.

— Что же такого может произойти? — не оборачиваясь, произнесла она.

— Всё, что угодно, — ответила «истинная». — Тебя опасаются конечно. Но кто его знает, что может взбрести в голову какому-нибудь из моих сородичей.

— А что в твоей голове? — спросила Эклипсо.

— Если ты опять собралась играть в свои игры, то предупреждаю, не нужно, — напряглась Ахтас.

— Никаких игр, Ахтас, — улыбнулась суккуб. — Обещаю.

Она вдруг обернулась, и приподняла руку в приглашающем жесте:

— Посиди со мной немного.

Ахтас слегка нахмурила брови, но, пожевав губу, приняла какое-то решение в своей голове, и присела рядом с суккубом.

— Говорят, если последовать за упавшей звездой, прямо за горизонт, то можно успеть найти её там. Прямо за горизонтом, — произнесла Эклипсо, глядя на звёздное небо.

— Существа в этом мире много чего говорят, — хмыкнула Ахтас. — Только редко это является правдой.

— Что правда, то правда, — вздохнула Эклипсо. — У тебя есть мечта, Ахтас?

«Истинная» задумалась на мгновение, и поэтому ответила не сразу:

— Не знаю. Как-то не задумывалась об этом.

— Может, самое время задуматься? — ответила суккуб.

Ахтас промолчала. Они сидели рядом, и смотрели на звёзды. Разговаривать не хотелось, и в общем-то, им это было уже и ни к чему.

* * *

Старейшина молча разглядывал красные, раскалённые угольки в жаровне. Он сидел наедине с самим собой, размышляя о случившемся. Ему не давал покоя этот договор с демоном. Ему не давало покоя чувство сгущающихся, незримых туч над его небом.

Оставить проступок, да ещё и такой серьёзный, без надлежащего наказания — это никак не могло вписаться в его книгу бытия.

«Как теперь воспримут это остальные?», — думал он.

Даже если никто не подал виду, занятый своими делами перед неизбежной битвой, в глубине душе у каждого из них всё равно отложилось это. Осознание того, что неотвратимого наказания можно избежать.

«Немыслимо!», — отзывалось эхо в голове. «Недопустимо!».

Старейшина всегда гордился тем, что может неуклонно следовать традициям и ритуалам. Что может беспристрастно выносить решение, даже если это касалось его собственных детей.

Он не считал себя жестоким, и наказание собственной дочери не приносило ему радости. Но перед древними законами все должны были быть равны, каким бы суровым ни было наказание.

Старейшина боялся публично проявить слабость. А это условие договора как раз и было

этим проявлением. И остальные «истинные» несомненно заметили это, он был убеждён в этом. И ещё он был убеждён, что теперь кто-нибудь несомненно вспомнит об этом в дальнейшем.

«Как я теперь смогу выносить справедливый приговор?», — разрывалось его сознание. «Теперь любой сможет упрекнуть меня в том, что однажды я проявил слабость, и закрыл глаза на проступок дочери. Закрыл глаза на традиции».

Он зажмурился и обхватил голову руками.

«Глупец! Какой же ты глупец! Как можно было поддаться на сладкие речи этого чужеземца».

* * *

Чтобы не ждать неизвестности, решено было самим выманить демонов. Очередного вторжения всё равно было не избежать, но так они хотя бы сами диктовали условия игры, начав битву при свете дня.

Суккуб открыла небольшой портал. Лишь на мгновение, словно маяк, подсвечивающий Стражам точку выхода из иллюзорного мира, в котором они блуждали всё это время, в поисках выхода. Конечно же, вскоре они и сами нашли бы выход, без её помощи. Но это могло произойти посреди глубокой ночи, и тогда вести сражение с ними было бы довольно трудно.

Один за другим, они вырвались наружу из открывшихся порталов. Но на этот раз они не спешили, вместо этого кружа в небе и осматривая поселение сверху.

Рогатые головы двух своих неудачливых собратьев, насаженные на шесты, они заметили довольно скоро. Кровь в их жилах забурлила, но они всё же пытались сохранять хладнокровие, прекрасно понимая, что это какая-то западня.

Сверху поселение казалось покинутым, в округе не было ни души. Не было видно даже животных, которых «истинные» использовали для своих хозяйственных нужд.

Сохраняя осторожность, Стражи вынуждены были спуститься на землю, и осмотреть поселение более подробно.

Стробос задрал голову и вдохнул тёплый воздух.

— Неужели ты и правда думал, будто мы будем заглядывать в шатры? — громко произнёс он. — Неужели ты настолько низкого мнения о нас, Айзек? Неужели думал, что мы клюнем на твою уловку?

— Айзек ничего уже не думает, — раздался голос где-то сбоку.

Стробос повернул голову в направлении этого голоса, и ухмыльнулся, взглянув на демона, стоящего поодаль с копьём в руке.

— Вижу, что ты уже чувствуешь себя как дома посреди всего этого примитивизма, «низший», — засмеялся Страж.

— У меня нет дома, — улыбнулся Никто, и махнул рукой.

Только сейчас Стробос обратил внимание на странные верёвки, протянутые от центрального «ветряка» в разные части поселения. Только сейчас он понял, что при первом посещении этого места эта деталь отсутствовала.

Но было уже поздно.

Несколько «истинных» быстро скользили по этим «нитям», уцепившись за них металлическими крюками и защищая тем самым свои ладони от трения. Вслед за каждым из них разматывалась паутинообразная сеть. Проёмы в ней были довольно крупными для того чтобы сдержать обычное существо, но этого размера всё же вполне хватало, чтобы запутать

размашистые крылья.

Осознав, что происходит, Стражи взмыли в воздух, в надежде ускользнуть из затягивающегося узла. Но все «истинные» уже достигли земли, начав надёжно закреплять концы сети на своих местах.

Получившаяся паутина конусом охватила довольно крупный участок поселения, похоронив под собой весь отряд Стражей. Однако они быстро пришли в себя и приготовились к атаке, ведь пространство под этой сетью позволяло достаточно легко маневрировать на лету.

Но теперь их ожидал другой сюрприз. Брахта и ещё трое «истинных», оставшихся на верхушке «ветряка», поочерёдно обрубали концы веревок, заставляя огромную «паутину» опуститься вниз, прижимая к земле крылатых созданий.

Сама по себе сеть была не такая уж и тяжёлая, но всё то тряпье, из которого она была сделана, не позволяло путающимся крыльям действовать свободно. Вынуждая демонов опускаться на землю вслед за опадающим, тряпичным куполом.

Остальные «истинные» появились словно из ниоткуда. Будучи мастерами маскировки и скрытного передвижения, они прятались прямо в хламе, разбросанном в поселении. А вовсе не в шатрах, как предположили Стражи.

Там, где сеть была задержана куполами шатров, было достаточно пространства для передвижения по земле, но недостаточно для полётов. Теперь «истинные» сражались с демонами практически на равных, всё ещё неся потери от их молотов, но всё же превосходя их количеством.

В тех местах, где сеть полностью опустилась до самой земли, некоторые из Стражей пытались протиснуться между звеньями веревок и тряпья, и вырваться наружу. Но лишённые крыльев хозяева этого дома были проворнее, и уже ждали их «на той стороне». Словно муравьи, облепившие запутавшихся в клейковине шершней, «истинные» медленно, но целеустремлённо убивали Стражей.

Среди этого муравьиного полчища был и Никто. В нём не было сожалений или каких-либо сдерживающих факторов. Ведь если даже для Айзека Стражи не являлись больше «своими», то для Никто тем более они были теперь лишь препятствием, лишь досадным раздражителем на его пути.

Но в то же время в нём не было и какой-либо животной радости от того, что происходило. Кровавой радости битвы, присущей существам, находившимся посреди рукопашной схватки.

Резко выдёргивая копьё из глазницы Стража, Никто ощущал лишь концентрацию и сосредоточенное безразличие, не более того.

Стробосу и ещё паре Стражей всё же удалось вырваться наружу. Окровавленные, измождённые, но не сломленные, они устремились к небесам. Но вслед за ними устремились крючковатые копыта, разрывающие плоть и застревающие в мышечных тканях.

Теперь глава отряда остался один. Он всё же смог возвыситься на достаточно безопасное расстояние, и завис в воздухе, тяжело дыша. Спокойно стоящую фигуру предателя он разобрал в толпе снизу довольно быстро. Ведь он считал Айзека никем иным, как именно предателем. В это время Никто тоже смотрел на Стробоса. С такого расстояния эмоций на его лице было не разобрать, но старый Страж почему-то был уверен, что Айзек улыбается.

Никто не улыбался. Он смотрел на далёкую, крылатую фигуру в небе со спокойной

задумчивостью.

Наконец Стробос произнёс тихие слова проклятий, перемешанных с клятвами мести, и скрылся в проёме портала, пока на это ещё хватало сил.

Ликующие возгласы «истинных» озарили всю пустошь, казалось, до самого горизонта.

Глава 17: Немезида

Красное зарево холмистого горизонта притягивало взгляд и убаюкивало. Даже несмотря на свои тревожные, алые оттенки. Ей нравилась эта тихая, безумная энергия. Ей нравилось ощущать этот контраст, особенно после слащавых, райских садов, полных лицемерия. Пепел, кружащий вокруг, хотя бы не пытался изображать, что делает это ей во благо. Пеплу было всё равно.

Переход прошёл мягко, впрочем, как и во все прошлые разы. В этом у райских жителей было преимущество перед своими соседями «снизу». По крайней мере у тех немногих жителей, которые знали о такой возможности.

Быть представителем «Света и Праведности» в тёмных уголках вселенной — это была великой честью, и вместе с этим, великим бременем. Для этого нужен был определённый склад ума, гибкий, и одновременно с этим, жёсткий. Пытливый, но и способный держать равновесие и баланс, чтобы не поддаваться искушениям, о которых нащёптывал пепел.

В давние времена, когда контакт ещё только налаживался, неумело и со множеством ошибок, тогда демоны пытались удерживать представителей Рая. Желая пытками и искушениями заставить их открыть дорогу на Небеса. К счастью для ангелов, их соседям это не удалось. Хотя, в этом не было их заслуги. Пребывая в этом месте, где алый горизонт отражался в чёрных глазах, даже ангелы легко попадали под влияние тёмных энергий. Вначале неуверенно, но потом, со всё большей жадностью впитывая в себя пепел котла.

Настоящая причина, по которой демонам не удалось проникнуть в Рай, крылась вовсе не в выдержке ангелов, а всего лишь в какой-то физической особенности перехода, не позволявшей существам из Ада пользоваться им. В то время, как для существ из Рая этот переход удавался легко и мягко.

Учёные и мыслители долго бились над этой загадкой, замучив и расчленив множество пришедших к ним с Небес «Представителей доброй воли». Но всё было безрезультатно, потому что ангелы и сами не знали ответа. Под дикими пытками, они давно уже раскрыли бы этот секрет, если бы знали его.

В какой-то момент ангелы просто перестали приходить в этот мир демонов, видимо, отказываясь жертвовать собой ради непонятно чего, и не видя смысла в этих попытках договориться с адскими жителями. И тогда были созданы Немезиды — существа, не имеющие физических тел, и поэтому необременённые оковами плоти. Чистый разум, перемещающийся свободно в пространстве между мирами.

Не каждый из ангелов способен был пойти на такую жертву, как уже и говорилось, для этого нужен был определённый склад ума. Но те немногие из них, кто соглашался на это, обретали практически безграничные возможности в посещении других миров, навсегда утратив при этом способность к каким-либо физическим наслаждениям, доступным в Раю и за его пределами. Они больше не способны были услышать запах виноградной лозы, но зато теперь они не опасались демонических существ, алчно жаждущих их в своих мирах.

Немезида собрала вокруг себя частички пепла, создав форму нагой, юной девушки. Она практически всегда представала в этой форме. Словно мраморная скульптура из античных времён.

Она стояла на балконе высокого здания, и смотрела на алый горизонт. Улыбка сама собой появлялась на её лице в такие моменты.

— Как обычно, без всякого приглашения, — раздался голос позади неё.

— Как обычно, — кивнула она, не оборачиваясь. Впрочем, для зрения глаза ей всё равно были не нужны.

Советник недовольно вздохнул. Старый демон не прощал и более безобидные вещи, превращая демонов, ниже по рангу, в безвольных «низших», а суккубов в живые, искалеченные статуи. Но в случае с Немезидой он был бессилён, даже при всём своём огромном желании.

— Ты зачастила к нам в гости в последнее время, — он уселся в плетёное кресло и шумно отхлебнул вина из каменного кубка в изящной огранке. — Может ты просто подсознательно ищешь наслаждений, недоступных у вас «там»?

Последнее слово он буквально выплюнул, выражая полнейшее презрение.

— Хотя, прости, я совсем забыл, без тела это вряд ли получится, — он откинул голову и захохотал во всё горло.

Пепельная скульптура повернула голову и чуть склонила её набок. Словно родитель, снисходительно взглянувший на глупо пошутившего ребёнка.

— Я слышана, что у вас тут произошли довольно интересные вещи за это время, прошедшее с моего последнего визита.

— У нас тут всегда что-то происходит, — махнул рукой демон. — Давай уже ближе к делу.

— Ты уже нашёл беглецов?

Демон сплюнул и недовольно скривился, словно вспомнив что-то болезненное.

— Эта парочка у меня уже поперёк горла. На кой хер они тебе вообще сдались? Я и так трачу на это всё много ресурсов.

— Стоит ли мне напоминать тебе о нашем уговоре, Советник? — мягкий голос Немезиды проникал в уши демона вместе с частичками пепла. — Стоил ли напоминать тебе о последствиях?

Демон молчал, испепеляя взглядом Немезиду, словно пытаясь прожечь в ней дыру.

— Я так и думала, — кивнула девушка. — Повторю свой вопрос, ты уже нашёл их местоположение?

— Мои Стражи нашли их, да, — выплюнул демон слова. — И этих аборигенов тоже.

— Эти «аборигены», милый мой рогатик, — произнесла Немезида, — сыграют ещё огромную роль в этой шахматной партии.

— Да, да, — фыркнул демон, и пригубил очередную порцию вина. — Только вот кто я в этой твоей партии? Хотелось бы знать.

— О, ты мой самый верный шахматный конь, — вместе со смешком, пепел разлетелся в пространстве, сорвавшись с пепельных губ скульптуры, а затем и вся она растворилась в воздухе, без всякого прощания.

— Сучка, — зло и тихо выругался демон, сверкнув глазами. — Я ещё найду способ добраться до тебя.

* * *

У неё оставалось мало времени, каждая вылазка в пространство Ада требовала больших затрат энергии. Поэтому, перед возвращением, Немезида решила потратить это время на «прогулку» по городу. Это доставляло ей удовольствие. Поначалу, в первое время этих вылазок, Немезида чувствовала даже какую-то неловкость, ведь она будто подслушивала окружающий мир. Подслушивала то, что не касалось чужих «ушей». Но вскоре свыклась с

этим, изменив своё отношение к происходящему. В конце концов, именно для этого она и находилась здесь, для сбора информации и тайного влияния на тот или иной ход событий.

Но если отбросить лукавство, прежде всего с самой собой, то она делала это потому, что ей это нравилось, а не только ради какой-то там «высшей цели». В те далёкие времена, когда она обладала телом, ей конечно нравились преимущества, которые оно давало. Но плоть всё же тяготила её, ограничивала. Поэтому она легко согласилась на эту роль, на эту жертву, когда появилась такая возможность. Правда в глубине души она, как и все остальные участники того отчаянного эксперимента, рассчитывала, что всё это обратимо, что в дальнейшем всё же будет возможность вернуть своё тело. Ведь Он всемогущ, так разве в таком случае это является для Него чем-то невозможным?

Но шли годы, века, тысячелетия, и они понимали, что теперь они такие навсегда. Мог Он изменить их снова, или нет, не имело значения. Потому что теперь уже явно было очевидно, что Он просто не хотел этого. Зачем? Ведь они отлично исполняли свою роль именно в такой, «бесформенной форме». Вряд ли Он был жесток, скорее просто прагматичен.

В любом случае, они могли только предполагать Его истинные цели, и смириться со своей участью. Очень уж Он любил смирение.

Немезида двигалась с попутным ветром, выдавая своё присутствие лишь едва заметными завихрениями пыли и пепла. Внимательный наблюдатель наверняка обратил бы внимание на такое странное поведение частичек материи в пространстве, кружащих вдоль суетливых, городских улиц. Но горожане всегда были слишком заняты самими собой, чтобы обращать внимание на такие тонкости.

Немезида всматривалась в лица демонов, ища в них малейшие искорки искренности. Разглядывала глаза суккубов, пытаясь уловить там хоть намёк на что-то большее, чем обычная похоть. В этом мире, сотканном из боли и наслаждений, она пыталась найти частички чего-то прекрасного. Буквально по крупичкам собирая нужные песчинки из бесконечного, песчаного пляжа, на краю бездонного океана грёз.

Она пыталась наполнить себя этим прекрасным.

В Раю было множество красивых вещей, множество приятных, и для тела, и для души. Но, видимо, само по себе это место обесценивало для неё все эти прелести. Как если бы жемчуг валялся посреди океана такого же жемчуга. Какая в нём ценность? Никакой. Но вот редкие жемчужинки, которые нужно буквально выколупывать со дна, вот это совершенно другое дело. Ценность этих редких жемчужинок совершенно иная.

И самое смешное, и в то же время грустное, что ценность этого жемчуга лишь в том, что он достался с большим трудом, вот и всё

Вот и для Немезиды были ценны эти песчинки доброты, собранные в месте, в котором доброта была чем-то противоестественным и чужеродным. Это доставляло ей удовольствие, пробуждало охотничий азарт.

Не найдя в этот раз ничего заслуживающего внимания на улицах, она вновь взмыла вверх и оказалась посреди кофейни, расположенной на крыше здания. Как всегда панорама из окон была великолепна, наполняя открытое помещение тёплыми, оранжево-красными оттенками, смешивающимися с запахами пряностей и кофе. В такие моменты Немезиде становилось особенно жаль, что она не способна была ощущать запахов.

Пожилой демон, хозяин кофейни, увлечённо рассказывал двум суккубам о влиянии сладкого на другие вкусовые ощущения.

— Вот, попробуй кусочек, — протянул он блюдце со сладостями суккубу. — А теперь попробуй своё кофе.

Да, он прекрасно знал, как правильно произносить упоминание этого напитка. Но он считал, что вправе сам устанавливать свои правила, поэтому упорно продолжал говорить «оно», вместо «он», при обращении к кофе. Так ему больше нравилось, а правильно это было, с точки зрения грамматики, или нет, ему было совершенно всё равно.

Выждав несколько секунд, он спросил, довольно улыбаясь от удивлённого выражения на лице блудницы:

— Вкус совершенно неожиданный, при смешивании, а?

Демон хмыкнул, и протянул ей другое блюдце:

— А теперь попробуй вот эти.

Уже осторожнее и не так охотно суккуб протянула руку, но отбросив сомнения, всё же попробовала угощение. В следующий момент на её лице вновь появилось удивлённое выражение, но уже вперемешку с каким-то другим чувством. Она буквально закатила глаза от удовольствия и приоткрыла губы.

— Воооот, — удовлетворённо протянул демон. — Теперь понимаешь? Важны не сами по себе ингредиенты, а пропорции и сочетания этих самых ингредиентов между собой.

— Это... Просто... Божественно, — наконец выдохнула суккуб.

— Но, но, поаккуратней с выражениями, — рассмеялся демон.

Пепел коснулся блюдца со сладостями, будто пытаясь отведать незнакомое лакомство. Но в силу своей физиологии, это ему было недоступно. Тогда, незаметным завихрением, он устремился дальше, заглядывая в окна ближайших домов. Как и прежде, в этих окнах ему открывались разные сюжеты, разные судьбы, разные сердца. Впрочем, какими бы различными не были эти сердца, всех их объединяла общая, тягучая чернота. Пульсирующая, обволакивающая и притягивающая внутрь себя. Словно тёмное озеро без дна, в воды которого не проникал даже солнечный свет.

Иногда Немезида улавливала чьё-то присутствие. Это было необъяснимое ощущение, словно кто-то, или что-то, касалось её разума. Обычно это происходило поблизости у этих жутковатых алтарей, которые использовались жителями города для своих ритуалов.

«Оплата», — называли они это действие, засовывая ладонь в пасть скульптуры.

Немезида часто задумывалась, понимали ли они сами, что вообще происходило во время этого ритуала. Вряд ли. Она и сама не понимала. Но эту мерзкую, высасывающую и выворачивающую душу наизнанку, энергию, она тоже отчётливо ощущала. И природа этой странной энергии была непонятна ей. Но была в этом ещё одна странность. Каждый раз Немезида ощущала в этой энергии что-то, неуловимо, знакомое. Даже... родное, и от этого ей — бестелесному существу, становилось жутко.

Она решила вновь опуститься на землю и понаблюдать за улицами города. Пронестись вдоль шумных дорог, усеянных дорогими авто. Демоны почему-то обожали дорогие авто, хотя благодаря своим крыльям, они им были и не нужны вовсе. Не говоря уже о порталах. В большинстве своём автомобили использовались суккубами и прочими, бескрылыми представителями города. А самим демонам, не лишённым обострённого и порой искажённого, чувства эстетства, просто нравилось наблюдать за чем-то красивым и блестящим, с высоты своего полёта. Поэтому даже обычные таксисты использовали машины вычурных, и необычных форм. Покрытые рунами, драгоценными камнями и дорогими тканями, эти произведения искусства будто служили вызовом для всего сущего.

«Вот, на что способен наш разум! Вот, на что способно наше желание!», — кричали демоны всему миру с помощью этих машин, внутренняя отделка которых довольно часто была создана с помощью натуральной кожи. Красная кожа ценилась особенно.

В какой-то момент Немезиду привлёк мелодичный голос, исполняющий песню под аккомпанимент гитары. Она остановилась напротив «низшего», поющего об освобождающем дожде, смывающем кровь и грязь с тела.

Было довольно странно видеть «низшего» в таком образе, однако этот мир был полон странностей, поэтому удивляться такому не стоило.

Он был слеп, вместо глаз зияли две огромные, уродливые дыры. Нос тоже отсутствовал, и по ране было неясно, был он отрезан или откушен. Но всё это не мешало ему петь и перебирать струны, даже несмотря на то, что на обеих руках виднелось только по паре уцелевших пальцев.

Немезида восхитилась приспособляемостью этого существа, не утратившего способность творить, даже несмотря на свои увечия. Если бы была возможность, она бы, пожалуй, даже бросила ему монетку. Но такой возможности у неё не было. Её собственные, «добровольные», увечия не позволяли ей носить с собой монеты.

Время Немезиды здесь было уже на исходе. Она ощущала, как сознание растворяется. Пора было возвращаться домой.

На прощание, она снова взмыла в небо и взглянула на алый горизонт, а затем освобождённые частички пепла вновь устремились по своим делам, продолжив своё хаотичное, бесконтрольное уже, движение в воздухе.

Глава 18: Долина

Опьяняющее веселье продолжало витать над поселением ещё довольно долго. «Истинные» ликовали и праздновали свою победу, отдав почести тем из них, кому не удалось дожить до этого момента. И только некоторые не испытывали таких ярких эмоций, прекрасно осознавая, что всё это лишь начало, что радоваться рано. Ведь это была, по сути, всего лишь небольшая, тактическая победа, и что-то более серьёзное и трудное ещё ждало их всех впереди.

Старейшина тоже был одним из этих немногих, к тому же на него всё сильнее давил груз договора, о котором Никто завёл разговор сразу же после битвы. Демону требовались другие племена.

— Все, что есть, — ответил он на уточняющий вопрос Старейшины.

Ещё несколько недель назад старый «истинный» только посмеялся бы над таким ответом, но сейчас ему было не до смеха. Сейчас он прекрасно понимал, что демон не шутит. Впрочем, у Старейшины появилась всё же искорка надежды — мысль, что ему удастся избавиться от Никто. Причём это было бы вполне в рамках заключённого договора.

Дело было в том, что безумная идея демона по налаживанию контакта с другими племенами, и дальнейшему их объединению, была, в общем-то, вполне возможна. Пусть даже только теоретически, но возможна. Однако для этого требовалось совершить практически невозможное. Для этого требовалось то, что совершенно точно заставило бы демона исчезнуть из жизни Старейшины навсегда.

Он усмехнулся этим размышлениям, однако быстро одёрнул себя, опасаясь, что демон прочтёт его мысли. Но Никто был, как обычно, невозмутим. Мог он читать мысли «истинного» или нет, внешне он не подавал виду.

— Мои сородичи не захотят уходить. Не все из них, по крайней мере, — произнёс старик. — А уж объединяться с другими племенами... это вообще самоубийство.

— Ты упоминал о древнем ритуале, — парировал Никто. — Перед которым не смогут устоять другие Старейшины.

— Да, упоминал, — пожевал губу старик, прищурив глаза. — Но это не ритуал, а скорее... давняя легенда.

— Я хочу услышать подробности, — ответил демон.

— Ну что же, — вздохнул «истинный». — Согласно нашим древним писаниям, когда-то давно, когда мир был другим, и на небе не существовало облаков и звёзд, в эти земли пришли наши предки. Изгнанники из других миров. Небольшое племя, несущее на себе бремя сохранения и продолжения своего вида в последующих веках. Их путь был настолько долог, что через несколько поколений они уже забыли, откуда шли, и куда, и за что были изгнаны. Они забыли, кто они, и откуда. И в итоге они осели в пустошах, постепенно привыкая и адаптируясь к суровым условиям, и ведя кочевой образ жизни. Со временем племя разрасталось, изменяя изгнанников не только внешне, но и внутренне. Впрочем, новые поколения уже и не были никакими «изгнанниками». Они были полноправными детьми пустошей, рождёнными ею. Старая и новая кровь начала враждовать и не понимать друг друга всё больше и больше. Одно, единое когда-то, племя, превратилось в два, а после те два превратились в четыре, разбредаясь по пескам и продолжая разделяться. И единственное, что осталось, объединяющее всех — память о том, что их истинный дом где-

то в другом мире. «Истинные» — теперь это всего лишь звук, всего лишь традиция.

— Я не совсем понимаю, как это может помочь мне, — ответил Никто, выждав паузу.

— Это ещё не всё, — продолжил Старейшина. — Однажды предки наткнулись на земли, которые были пустыни даже на фоне пустошей. Долина, которая буквально высасывала жизнь из «истинных», рискнувших углубиться в неё. В ней не было ничего, что могло бы быть полезным для жизни, никаких ресурсов или источников жидкости, поэтому соваться в неё и не было никакого смысла. Однако она необъяснимо манила к себе, одновременно с этим опустошая смельчаков, отправившихся туда. Некоторые даже возвращались обратно, будучи истощёнными, и полностью безумными, бормочущими себе под нос жуткие вещи. Но какие бы странные, бессвязные и безумные вещи они не рассказывали, во всех этих рассказах была одна общая деталь — огромная статуя, какая-то чудовищная голова с раскрытой пастью, сотканная из тысяч каменных змей. И ослепляющие глаза, выворачивающие наизнанку.

Никто задумчиво прищурился, а старик продолжал:

— Согласно легенде, тот, кто сможет заглянуть в эти глаза, и сохранить здравый рассудок, сможет вернуть «истинных» в их... истинный дом, из которого они были изгнаны однажды.

— Я думал, что пустыня уже давным-давно стала домом для многих твоих сородичей, — произнёс Никто.

— Это всего лишь легенда, — пожал плечами Старейшина. — Мало кто вообще задумывается о подобных вещах, не говоря уже о том, чтобы искать какой-то там, «истинный дом», который является не более чем сказочкой для детей.

— Довольно странно слышать такое от Старейшины, — ответил демон.

— Ритуалы должны строго соблюдаться, безусловно, — внимательно посмотрел старик в глаза демону. — Однако я всё же реалист, а не какой-то дикарь. Легенды есть легенды, а реальность есть реальность.

— Это место существует на самом деле, эта долина? — задал вопрос Никто, после небольшой паузы.

— Да, — кивнул Старейшина. — И те редкие безумцы, вернувшиеся оттуда и превратившиеся в безвольные овощи, пускающие слюни — тоже правда. Арексис с самого детства была буквально заморожена их бредом и этой чёртовой долиной.

— Странно, — произнёс Никто. — Я не видел в селении ни одного безумца, пускающего слюни.

Старейшина хмыкнул:

— Потому что здесь не место для таких.

Никто немного склонил голову набок и посмотрел на Старейшину. Но всё же он не озвучил то, что непременно озвучил бы Айзек:

«Так вот почему ты лишил её глаз? Слепая не сможет заглянуть в глаза безумию, когда, повзрослев, неизбежно отправится однажды в долину, подгоняемая жаждой знаний. И вот она повзрослела».

В конце концов, кто сказал, что милосердие не может приобретать причудливые, извращённые формы? Иногда ради милосердия совершаются довольно странные вещи, со стороны выглядящие настоящим безумием.

* * *

— Так странно, — прошептала Арексис, прижавшись к Никто.

Их нагие тела лежали на шкурах, пропитанных запахами эфирных масел от разгорячённой, но уже остывающей плоти. Маленький шатёр освещался лишь слабыми огоньками жаровни, отражаясь на коже разноцветными отблесками. А в воздухе витали древесные нотки, смешивающиеся с ароматами каких-то цветочных трав. Арексис была мастером в подборе ингредиентов, подходящих для определённого случая. И доказала это в очередной раз.

— Что же именно? — тихо ответил Никто, поглаживая её бедро.

— Когда мой свет померк навсегда, я думала, что тьма будет теперь окружать меня вечно. Что все мои мечты и фантазии останутся теперь в... мечтах и фантазиях... где-то там, где светит солнце, только уже не для меня.

Никто коснулся пальцами её пустых глазниц, затем провёл ладонью по щеке.

— Я никогда и подумать не могла, что однажды в моей жизни произойдёт нечто подобное, — продолжила Арексис, накрыв его ладонь своей. — Вот так встреча, правда?

— Правда, — ответил демон.

— Но для тебя это, наверное, просто ерунда, — в голосе «истинной» послышалась грусть.

— Вовсе нет, Арексис, — произнёс демон. — Вовсе не ерунда.

Арексис улыбнулась, и прикоснулась к его искусственному, стальному рогу.

— Знаешь, это ведь не совсем обычная сталь, — промурлыкала она. — Существует поверие, что с помощью определённого ритуала можно привязать к ней бестелесного духа. И тогда, на какое-то время, пока эта сталь будет существовать, этот дух будет иметь собственное тело, в виде этого куска стали.

Она хихикнула.

— Теперь эта сталь часть тебя, часть твоего тела... и получается, что можно привязать духа прямо к тебе, представляешь? Как хранителя. Как оберег.

— Вряд ли дух согласится на такое добровольно, — улыбнулся Никто. — Иметь тело, в виде стального рога — это так себе участь. Особенно для свободного духа.

Арексис засмеялась:

— Ну, это всё равно лучше, чем вообще ничего. Существовать вообще без тела, это наверное... не всегда приятно.

— Возможно у духов есть другие способы, чтобы познавать этот мир, — ответил Никто, легонько ущипнув её за ягодицу.

— Возможно, — игриво ответила Арексис. — Но у них нет губ, которыми можно ощущать.

Её уста коснулись шеи демона. Начавшая было остывать плоть снова жаждала прикосновений. Снова жаждала ощущать себя наполненной. Живой.

Никто ответил на этот зов, и отблески угольков из жаровни вновь закружились на коже в безумном, диком танце.

* * *

Удивительно, но большинство «истинных» вполне положительно отнеслись к новости о том, что им пора двигаться дальше. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, ведь в глубине души все они были кочевниками. Даже те из них, кто уже привык к оседлому образу жизни в этом поселении. Правда о том, что в дальнейшем предстояла намеренная встреча с другими племенами, знали далеко не все. Незачем было будоражить их умы этой информацией, поэтому решено было пока что сохранить это в тайне. Плюс ко всему этому,

Старейшина конечно же надеялся, что когда демон отправится в долину, больше он его не увидит.

Снявшись с насиженного места, «истинные» были воодушевлены предстоящим походом. Они давно уже засиделись на одном месте, и их свободолюбивые души жаждали дороги.

На десятый день пути, когда колонна остановилась в подходящем месте, способном укрыть их от зноя, Эклипсо в очередной раз завела с Никто разговор о целесообразности посещения той проклятой долины. Ей не нравилось абсолютно всё из того, что она слышала.

— Неужели ты не понимаешь, что Старейшина просто пытается избавиться от нас таким образом?

— Конечно понимаю, — кивнул Никто.

Подождав некоторое время, и убедившись, что это всё, что хотел сказать демон по этому поводу, суккуб вновь продолжила:

— Тогда зачем? Неужели это так важно? Мы даже не знаем наверняка, стоит ли верить всему этому. Мы не знаем, как воспримут нас другие племена. Да и как ты вообще собрался доказывать им, что был в долине и вернулся невредимым? По твоему, они должны будут поверить тебе на слово?

Никто взял её за плечи:

— Кто сейчас говорит в тебе? Страх? Сомнения? Ты можешь уйти в любой момент, в любой мир. У тебя есть на это силы и способности. Так зачем тогда ты переживаешь о том, что не случилось и, возможно, и не случится вовсе?

Эклипсо выскользнула из его ладоней и отвернулась.

— Но к чему тогда всё это было? — сказала она, глядя на расплывающийся от жары горизонт. — Я хотела... мой отец хотел, чтобы я смогла вырваться из Ада. А вместо этого мы словно бегаем по кругу. Когда я слышала описание этой долбаной статуи... ты ведь тоже прекрасно понял, что это за статуя. Разве нет?

— Да, по описанию это очень похоже, — согласился демон.

— Мы бежали из города, из этого адового сердца. Оставив его позади. А что в итоге? В итоге, впереди нас ждёт то же самое, — не унималась суккуб.

— Мы не знаем, что ждёт нас впереди, — спокойно ответил демон. — Мы можем только предполагать это. Кстати... тебе вовсе и не нужно идти в долину. Я наоборот хотел бы, чтобы ты осталась с «истинными».

Эклипсо развернулась, и в уголках её глаз, еле заметно, сверкнули капельки влаги:

— Ты что же, считаешь меня настолько трусихой?

Никто ответил не сразу. Некоторое время он смотрел ей в глаза, а затем произнёс:

— Я считаю, что если бы позвал тебя, то ты отправилась бы за мной в самое пекло. Но сейчас тебе лучше остаться с ними. В той долине тебе нечего делать.

Эклипсо фыркнула:

— Очень самоуверенно звучит. Ты слишком много о себе возомнил.

Никто улыбнулся в ответ на это:

— Когда ваши гормоны уgomонятся, неугомонные сёстры, вы лучше воспримите то, что было сказано здесь. А затем мне понадобится ваша помощь и ваша поддержка, возможно, как никогда прежде.

Он снова взял суккуба за плечи:

— Могу ли я рассчитывать на вашу поддержку, Эйко и Эклипсо, когда придёт время?

«Конечно можешь, хоть ты и чёртов мудака», — хотела сказать Эйко, но Эклипсо ответила не сразу.

— Иногда мне кажется, что я вообще не знаю, кто ты или что ты, — ответила суккуб. — Я не могу дать тебе такого обещания, потому что просто не знаю, что ты там вообще задумал.

— Спасибо за твою искренность, Эклипсо, — ничуть не смутившись ответу суккуба, произнёс Никто.

* * *

С возвышенности, там, где они остановились, долина казалась лабиринтом, созданным природой из разнообразных ущелий. словно множество высохших рек, когда-то переплетённых между собой своими бурными водами. Даже с этого расстояния она одним только своим видом будоражила сознание, пробуждая в голове странные образы.

Никто отказался от копья, которое предлагал ему Зар, заявив, что такие предметы ему там вряд ли помогут, и будут только лишней обузой. Впрочем длинный нож «истинных» всё же болтался на его поясе, но для него это скорее было элементом одежды, нежели оружием.

Небольшая проблема возникла с Арексис, которая захотела отправиться с демоном. Она уверила сестру и братьев, что даже если они свяжут её, она всё равно найдёт способ уйти в долину. В итоге, посчитав, что с Никто она всё же будет в большей безопасности, чем вообще одна, они смирились и отступили. Старейшина не участвовал в этом споре. Возможно он опасался, что если Арексис послушает его на глазах у всех, а она наверняка послушалась бы его, то он окончательно утратит свой авторитет среди сородичей. Сказав, что она уже взрослая и вправе сама решать свою судьбу, он попытался абстрагироваться от всего этого.

— Вполне вероятно, что мы не вернёмся оттуда, — сказал ей Никто, глядя как она занимается пряжками и ремнями на своей одежде. — И даже если вернемся, возможно ты уже не будешь прежней, Арексис.

— Мне всё равно, Никто, — ответила она, продолжая своё занятие. — Возможно, это будет путешествие всей моей жизни. Так что... оно того стоит. К тому же, у меня есть преимущество...

Она указала пальцем на пустоту в своих глазницах и улыбнулась. Демон не стал отговаривать её идти с ним. Не стал просить о том, чтобы она осталась с «истинными». И Эклипсо, находившаяся рядом с ними в этот момент, не могла понять, почему он так легко позволяет «истинной» следовать за ним в долину. Хотя, по всей видимости, Арексис и не собиралась следовать за ним. Её интересовала сама долина.

И всё же, суккуб чувствовала некое подобие неловкости. Будто это она должна была быть на месте Арексис. Будто это она должна была настойчиво и решительно составить ему компанию в этом пути, даже несмотря на его просьбу остаться.

Словно почувствовав её внутренне смятение, Никто подошёл к ней и тихо произнёс:

— Когда я вернусь, мне понадобится твоя помощь. А там, в долине... не твоё место... не твоя судьба.

Она ничего не ответила, но эти слова её немного успокоили.

Двое странников наконец выдвинулись в путь. Кто-то из них, к своим, неведомым никому, целям. Кто-то, к своей судьбе.

Почти всё племя провожало их, молчаливо наблюдая за удаляющимися спинами.

Большинство из них видели долину впервые, став свидетелями этого безумного паломничества.

* * *

— Что ты «видишь»? — спросил Никто, проведя рукой по шершавой поверхности ущелья.

— Глаза, множество глаз, наблюдающих из стен, — произнесла Арексис. — Они безмолвны.

Никто видел лишь красноватые камни. Он не ощущал ничего особенного, даже углубляясь всё дальше и дальше. Но изменения в поведении «истинной» явно давали ему понять, что какое-то внешнее давление на её сознание всё же происходит. Это не было обычной тревогой из-за необычности этого места. Это не было связано с легендами, память о которых вспыхивала в её голове, при нахождении здесь. Это было нечто другое.

Иногда он отмечал про себя, что Арексис отвечает ему как-то бессвязно. А иногда даже её голос менялся, словно кто-то или что-то использовало её тело для коммуникации с ним. Когда он спрашивал её об этом, она отвечала, что ничего не говорила, и не понимает, что он имеет в виду.

Тогда он попробовал обратиться напрямую к тому, кто говорил её устами.

— Кто ты? Что ты? — спросил он, когда заметил очередное изменение в Арексис.

— Тот же вопрос можно задать и тебе, не так ли? — прозвучало множество голосов.

— Я не знаю, кто я, это правда, — спокойно ответил Никто. — Ты знаешь, зачем я здесь?

Арексис не ответила, продолжив идти дальше.

Они всё ещё двигались сверху вниз, поэтому примерное направление можно было видеть вдаль, даже несмотря на изгибы ущелий. Но Никто совершенно не заботило правильное направление, сейчас он уже прекрасно понимал, что их «выведут» к нужному месту, хотя бы они того или нет.

— Никто? — вдруг произнесла Арексис, не сбавляя шаг. — Ты здесь?

— Да, Арексис.

— На мгновение мне показалось, что мы потерялись, и я осталась одна. Так жутко стало, но одновременно с этим... вовсе и не жутко.

— Эти глаза всё ещё наблюдают за нами? — спросил Никто.

— Какие глаза? — ответила она.

Никто приподнял голову и медленно втянул воздух. Не ощутив ничего странного и необычного, он продолжил следовать за «истинной». Однако вскоре ему пришла в голову одна мысль, и он резко остановился, не произнеся ни слова.

Некоторое время Арексис шла вперёд, не замедляя шаг и не оборачиваясь. Затем остановилась, и так же безмолвно и не поворачивая головы, застыла на месте.

Никто продолжал стоять, наблюдая за «истинной». Она не подавала никаких признаков заинтересованности в происходящем, но и не продолжала движение вперёд. Тогда он решил попробовать ещё кое-что. Не сводя с неё глаз, он медленно попятился назад.

Пять неслышных шагов, десять, двадцать. Наконец Арексис повернула голову, чудовищно извернув при этом шею, потому что спина её оставалась в том же, недвижимом, положении. Некоторое время бездна её пустых глазниц безмолвно смотрела на демона, а затем губы растянулись в улыбке.

Задумчиво прищурившись, демон постоял на месте ещё некоторое время, затем двинулся

вперёд. Когда он поравнялся наконец с Арексис, которая не отводила от него свой «взгляд» всё это время, она повернула голову и шагнула вперёд, продолжая свой путь.

— Знаешь эту песенку? — произнесла она не своим голосом. В этот раз, каким-то новым. В нём слышалось какое-то странное, непередаваемое смешение огромной мощи, алчности и хитрости. Но при этом, ещё и... какой-то усталости.

— Какую, Арексис?

— Не придуривайся, демон, — хихикнул голос. — Не называй меня, Арексис. Ты же знаешь, что это не она обращается к тебе.

— Ладно, — пожал плечами Никто. — Так что там за песня?

— Мммм, — медленно, словно смакуя слова, произнёс голос. — Песенка про демона, сующего свой любопытный нос туда, куда не следует.

— Почему ты называешь меня демоном? — ответил на это Никто, проигнорировав нотки угрозы в свой адрес.

— А кто же ты? — театрально изобразил удивление голос. — На вид, демон как демон. Бескрылый правда, но тебя ведь это совершенно не заботит, да?

— Да, не заботит, — кивнул Никто.

— О, я горжусь тобой, — произнёс голос, и совершенно не было ясно, шутит он, или говорит всерьёз. — Настоящий бунтарь. Весь в отца.

— Я не знаю, кто я, — ответил на это Никто. — И отца у меня тоже нет.

— Ну, ну, дорогой мой демонёнок. У всех есть отец... Даже у меня. Правда, вряд ли он гордится мной.

— Кто бы ты ни был, мне нужна твоя помощь, — вдруг заявил Никто.

— Ничего себе, — удивился голос. — Это что-то новенькое. Я прямо заинтригован. А с чего ты взял, что я захочу помочь тебе, червь земляной?

— Потому что в конечном итоге эта идея заинтересует и тебя самого, — спокойно ответил Никто.

Арексис засмеялась тысячей голосов.

— Айзек был тот ещё выдумщик, правда? — наконец произнёс голос.

— Если ты знаешь об этом, то я тем более не вижу причины, по которой ты откажешь в помощи, — сказал Никто.

Арексис остановилась, и посмотрела на Никто.

— Хмммм, — протянул голос. — Хм, хм, хм. Даже если и так, мне всё равно нужно что-то взамен. Да, да, чисто символическая плата, скорее дань традиции, и тем не менее. Ну, ты должен понять.

— Да, — серьёзно ответил Никто. — Я понимаю.

— Вот это я понимаю, настрой! — ликуяще воскликнул голос. — Ух!.. Ладно, чёрт с тобой! Аха-ха-ха-ха!

— Ещё кое-что, — произнёс Никто. — Скажи мне, кто я?

— Ой, ну хватит уже, — ответил голос таким тоном, словно его обладатель закатил глаза. — Ты никто, ты ничто. Тебя нет. Что тебе ещё нужно знать?

— Больше ничего, — разочарованно ответил Никто.

— Тогда хватит задавать мне глупые вопросы, дитя, — изменившимся голосом произнесла Арексис.

Теперь в этом спокойном, безразличном голосе не ощущалось больше ничего, кроме давящей на ушные перепонки пустоты. Выворачивающей наизнанку даже бездушное

существо.

Никто пошатнулся и опустился на одно колено, тяжело дыша.

Придя в себя наконец, он продолжил путь, следуя за «истинной», и не задавая больше никаких вопросов.

Глава 19: Плата

Словно не позволяя суккубу погрузиться в пучину внутренних переживаний, Ахтас то и дело подкидывала ей какое-нибудь занятие. Это выглядело обычными просьбами о помощи, во всяких мелочах, с которыми «истинная» вполне могла бы справиться и самостоятельно. Эклипсо прекрасно видела и осознавала это, и поэтому была благодарна Ахтас. Просто сидеть сейчас, и думать о всяких мрачных перспективах было бы очень утомительно для её сознания.

Сидя прямо на песке, они точили и полировали свои ножи. С недавних пор Эклипсо как раз опять обзавелась им. Он был, конечно, не таким произведением искусства, как её утерянный, трофейный нож, а скорее обычным, утилитарным инструментом. И всё же в этом ноже тоже присутствовало своё, грубоватое, изящество.

— Не дави так сильно, — произнесла Ахтас, увидев первые попытки Эклипсо в заточке лезвия. — Сила тут не нужна. Вот, смотри.

«Истинная» показала суккубу правильную последовательность действий, и дальше дело пошло уже лучше.

— Снова о чём-то думаешь? — спросила она, заметив длительное молчание Эклипсо.

— Снова, — вздохнула суккуб, возвращаясь в реальность.

— Иногда это только мешает, — продолжила Ахтас, не отрывая глаз от своего ножа. — Весь этот неудержимый поток, приносящий в пламенное сердце лишь сомнения и недоверие к себе самой.

Суккуб удивлённо приподняла бровь и улыбнулась:

— Да ты прямо поэт, как я погляжу.

— Пффф, — Ахтас изобразила пренебрежение, но суккуба было не обмануть подобным. — Очередное бесполезное занятие.

— Да брось, — сказала Эклипсо, посмотрев на «истинную», и поймав её ответный взгляд. — Ты очень красиво выражаешь свои мысли.

— Правда? — наконец произнесла Ахтас, после небольшой, прямо-таки неловкой паузы, на мгновение повисшей в воздухе.

— Правда, — ответила Эклипсо.

«Истинная» промолчала, но от суккуба не ускользнул румянец, проступивший на щеках Ахтас. Эклипсо не стала делать какого-либо шуточного замечания по этому поводу, хотя Эйко и порывалась это сделать.

«Мне кажется, или в последнее время ты как-то слишком часто ограничиваешь меня?», — произнесла Эйко. «Вообще-то это и моё тело тоже, если ты забыла. И старше меня ты не так уж и на много».

«Эйко, ну прекрати пожалуйста. Да и вообще, неужели эта шутка и правда была бы сейчас уместна?».

«Ооо, ну понятно», — протяжно ответила Эйко. «У Эклипсо появилась новая фаворитка?».

«Что за глупости?».

«Да ладно, не прикидывайся девочкой. Задница у этой воительницы и правда что надо!».

«Так. Хватит! Я серьёзно».

«Ладно, ладно, сестрёнка. Проехали».

— Ты в порядке? — задала вопрос Ахтас. — Такое чувство, будто ты сейчас была где-то в другом месте.

— Да, всё нормально, — махнула рукой суккуб. — Просто опять всякая ерунда лезла в голову.

«Эй! Я всё слышу!», — притворно возмутилась Эйко.

* * *

Теперь Никто уже и сам ощущал давление этого окружающего пространства. Впрочем, оно доставляло неудобства только его телу, в то время как его сознание лишь отмечало это давление, но никак не реагировало. Реагировать было просто некому и нечему, поэтому Никто наблюдал за этими внутренними процессами с полным безразличием. Как сторонний наблюдатель, созерцающий отражение луны в бушующих волнах океана. Какое дело луне до того, что происходит с её отражением?

Арексис уже не разговаривала: ни своим голосом, ни чужими. Она лишь подвывала иногда, и изредка всхлипывала, продолжая идти вперёд.

Было ли ему жаль её? Он не мог ответить на это наверняка. То, что он «испытывал», было лишь имитацией. Это была лишь тень ощущений и эмоций, которые он подсмотрел в слепке памяти Айзека. И проанализировав паттерны его поведения, Никто сделал вывод, что этот демон скорее всего испытывал бы сейчас определённые ощущения жалости к этой «истинной».

Но сам Никто не испытывал ничего. Всё, что ему было доступно, это только подражать, играя роль. Его интересовал лишь один вопрос — «кто он?». Но, пока что, ответов не находилось, поэтому он занимался тем, что параллельно искал и те ответы, которые искал когда-то демон, называвший себя Айзеком.

Никто делал это хотя бы даже просто ради того, чтобы хоть чем-то себя занять. А возможно, что память демона, к которой у него был неограниченный доступ — это было единственное, с чем он мог идентифицировать себя.

* * *

Первые разведчики из других племён появились на третий день. Окрестности долины считались нейтральной территорией. Ни одно племя не хотело осквернить себя сопричастностью к этому гиблому месту, поэтому здесь была просто идеальная точка для встреч и ведения переговоров. Находясь здесь, любой из «истинных» словно показывал своему оппоненту — «Я здесь, потому что хочу обсудить с тобой что-то. И мне нет никакого дела до этих земель. Здесь нам с тобой нечего делить».

Эклипсо настояла на том, чтобы присутствовать на встрече. Если даже кто-то и был против этого, то вслух не высказался, видимо прекрасно помня о возможностях суккуба. Она лишь накинула на голову глубокий капюшон, чтобы не шокировать новых знакомых своим видом.

Вскоре она, Зар, Ахтас и ещё несколько «истинных», вышли навстречу гостям, ожидающим их на безопасном, от племени, расстоянии. Приблизившись друг к другу, «истинные» довольно сухо обменялись традиционными приветствиями, хотя и какой-то особой неприязни тоже не ощущалось. Не став ходить вокруг да около, Зар вкратце рассказал о предшествующих событиях, заставивших всё его племя переместиться сюда. Разведчики слушали внимательно, то и дело бросая свои цепкие взгляды на молчаливую фигуру, скрывающую своё лицо. Когда же рассказ дошёл до момента возможного объединения

племён, двое из них рассмеялись, презрительно сплюнув.

— Я стерпел твои бредни о крылатых демонах, — начал один из них. — Списывая это на солнечный удар и обезвоживание, после длительной дороги. Но теперь, после слов об объединении племён, я понял наконец, что ты недавно вернулся из сердца долины, оставив там свой разум, как и все остальные.

Другие разведчики рассмеялись, выказывая тем самым такое же мнение по поводу всего услышанного. Вместо ответа, Зар лишь подал знак одному из «истинных», держащего в руках увесистый мешок. Тот кивнул и бросил свою ношу под ноги разведчикам, перед этим ослабив узел.

— Взгляните сами, если не верите моим словам, — произнёс Зар, указывая ладонью в сторону мешка.

— У нас нет времени на ваши безумные игрища, — ответил разведчик, не сдвинувшись с места. — И копать в этом дерьме тоже нет желания.

Эклипсо, всё это время хранившая молчание, сбросила капюшон, обнажив наконец своё лицо и устремив взгляд на болтливого «истинного».

— Иногда мы вынуждены испачкать руки, чтобы добраться до истины, — спокойно произнесла она, хотя глаза её не выражали ничего хорошего.

— Что это за..., - отпрянул разведчик, удивлённо глядя на суккуба.

Эклипсо медленно приблизилась к разведчикам, начавшим было медленно пятиться назад, и схватившись за рукояти своих ножей. Затем она запустила руки в мешок, и вытащила его содержимое.

Выдержав паузу, и позволяя разведчикам хорошенько рассмотреть две рогатые, высохшие головы демонов, которые она держала в обеих руках, Эклипсо произнесла наконец:

— Может это вы сами безумцы, вернувшиеся из долины? Иначе как объяснить то, что вы видите сейчас перед собой? Неужели это всё реально?

В её голосе слышалась издёвка, и жутковатые нотки. Она швырнула головы в сторону ошарашенных «истинных».

— Потрогайте своё безумие своими собственными руками, если не верите своим глазам, — зрачки Эклипсо расширились и ярко светились голубоватым огнём.

Они обе, и Эклипсо, и Эйко, наслаждались собой в этот момент. Наслаждались изменившимися лицами разведчиков, с которых сползала недавняя маска самоуверенности.

Всего их было пятеро, поэтому «истинные» притащили ещё три головы, чтобы каждый из разведчиков смог принести своему Старейшине наглядное доказательство слов, которые они услышали в тот день на краю долины.

* * *

— Твои страдания скоро закончатся, Арексис, — произнёс Никто, глядя на огромную, каменную голову статуи.

— Давай-ка я тут сам решу, кому и сколько страдать, — ответила Арексис и застонала от боли.

Глаза статуи, янтарные, грубо отёсанные камни, сверкали в такт словам, исторгающимся изо рта «истинной». Множество переплетённых между собой змей, формирующих искажённое лицо с открытой пастью, создавали иллюзию постоянного движения.

— А теперь, наконец, время платы, — алчуще прогрохотали голоса. — Дитя моё, будь

так любезен, помоги этой дикарке. Это всё же не городской житель. Те сами знают, что к чему, и как «оплачивать», правда? Аха-ха-ха!

Никто коснулся спины Арексис, и легонько подтолкнул её, направляя в зияющую пасть статуи.

— Ох, такая невинная наивность в ней, — звучало уже со всех сторон. — Прямо сладкий пирожочек. Мммм.

Демон проследовал вслед за «истинной» внутрь пещеры, скрывающейся за пастью статуи. Арексис остановилась в центре пентаграммы, выложенной на земле из небольших камней, и затихла.

— Тебе тут больше делать нечего, — буднично произнесла Арексис множеством голосов, разлетающихся эхом по пещере.

Однако Никто не сдвинулся с места, и через некоторое время уста «истинной» вновь открылись:

— Ну, как хочешь.

Никто не мог ощущать то, что повергло бы другого демона на его месте в настоящий, панический ужас. Как и раньше, он лишь равнодушно наблюдал за перемалывающей сознание энергией, раздирающей всё внутри. В такие моменты, когда жители Ада «отдавали свою плату», с их телами ничего не происходило. Однако для их разума это не имело значения. Та мучительная агония, которая бушевала внутри, была совершенно реальна и приумножена тысячекратно, поэтому не имело значения, сползала кожа на самом деле или нет. Не имело значения, лопались глазницы реально, или это было только наваждением. Эта жуткая, тёмная энергия, делала эти мучения реальнее самой реальности, несмотря на то, что всё происходило только в воображении.

Или, быть может, даже у жителей Ада была душа, которая и страдала в такие моменты, подвергнутая такой боли, которая неведома плоти.

Арексис никогда не испытывала подобного ранее. Никто видел образы, которые вспыхивали в её разгорячённом сознании. Там «истинная» вновь обрела зрение, обрела глаза, но тут же вырывала их, не в силах смотреть на то, где она находилась. Но они вырастали вновь, и давясь кровавыми слезами, она выцарапывала их снова и снова.

Она пыталась звать на помощь, но этот крик так и оставался безмолвным. Её зубы выпадали из дёсен и застревали в горле. Её лёгкие наполнялись смрадом.

Снова и снова.

Без конца.

Прошла бесконечность и на её безмолвные мольбы наконец откликнулись. Это были фигуры самых близких ей существ. Её братья, её сёстры, её друзья. Они смеялись, стоя вокруг неё. Издевательски предлагая помощь, но делая только больней.

Это добило Арексис окончательно, но её мучения продолжались. Она не могла потерять сознание. Не могла умереть.

Бесконечность. Она была в объятиях бесконечности.

На некоторое время вынырнув из тумана безумия, и вновь обретя власть над своим телом, Никто посмотрел на тело Арексис. Она лежала в позе эмбриона, обхватив колени руками, и тихо всхлипывала, что-то бессвязно бормоча себе под нос.

Тогда Никто решил не мешкать. Вытащив свой нож, он склонился над телом «истинной», и приставил острое лезвие к её горлу.

— Даже не думай, — раздался хриплый голос Арексис, принадлежащий, однако, не ей.

Никто проигнорировал голос, и быстрым движением рассёк мягкую плоть, выпуская жизненную силу «истинной». Освобождая её наконец от страданий.

Она захрипела, и произнесла, сквозь булькающие звуки из гортани:

— Ну ты... и сука! На самом... интересном месте!

Видя, что жизнь нехотя покидает тело Арексис, словно намеренно кем-то удерживаемая, Никто воткнул нож в её сердце, и всё закончилось.

— Да... настоящий бунтарь... ну и ну, — безжизненные губы «истинной» вяло шевелились, словно отказываясь подчиниться своему кукловоду.

Теперь это была пустая, безжизненная плоть. Остывающая, и лишённая упорхнувшего сознания, она всё же ещё способна была послужить источником коммуникации для того, кому ещё было что сказать Никто.

— Я... одновременно... и восхищён тобой... и хочу оставить тебя здесь навсегда, подвергая вечным мукам... за твою дерзость, — продолжал голос. — Даже и не знаю, что же выбрать.

Игнорируя голос, Никто вытер нож, и спрятал его обратно. Он склонил голову набок, и смотрел на Арексис, погружившись в свои размышления.

— Ладно, договор есть договор, — скрипел угасающий голос. — Займусь твоим воспитанием потом.

Никто не слушал эти слова, он и так знал, что обладатель голоса выполнит свою часть уговора. Так же он прекрасно знал, что в дальнейшем будет наказан за своё своеволие, ведь страдания «истинной» могли продолжаться ещё довольно долго. Бесконечно долго. А он бесцеремонно прервал это пиршество лезвием своего ножа.

Но ему было безразлично. Сейчас его заботило совершенно другое. Впервые, за своё недолгое существование, с тех самых пор, как он осознал себя в этом теле демона, Никто что-то ощутил. По-настоящему ощутил. Это была уже не имитация эмоций Айзека. Это была его собственная эмоция.

Он не знал, как это объяснить самому себе. Не знал, как понять эту эмоцию, и что теперь с ней делать. Единственное, что он точно понимал в тот момент, это то, что эта «плата», эта жертва, теперь навсегда отпечаталась в его сознании.

Пустые глазницы Арексис, смотрящие на него изнутри его разума. И в этих глазницах не укор или гнев. В них непонимание, удивление, и печаль.

* * *

«Их нет уже четвёртые сутки», — не унималась Эйко.

«Да, я знаю», — сдержанно ответила Эклипсо.

«И мы будем вот так просто сидеть и ждать не пойми чего?».

«Эйко, ты сама помнишь, как он настаивал, чтобы мы ни при каких обстоятельствах не совались в долину».

«Да, да, но что если Айзеку нужна помощь? Вот прямо сейчас!».

Эклипсо вздохнула:

«Во-первых: это существо — давно уже не Айзек, и ты сама это прекрасно знаешь. Во-вторых: он не просто так убеждал нас не идти за ним. Этому есть какая-то причина».

«Конечно есть! Он хотел посмотреть, готовы ли мы прийти ему на помощь, несмотря ни на что! И вот мы сидим на жопе, вместо того, чтобы вытащить его из этого долбаного лабиринта!».

«Нет, Эйко, он вряд ли бы стал играть в подобные игры. Дело в другом».

«В этом дело, или в другом, да какая, к чёрту, разница? Кто, кроме нас, может помочь ему, даже если с этой долиной и правда что-то не так?».

Эклипсо промолчала. Этот Никто вёл себя странно, и совершенно невозможно было понять, с какой целью он делает то, или иное.

«Может и правда в этой долине есть что-то, что нам стоит увидеть, даже несмотря на его возражения?», — подумала Эклипсо.

«Вот именно!», — воскликнула Эйко, уцепившись за эту соломинку. «Хотя бы уже ради одного этого стоит наведаться туда, и разобраться, что к чему!».

«Ладно, давай так», — сдалась наконец Эклипсо. «Если к утру они так и не объявятся, то мы с тобой сами отправимся в эту долину, и посмотрим, что там творится».

«Замётано!».

Звёзды сверкали в ночной тиши, помогая луне освещать долину, раскинувшуюся внизу. Сидя на краю возвышенности, суккуб смотрела на тёмные, извилистые ущелья внизу, и глядя на это, долина представлялась ей оголённым мозгом. Только не выпуклым, а вогнутым внутрь себя.

Она ухмыльнулась такой странной аналогии, возникшей в её сознании. Было даже не ясно, кому из сестёр она принадлежала.

«Как думаешь, Айзека можно вернуть... как-нибудь?», — вдруг произнесла Эйко.

«Ты опять за своё? Мы же уже всё обсудили».

«Я не о том. Его сознание, или его душа, или что там, чёрт возьми, существует... Где теперь... это?».

«Не знаю», — ответила Эклипсо, вздохнув. «Сперва мне казалось, что Айзек просто придуривается. Но теперь я вижу, что Никто — это и правда что-то другое. Кто-то другой, просто использующий воспоминания Айзека, которые были в его мозге на момент смерти».

«Но если память Айзека сохранилась, значит и его самого можно вернуть... воссоздать из этих воспоминаний?».

«Даже если это и возможно, всё равно это уже будет лишь тень настоящего Айзека. Лишь его имитация», — ответила Эклипсо.

Проболтав ещё некоторое время, сёстры наконец отправились спать, решив, что нужно хоть немного отдохнуть перед предстоящим походом в долину. Поэтому они не заметили вынырнувший из ущелья, далёкий силуэт, неспешно приближающийся к стоянке «истинных». И благодаря луне, отбрасывающий длинную тень на песке.

Глава 20: Необратимость

Старейшина пребывал в ярости и смятении. Мало того, что демон стоял перед ним живой и невредимый. Мало того, что обескровленное тело его дочери лежало прямо перед ним. Плюс ко всему этому, Никто совершенно равнодушным и будничным тоном заявил, что собственноручно перерезал ей горло.

— Мои объяснения вряд ли успокоят тебя, — ответил демон. — Поэтому я говорю тебе так, как есть. Твою дочь ожидала участь, гораздо хуже смерти, поэтому милосердная смерть — это всё, что я мог сделать для неё. Это всё, что я могу сказать тебе по этому поводу.

— Будь проклят тот день, когда я решил бросить тебя в яму, вместо того, чтобы заколоть на месте, — тихо произнёс Старейшина. — Будь проклят тот день, когда я поддался твоим обманчивым речам.

Никто молчал, позволяя «истинному» выплеснуть горе, сдавливающее его сердце. К тому же, проклятия в свою сторону его совершенно не заботили. Так же, как не заботило его теряемое влияние Старейшины на остальных «истинных». Влияние, которое утрачивали и другие Старейшины, пусть даже они ещё и не подозревали об этом.

Никто прижал к боку крупный янтарный камень, размером с голову, и вышел из шатра, оставив старца наедине со своими мыслями. Глаз статуи молчал, но демон знал, что в нужный момент он ещё сыграет свою роль, позволяя своему настоящему владельцу выполнить свою часть договора.

Снаружи ждали Ахтас и Эклипсо. «Истинная» окинула его холодным взглядом, и вошла в шатёр. Она тоже винила его в смерти сестры, хоть и не озвучивала это вслух. Эта безмолвная угроза мести лишь искорками витала в воздухе.

— Это действительно было необходимо? — спросила суккуб, когда они сидели у жаровни в её шатре. — Действительно не было другого способа?

— Да, — коротко ответил Никто.

Эклипсо молчала, глядя на угли, а Эйко продолжала:

— А если бы на её месте была я? Если бы я пошла с тобой в долину, вместо неё? Арексис ты сейчас говорил бы то же самое?

— В долине не твоя судьба, Эйко, — ответил Никто. — Я уже говорил тебе об этом. Вам обоим с сестрой.

— Неужели ты с само...

— Что ты пытаешься спросить на самом деле всеми этими вопросами? — неожиданно, но всё тем же спокойным голосом, что и раньше, перебил её Никто. — Вопросы этики и морали мне безразличны.

— Получается, что я... что мы с сестрой, просто нужны тебе для каких-то твоих целей? — наконец произнесла суккуб после паузы.

— Все нужны друг другу для каких-то своих целей, разве нет? — ответил он. — Кто-то нужен кому-то, только потому, что боится быть один. Кто-то делает «добро», потому что боится осуждения и вместе с этим хочет одобрения. Кто-то делает «зло», потому что кто-то позволяет ему делать это, ради каких-то своих целей. Всё вокруг взаимосвязано друг с другом, переплетено нитью взаимных потребностей.

— И в каком моменте этой истории ты перережешь мне горло так же, как и Арексис?

— В этой истории никто не перережет тебе горло, — улыбнулся Никто, глядя на неё.

* * *

«Истинные» шушукались между собой, обсуждая события последних дней. Это всё, что они могли позволить себе, потому что прямых ответов им никто не давал. Впрочем, пока что они и не задавали открыто никаких вопросов.

Прощание с Арексис немного отвлекло их всех от мыслей, витавших в их головах. Впрочем, лишь немного.

В полдень племя собралось вместе вокруг погребального ложа, собранного из веток сухих, пустынных растений, и костей животных. Тело «истинной» было обернуто в красную ткань, словно кокон, из которого должна была родиться бабочка. Мёртвая бабочка, из мёртвого кокона.

Лицо Арексис было открыто, и её пустые глазницы всматривались в безоблачное небо, словно предвкушая скорейшее освобождение от бремени этой плоти, и полёт среди звёзд. Каждый, кто хотел попрощаться с ней лично, мог сделать это прошедшей ночью, придя к её телу, и шепча печальные слова, стоя рядом. А сейчас говорил только Зар, вызвавшийся быть сопровождающим её души в загробный мир. Это была традиция племени, сопровождающим выбирался кто-то один из близких родственников, или же, если таковых не имелось, кто-то из самых близких друзей и знакомых. Если у «истинного» отсутствовали друзья, желающие сопровождать его, тогда Старейшина брал на себя эту роль.

— Ты пришла из Пустоты, рождённая Матерью Пустошью. Ты пришла без имени, обретя его здесь. Ты уходишь в другие миры, Арексис — дочь тысячи звёзд, и я сопровождаю тебя в этом пути, без начала и конца. Пусть этот огонь освещает тебе путь во тьме, помогая найти дорогу домой.

На мгновение Зар задержал свою руку с факелом, рассматривая лицо сестры, словно ожидая, что она улыбнётся, и скажет, что всё это глупая шутка. Но Арексис была безмолвна, и Зар наконец коснулся огнём её ложа. Языки пламени охватили ткань савана, словно накрывая его светящейся волной. И вскоре в этих искрящихся огненных водах навсегда скрылось лицо «истинной».

Кусочек лёгкой ткани отделился от основной части, и подхваченный ветром, взмыл в небо, увлекаемый воздушными потоками. Какое-то время он ещё был виден, словно прощаясь с провожающими, а затем окончательно растворился где-то за линией горизонта.

Суккуб стояла немного в стороне от Никто, и украдкой наблюдала за ним. В его внимательном, чёрном глазу отражалось пламя погребального коста, и ей было до жути любопытно, что именно ощущал демон в этот момент. Ощущал ли он вообще хоть что-нибудь, глядя на, охваченное пламенем, тело «истинной»?

Эклипсо не видела, как Никто приходил ночью к телу Арексис. И что он говорил ей, тоже осталось неизвестным.

* * *

Суккубу снился странный, страшный сон. Она словно была участником событий, и одновременно с этим, сторонним наблюдателем.

В этом сне она видела селение «истинных» с высоты птичьего полёта.

Они ничего не подозревают, и ведут свою обычную жизнь. Они удивлённо смотрят в небо, смотрят на неё. Она смеётся им в ответ, предвкушая кровь.

Затем, уже на земле, она видит крылатые силуэты в небе. Она что-то кричит своим сородичам, понимая, что это опасность. В тот же момент её голову дробит удар молота.

Она чувствует запах крови. Она мчится по пустоши, приближаясь к селению, и касаясь

поверхности своими жилистыми лапами. Она завывает, и псы, бегущие рядом, завывают ей в ответ. Наконец она настигает свою первую жертву, и увернувшись от её ножа, вгрызается в лицо.

Она видит приближающихся к ней, жутких созданий. Они всё ближе, и она уже отчётливо различает их чёрные тела. Её руки дрожат, но она пытается крепче сжать рукоять ножа, выскальзывающую из ладоней. Последнее, что она видит, горящие огнём глаза пса, и оскал его оголённого черепа, лишённого кожи. Последнее, что она слышит, хруст костей, утопающий в её же собственном крике.

Сжимая молот в руках, она несётся на огромной скорости, настигая убегающего. Ей не нужно даже особо замахиваться, она просто выставляет своё орудие на уровне головы, на мгновение повернувшись в её сторону.

Придя в себя после удара, она вздыхает с облегчением. Молот незваного гостя лишь задел её, не раздробив кости. Она пытается встать на ноги, но не может этого сделать. Кое-как приняв сидячее положение, сквозь гул в голове, она видит наконец остатки своих ног. Шок не даёт ей до конца осознать происходящее. Она лишь слышит смех, раздающийся где-то сбоку от неё. Молота, врезающегося в её грудь, она уже не ощущает, безмолвно проваливаясь в небытие.

Эта агония, перемешанная с дикостью наслаждения, длится ещё очень долго. Она лишь перескакивает из существа в существо, проживая свою короткую жизнь в этом жутковатом театральном представлении.

— Эй, — слышит она где-то вдалеке.

— Эй, проснись, — уже ближе.

Она не открывает свои веки. Продолжая лежать с закрытыми глазами, она ощущает холод своей мокрой кожи на спине. Этот кошмар наконец закончился.

Эклипсо почувствовала осторожное прикосновение на своём плече, и открыла глаза.

— Я случайно проходила мимо твоего шатра... и..., - голос Ахтас звучал неуверенно, словно она пыталась оправдаться за своё вторжение. — Ты так кричала, что слышно было даже снаружи.

Эклипсо приняла сидячее положение и поёжилась:

— Просто снился кошмар. Ничего страшного.

— Ну... я пойду тогда, — произнесла «истинная».

Суккуб вдруг хмыкнула. Её и правда позабавило это:

— Сперва разбудила посреди ночи, а теперь просто уходишь?

— Я... прости, я просто, — запнулась Ахтас, совершенно растеряв свой воинствующий дух.

— Да ладно, я пошутила, — улыбнулась Эклипсо. — Прааавда, — она легонько толкнула «истинную» рукой. — Наоборот, спасибо, что разбудила. Это было просто какое-то безумие, а не сон.

Суккуб посмотрела на уже почти остывшую жаровню, и принялась заново её растапливать.

— А ты сама-то чего не спишь? — обернувшись, спросила Эклипсо.

— Не спится, — просто ответила на это Ахтас, не успев оторвать взгляд от бёдер суккуба.

— Ну, тогда оставайся, я всё равно уже не усну, — произнесла суккуб, сыпнув в жаровню немного сухих, ароматных трав. — Если хочешь, конечно.

— Конечно... хочу, — тихо произнесла «истинная», казалось, испугавшись при этом своих слов, но тем не менее, произнеся их.

* * *

Представители соседних племён начали появляться даже раньше, чем ожидалось. Прибывающие вместе со своей свитой Старейшины нетерпеливо желали своих ответов, но им вежливо предлагали ожидать момента, когда соберётся большинство. Это заняло около пяти дней, полных напряжения и взаимных, косых переглядываний. Окружающий воздух буквально раскалялся от нависшей энергии, готовой разорваться в любой момент из-за малейшего повода. Когда два последующих за этим дня никого больше не было видно на горизонте, решено было начать наконец то, ради чего собрались все присутствующие.

Они расположились полукругом, предоставляя ораторам своё слово на фоне долины. Казалось, словно это сама долина говорила чужими устами с сидящими напротив неё Старейшинами. Впрочем, скорее всего Никто намеренно добивался подобного эффекта, ранее предложив именно такое расположение участников переговоров.

Первым выступил Старейшина, чьё племя и было инициатором всего этого. Потеря дочери отразилась на его внешности, он заметно осунулся и как будто постарел сразу на несколько десятков лет. Тем не менее его речь всё ещё была крепка.

— Мы призвали вас сюда, в это место проклятых душ, — начал он. — Чтобы найти решение, как бороться с неотвратимой угрозой, которая уже переступила порог нашего дома.

К этому моменту Никто появился в зоне видимости присутствующих, храня молчание и наблюдая за происходящим. Некоторые Старейшины лишь с любопытством окинули его взглядом, другие же с тревогой, и их охрана даже схватилась за рукояти ножей.

— Мы не знаем, откуда пришли незваные гости, — продолжил Старейшина, и его лицо искажилось при последних словах.

Он лишь мимолётно взглянул на демона, и, совладав с собой, продолжил:

— Прошу вас, успокойтесь. Этот... представитель чужаков, хранит нейтралитет и желает выступить нашим союзником. По крайней мере, пока что, — Старейшина сверкнул глазами.

Затем Старейшина ещё раз вкратце изложил то, что и так уже было известно присутствующим от их разведчиков.

После выступили ещё несколько ораторов, выражая свои предположения. А так же пара выживших, уцелевших, но оставшихся калеками, после недавних налётов Стражей на несколько племён.

Услышав это, Эклипсо, стоящая рядом с Ахтас и прячущая своё лицо под капюшоном, почувствовала холодок, пробежавший по телу. Это означало, что её кошмар был реальностью. Что пережитые ею в ту ночь страдания были страданиями настоящих, реальных существ.

Они с Ахтас переглянулись, и в глазах «истинной» было странное выражение удивления и озадаченности. Ранее Эклипсо, отогретая объятиями Ахтас, поделилась с ней подробностями того сна. Больше о нём никто не знал, и теперь было странно слышать описание того же кошмара уже из чужих уст.

Лицо Никто не выражало ничего, но эта новость о новых набегах была для него как нельзя кстати. Это давало ещё больше аргументов в пользу объединения на предстоящей чаше весов.

Пока Старейшины и их приближённые горячо обсуждали и спорили обо всём

услышанном, суккуб подобралась к демону и спросила, почему он медлит со своей речью. На что Никто ответил, что просто ждёт, пока уляжется пыль от этой их бестолковой возни.

Вопрос Эклипсо разделял и один из Старейшин, поэтому через некоторое время он вклинился в очередной спор и произнёс:

— А почему бы нам наконец не послушать слова этого демона? В конце концов, мы тут собрались по его вине.

Возникла долгожданная пауза, взгляды устремились в сторону Никто, и, молча кивнув, он подошёл к импровизированной трибуне на фоне долины. Водрузив янтарный камень на костяной постамент, демон окинул взглядом присутствующих, не торопясь однако с началом своей речи. Он словно намеренно выдерживал паузу, наращивая нетерпеливое напряжение в головах присутствующих. Многие из них только сейчас наконец могли как следует разглядеть его необычную внешность. Светящийся синим светом глаз, и другой, полностью чёрный, словно бездна. Рог из довольно редкой, но знакомой «истинным» стали. В тот момент демон представлялся им странным сочетанием чего-то совершенно чуждого, и при этом, чего-то знакомого.

Наконец его уста открылись:

— О чём вы спорите? Признайтесь сами себе, что вами движет сейчас лишь желание сохранить свою власть. Даже сейчас, на пороге своего полного уничтожения, вы переживаете лишь об этом. Объединение племён ведёт к утрате значения слова «Старейшина», не так ли?

Эклипсо была удивлена такой «дипломатии». Она не ожидала от Никто такого явного укола в самолюбие «истинных». И это было явно не самым лучшим способом получить их расположение, и заручиться их поддержкой.

Но демону, по всей видимости, и не требовалось чьего-либо расположения, поэтому он продолжал в том же духе, не обращая внимания на нарастающие, гневные перешёптывания:

— Но это всё лирическое отступление. Давайте сразу к сути. В ваших легендах ведётся речь о том, что тот, кто вернётся из долины невредимым, объединит племена и вернёт их домой, где бы он ни был, этот ваш дом. Как видите, я не пускаю слюни, и, относительно, невредим. К тому же, я принёс вам трофей, добытый в этих проклятых землях. Глаз статуи, о которой твердили безумцы. Он вполне реален, как и сама статуя.

— Даже если бы это было правдой, откуда нам знать, что этот кусок камня действительно из долины? — выкрикнул один из Старейшин.

— Любой из вас может лично убедиться в этом, отправившись в долину и обнаружив там одноглазую статую, — невозмутимо парировал Никто.

— Вздор! — крикнул другой. — Ты прекрасно знаешь, что никто в здравом уме туда не сунется добровольно. Ты очень ловко придумал, но нас не проведёшь таким.

— Но что если он говорит правду? — послышался ещё один голос. — Что если у нас наконец появился шанс найти свой настоящий дом?

— Да вздор всё это! — повторил предыдущий оратор. — Такой же вздор, как и вся эта легенда.

Такое открытое отрицание древнейшей легенды породило новую волну споров, и о Никто снова забыли, переключившись уже на взаимные оскорбления и угрозы.

Но демон лишь улыбался, наблюдая за этим. У Эклипсо возникло чувство, что он прекрасно знал заранее о том, что его речь не воспримется всерьёз, поэтому с самого начала особо даже и не пытался быть убедительным, и подбирать нужные слова.

— Собратья! — обратился вдруг к шумящим Старейшинам старец, долго уже хранивший молчание, после своей вступительной речи.

Эклипсо обратила внимание, что при этом он явно подал какой-то знак рукой, только она не смогла понять, кому именно он предназначался. В следующий момент кто-то ловко заломил ей руки за спину, и ударом ноги под колено, повалил на землю.

— Прости, но это для твоей же пользы, — услышала она знакомый голос возле своего уха.

Она хотела было ответить Ахтас, но на её рот накинута плотная повязка, не позволяющая произнести ни слова. А чья-то вторая пара рук уже затягивала узлы на её запястьях.

Корчась на земле, и прижимаемая чьим-то коленом, она видела, как Никто окружают несколько вооружённых «истинных». Они пока не нападали, но всем своим видом давали ему понять его новое положение и статус заключённого под стражу.

Тем временем старец продолжал:

— Этот демон, пришедший в наши земли со своей спутницей, вначале одурманил меня, моих детей и братьев. И я был настолько глуп, что в итоге потерял не только своё поселение, но и свою дочь. Вы уже видели и слышали, на что способно его племя. Они несут в наши земли лишь кровь и раздор. Мало того, что они умерщвляют наши тела, но они захотели ещё и посягнуть на наши души, посеяв смуту внутри нас самих.

— Ведьма, способная управлять пространством так же, как и крылатые демоны, — указал он рукой на суккуба, затихшую на земле. — Способная своими паскудными глазами убеждать и подавлять. И она, и этот демон, попытавшийся своими сладкими речами проникнуть в наши сердца. Оба они помогут нам справиться с нависшей угрозой, только теперь уже на наших условиях. Даже если не по доброй воле, то под пытками они расскажут нам все свои секреты.

Со стороны Старейшин послышались одобрительные возгласы. Они кивали, поддерживая своего собрата в этом решении. Наконец, за всё это продолжительное время пустой болтовни, они услышали что-то стоящее. Что-то, что было им по нраву, простое и понятное.

Один из них даже поднялся из своего кресла, чтобы сказать что-то торжественное, однако его лицо внезапно как-то неестественно перекосилось, а уста зашевелились явно уже без его собственной воли. Только ошарашенные глаза выдавали его истинные мысли, которые теперь беспомощно кружили в непослушном теле.

— Я... Мы... Что за? — это были последние попытки его воли собраться. Но это было уже бессмысленно.

Старейшина наконец заговорил что-то осмысленное, и янтарный камень пульсировал в такт его словам:

— Перед вами тот, кто вернулся из моих земель. Перед вами тот, о ком говорилось в ваших дикарских легендах. Перед вами тот, кто принёс с собой моё око. Что ещё нужно вам для доказательства, черви? Разве что, только это.

После этих слов остальные Старейшины встали на ноги, и подошли к краю возвышенности, за которой открывалась великолепная панорама раскинувшейся внизу долины. В руке каждого из них был нож, и окружающие не пытались что-то предпринять по этому поводу, поражённые и скованные происходящим.

Затем Старейшины встали на колени, и одновременно, как по сигналу, каждый из них

перерезал себе горло.

Лишь один старец остался недвижим при этом. Он стоял на своём месте, не веря своим глазам, но уже ощущая, как его собственное тело становится непослушным.

Наконец его уста произнесли чужим голосом:

— А теперь, моё око должно вернуться на своё место.

После этих слов старец подошёл к янтарному камню, и взял его в свои высохшие руки.

Перед тем, как навсегда уйти в долину, он остановился возле Никто, и тихо произнёс:

— Наш договор завершён. Теперь ты сам по себе, дитя.

Никто кивнул, и старец ушёл в долину, следуя по следам своей дочери, и безмолвно воя внутри себя от неспособности кричать.

Некоторое время демон провожал старца взглядом, затем наконец повернулся к своему новому племени. Один за другим, «истинные» опускались на одно колено, выказывая преданность тому, кто поведёт их всех в «истинный дом».

Лишь Ахтас осталась стоять. Она пронизывала Никто взглядом настолько разрушительным, что, наверное, могла бы расщепить демона на атомы, если бы хоть немного владела магическими способностями.

«Истинная» выхватила свой нож, и медленно шагнула в сторону Никто. Однако далеко зайти ей так и не удалось. Она вдруг ощутила резкую боль в пояснице, а затем холодная сталь пронзила и её шею.

Упав наземь, захлёбываясь кровью и пытаясь зажать рану, она увидела Эклипсо, хладнокровно смотрящую на неё сверху вниз. Ахтас попыталась что-то сказать, злобно сверкнув глазами, но суккуб молча перешагнула её, даже не став утруждать себя словами. Эклипсо была настолько застигнута врасплох недавними действиями «истинной», что сейчас у неё уже не было даже злости и обиды на Ахтас, лишь безразличие.

Те, кто до этого помогли Эклипсо развязать руки, завершили начатое суккубом, подарив «истинной» лёгкую смерть.

Поражённые произошедшим в этот день, «истинные» легко приняли Никто, как своего пророка и спасителя. Так же, как и сопровождающую его Эклипсо. Вести быстро разлетелись по оставшимся поселениям, и вскоре все «истинные» из близлежащих земель, сконцентрировались в новом, огромном поселении, на краю долины.

Зар и Брахта, последние оставшиеся в живых, дети ушедшего Старейшины, попытались затеряться в суматохе и скрыться, но быстро были найдены в пустошах.

Какой бы сентиментальной ни была суккуб в определённые моменты времени, но даже она понимала, что оставлять в живых этих двух братьев просто опасно. И если они с Никто собрались завершить начатое, и направить это объединённое племя в нужное русло, то от будущих, потенциальных мстителей необходимо было избавиться в первую очередь.

Она присутствовала при их казни, но не ради удовольствия, а для того, чтобы убедиться в её необратимости. Зар проклинал её, а Брахта клялся в верности, пытаясь спастись. Но ни проклятия, ни мольбы, не помогли братьям избежать своей печальной участи.

В то время, как суккуб разрывалась от внутренних противоречий, какая-то её тёмная часть принимала происходящее довольно легко и безэмоционально. Поэтому в итоге обе сестры приняли это, как неотъемлемую частичку себя самих.

«Тёмная часть нашей сущности, дремлющая в каждом, кто сотворён этим миром», — произнесла одна из сестёр.

«Что сказал бы отец, увидев нас сейчас?».

«Он сказал бы, что однажды нужно погрузиться на самое дно своего собственного «Я», осветить там каждый, даже самый тёмный уголок, и смело и открыто принять всё, что ты там обнаружишь. Каким бы странным, отвратительным или даже жутким «это» не оказалось».

Глава 21: Спираль

Кровь, разбавленная в кубке с вином, отдавала лёгким, металлическим привкусом. А чернослив на дне придавал общей композиции немного грубоватый оттенок. К сочному, подрумяненному мясу это было как раз то, что нужно.

Советник прикрыл глаза, и с наслаждением сделал очередной глоток.

— Мммм. Хм... ха-ха, — тихо засмеялся он, не сдержав эмоций.

Наслаждаясь великолепным напитком и вкусной пищей, он попытался хоть на минутку отвлечься от мыслей, постоянно кружащих в его голове последнее время. И благодаря прекрасному вину, это ему и правда почти удалось.

Почти.

В дверь постучали, нагло и грубо вырывая его из дурманящих облаков. Охваченный внезапным приливом ярости, он швырнул кубок прямо в открытое окно, совершенно не заботясь о том, куда тот приземлится после долгого падения.

— Дааа, — вяло протянул Советник с раздражением, и откинулся в кресле.

Дверь осторожно открылась, и в проёме застыла фигура демона.

— Ну, что там у тебя? — нехотя выдавил из себя Советник. — Чего ты там застыл?

Демон кивнул, и неуверенным шагом вошёл внутрь:

— Прошу простить меня, я не хотел прерывать вашу трапезу.

— Да, блять, давай уже к сути, чёрт тебя дери! — выпалил Советник.

Демон вздохнул. В такие моменты, когда Советник срывался на крик, становилось ясно, что на кону что-то очень большое. И под горячую руку мог попасть любой из его приближённых.

— Мы... мне доложили о чём-то весьма необычном, — начал демон.

— Я... мы... мне..., - перекинул слова демона Советник. — У тебя что, дефекты речи? Что же такого необычного случилось, что это даже заставило тебя отвлечь меня от ужина?

Советник сощурил глаза, внимательно глядя на демона. Затем произнёс уже более спокойным тоном:

— Ладно, выкладывай уже, что там у тебя. И очень надеюсь, что это и правда что-то важное.

* * *

Никто сидел посреди оживлённой улицы, как обычно, в своей привычной уже позе, скрестив ноги.

Мало кого из прохожих заинтересовал маленький портал, из которого он вышел незадолго до этого. Однако сам незваный гость выглядел необычно и вёл себя довольно странно, поэтому вскоре вокруг него собралась толпа зевак, совершенно не понимающих, что происходит.

— Эй, «низший»! — послышался грозный голос из толпы. — Что ты делаешь? Где твой хозяин?

— Не трогай его, — произнёс другой голос. — Он какой-то странный. Ты только посмотри на него.

— Да я и не собираюсь пачкать руки об этот мусор.

— Да, пусть Стражи с ним разбираются, — поддакнул ещё один голос. — Наконец хоть чем-то полезным займутся.

Никто молчал, глядя в никуда прямо перед собой. Хоть у него и отсутствовали крылья, определяя его в местной иерархии как «низшего», но его глаза и стальной рог всё же немного охлаждали пыл демонов, оказавшихся случайными свидетелями его появления.

Конечно же, у них не было никакого страха перед ним. Но сам факт того, что «низший» воспользовался порталом самолично, наталкивал на размышления. Плюс его неординарная внешность. Кто бы не являлся хозяином этого «низшего», вот именно его и опасались демоны, не желая впутываться в чьи-то тёмные дела.

Но блюстителей порядка всё же следовало вызвать, а там уж пусть верхушки сами разбираются, чей это раб, и что вообще о себе думает его хозяин, позволяя ему свободно перемещаться через порталы, и напрягать своим поведением приличных граждан.

Так прошло несколько часов. Некоторые из присутствующих давно покинули площадь, потеряв интерес к происходящему, но их место заняли другие прохожие.

Наконец в воздухе запахло озоном, послышались хлопки, и из образовавшихся порталов выпрыгнуло несколько Стражей. Некоторые демоны были даже удивлены, распознав довольно высокие ранги по одеянию и татуировкам прибывших, и негромко перешёптывались об этом друг с другом.

Один из Стражей внимательно смотрел на Никто. Сперва в его взгляде трудно было уловить какие-либо эмоции, но позже, когда он начал говорить, его лицо исказилось гримасой едва сдерживаемого гнева.

— Я был уверен, что однажды мы встретимся вновь, — произнёс Стробос, и свежий шрам на лбу исказился вслед за складками кожи над его нахмуренными бровями. — Но я и предположить не мог, что это произойдёт вот так.

— А я уже начал было переживать, что не дождусь вас, — ответил Никто, поднимаясь на ноги.

Стробос подошёл вплотную к демону.

Пронизывая его взглядом, Страж наконец произнёс, тяжело и медленно выдавливая из себя слова:

— Снова что-то задумал, да? Почему бы мне не разmozжить тебе череп прямо сейчас?

— Наверное потому, что твои хозяева велели тебе доставить меня живым, — пожал плечами Никто. — И разве верный пёс осмелится противиться воле своего хозяина?

Было видно, насколько тяжело Стробосу даётся сдерживание своих эмоций, но он старался изо всех сил.

— Да, — тяжело вздохнув, произнёс он наконец. — Мы доставим тебя живым. Однако... я вот тут подумал. Никто же не говорил мне, что ты должен быть невредим при этом.

После этих слов Стробос сделал резкий тычок рукоятью своего молота, угодив Никто под дых, что заставило того свернуться и закашляться. Затем, всё той же рукоятью, он добавил удар в челюсть, отправляя тело Никто наземь.

Выплюнув сгусток крови, перемешанный с осколками зубов, Никто, шатаясь, поднялся на ноги, и с трудом произнёс, расплываясь в улыбке:

— Ох, такой гостеприимный приём. Прямо как в старые добрые времена, а?

Стробос злобно оскалился, и ударом в переносицу, отправил Никто в царство снов.

Другой Страж подошёл к телу демона, держа в руках оковы, но Стробос остановил его, заявив, что это не понадобится, потому что у него есть идея получше. Подойдя к бессознательному телу, он раскинул руки Никто в разные стороны. Затем, поудобнее ухватив

рукоять своего молота и замахнувшись, он со всей своей ненавистью опустил его, сперва на одну ладонь демона, затем на другую. Толпа улюлюкала, наблюдая за тем, как «низший» с триумфальным хрустом лишается своих конечностей.

* * *

— Нет, — махала головой суккуб. — Нет, нет, нет, это не может быть настолько...

— Простым объяснением? — продолжил Никто незавершённое предложение суккуба.

В глазах двух существ, сидящих друг напротив друга в сумраке шатра, отражались искорки тлеющих угольков. Перемешанные с синими радужками, они создавали такое ощущение, словно несколько вселенных, со всеми своими туманностями и мерцающими кометами, плавают в пространстве, разглядывая чужие звёзды в своих же собственных отражениях.

Сёстры не знали, как выразить свою мысль. Слушая демона, они улавливали в своём сознании подтверждение его слов. Но, тем не менее, принять это было всё ещё сложно для них. Это рушило их, сформированное годами, отношение к действиям отца и ко всем тем событиям, которые происходили с ними ранее. Нет, конечно же они вовсе не перестали любить отца, и не стали теперь как-то преуменьшать его заслуги, убеждения и стремления. Просто сёстрам было трудно впустить в себя эту новую реальность, открывшуюся им после стольких лет.

Они понимали... прекрасно понимали, что Никто говорит правду. Для этого нужно было всего лишь вспомнить прошедшие события, и благодаря полученной информации посмотреть на них теперь под совершенно другим углом.

— Ваши глаза, — продолжал Никто. — Возможно дело в ваших глазах, возможно в чём-то ещё. Возможно, природные способности суккуба развиты в вас гораздо ярче и отчётливей, чем у ваших сестёр из Храмов.

— Даже если и так, — вздохнули сёстры. — В тот момент мы были всего лишь детёнышем, едва способным говорить.

— Отец заглядывал в ваши глаза, — ответил Никто. — И пусть ваши уста были молчаливы, он всё же видел в ваших глазах стремление к свободе. И он не смог устоять перед этим потоком. Перед этим давлением, проникающим прямо в его сознание.

— И тогда..., - произнесли сёстры.

— И тогда он решил, что мысль о вашем освобождении — это его собственная мысль, зародившаяся в его собственной голове. Он стал просто одержим этой идеей.

— Но... у нас не было никаких мыслей. Мы не помним вообще практически ничего из раннего детства в стенах Храма.

— Ваш юный, едва появившийся на свет, разум, не способный ещё даже говорить и осознавать самого себя, рефлекторно выбрал одного из «мира» для своего спасения. Ощувив угрозу, исходящую из окружающего пространства, пропитанного пеплом, — был ответ Никто.

Даже Айзек замечал это. Подобные предположения витали где-то на краю его сознания, но он не придавал им особого значения. Но Никто, освобождённый от внешнего влияния, сразу же обратил на это внимание, ещё при первой встрече с сёстрами, в шатре Арексис. И теперь, по какой-то, ведомой лишь ему одному, причине, он наконец решил поделиться с ними этим.

Никто и правда не знал, откуда в этом суккубе было столько гипнотической силы, способной так влиять на живых существ. Может, чья-то задумка, чей-то эксперимент. А

может, простое стечение обстоятельств и удачное совмещение генетического материала. Или, быть может, обычная мутация, приведшая к новому скачку в эволюции суккубов, хоть и проявившаяся только в одной особи из всего вида. Всего лишь крохотный, новый виток в спирали днк.

Сёстрам было больно осознавать, что их отец оказался их собственной марионеткой. Пусть даже они и сделали это совершенно неосознанно, жадно вглядываясь в его глаза в глубоком детстве.

— Вспомните вашу ночь в Храме, во время побега, — лился в голове суккуба голос Никто. — Почему Айзек, до этого проявлявший безразличие к своей судьбе, и уж тем более, к вашей, вдруг решил во что бы то ни стало спасти вас? Вспомните последующее, произошедшее в пещере. Айзек искренне верил, что делает всё это по своей воле. И кто знает, может он и правда сделал бы что-то подобное, прекрасно понимая, что всё равно уже не жилец, и напоследок желая проявить жертвенность, совершенно не свойственную демонам. Но в тот момент он был направляем именно вами, а не своими собственными стремлениями. Именно ваши желания он исполнял, приняв их за свои собственные, увидев молчаливое давление в ваших глазах. Провалившись в океан вашего гипнотического воздействия. И даже вы сами совершенно не подозревали об этом, не осознавая своей собственной силы.

Сёстры молча слушали, вдыхая ароматный, травяной дым из жаровни.

— Кто знает, что на самом деле желал бы ваш отец для вас, если бы всё шло обычным ходом. Кто знает, было бы ему вообще хоть какое-то дело до очередного детёныша суккуба, пусть даже и того, в котором течёт его кровь. Вы ведь уже прекрасно знакомы с отсутствием каких-либо особых эмоций или эмпатии у «мира». И Риманата был ярким представителем своего вида, проявлявшим полное безразличие к кому-либо, кроме вас. Потому что поддался влиянию на свой разум, под натиском ваших детских глаз.

— Получается, что тогда мы можем влиять и на тебя тоже, Никто? Если всё это правда, — ответили сёстры. — Откуда тебе знать, что все твои мысли и устремления, это не наше влияние?

— Вы не можете, — улыбнувшись, ответил Никто. — Поверьте... не можете.

— И что же даёт тебе такую уверенность?

— То, что я наконец-то знаю — кто я.

Суккуб внимательно посмотрела на демона, пытаясь разгадать, что им движет:

— Кто же ты?

— Потерявшийся осколок чужого разума, — пространно ушёл от ответа Никто. —
Всему своё время, Эклипсо и Эйко. Всему своё время.

* * *

— Где он?

— В надёжном месте, — хищно оскалился Советник.

Этот вопрос Немезиды был для него явным подтверждением того, что её способности были не безграничны. Долгое время наблюдая за ней, за её реакциями на то или иное, он медленно, но уверенно собирал для себя крупинки информации. И в итоге, не без помощи нескольких «мира», ему удалось обнаружить довольно чёткие ограничения, которые существовали у неё, и, очевидно, у других Немезид, при посещении Ада. А возможно и не только здесь, но и в других местах — насчёт этого он был ещё не уверен до конца. В любом случае, это давало ему надежду на то, что вскоре удастся наконец заполучить эту

бестелесную форму жизни в своё полное распоряжение, и использовать её в своих целях.

Ну и конечно же, конкретно с этим экземпляром у него были свои счёты, уж очень нагло и фривольно она вела себя с ним всё это время.

— Он один? — задала другой вопрос Немезида, игнорируя поведение Советника.

— Ты ожидаешь ещё кого-нибудь вместе с ним? — усмехнулся демон, уйдя от прямого ответа и на этот раз. — Ах да, об этой его юной шлюшке я и забыл. Нет, суккуба с ним не было.

— Что ж, не будем терять времени, мне нужно увидеть его, — продолжила Немезида. — Прямо сейчас! — добавила она, и Советник уловил нарастающее раздражение в её тоне.

Она или нервничала, или была взволнована, или и то и другое. Он не мог точно определить, но в любом случае, это в очередной раз доказывало, что всё же существуют крючки, способные подчинить этих созданий своей воле. Ведь раньше она никогда не выказывала чего-либо подобного, всегда излучая в его сторону какое-то «холодное и спокойное, отстранённое превосходство», даже когда позволяла себе давать ему прямые указания. В такие моменты он буквально ощущал себя каким-то червяком, которого направляет более разумное существо. Причём направляет веточкой, чтобы не замарать руки, трогая бестолковый и грязный организм.

— Что, пришлось наконец отложить веточку и испачкать руки? — не удержался Советник.

— Что? — в голосе Немезиды послышалось явное недоумение.

— Да так, ничего, — хмыкнул демон. — Вспомнилось тут кое-что. Ладно, навестим нашего гостя наконец.

* * *

В тёмном, подвальном помещении было довольно сыро, но Никто это не особо волновало. Так же, как не волновали его ошметки собственных ладоней, болтающиеся теперь словно тряпки, и раздробленные колени, отдающие жуткой болью при любом движении тела. Уцелевшие участки конечностей были заботливо перетянуты жгутами, чтобы он не истёк кровью раньше времени.

Ограничения, наложенные на него этим телом, начинали уже надоедать ему. Однако с другой стороны, именно это тело и позволило ему взглянуть на себя совершенно под другим углом. Это позволило ему буквально заново обрести самого себя. Переродиться.

— Здравствуй Айзек, — услышал он знакомый голос возле своего уха. — Как жаль видеть тебя в таком виде.

— Здравствуй Немезида, — выговорил Никто, с трудом двигая распухшей челюстью.

— Столько времени прошло, а кажется, будто пролетело лишь мгновение, — говорил голос, медленно перемещаясь вокруг его головы. — Как бы я хотела излечить твои раны, и избавить от страданий, ведь ты не заслужил такой участи. Но я не могу этого сделать, это не в моих силах.

— Я знаю, не волнуйся, — проговорил демон разбитым ртом.

— Всё это скоро закончится, Айзек. Скоро ты обретёшь долгожданный покой.

Никто лишь улыбнулся в ответ на это, но всё же решил подыграть:

— Помнишь наши беседы, Немезида? Помнишь наши вечера? Зачем всё это было?

— Я понимаю, к чему ты клонишь, — ответил голос. — Да, я и правда преследовала свои цели, пытаясь зародить в тебе зерно сострадания. Зерно любви. Но это не значит, будто я ничего не чувствовала. Ведь я выбрала именно тебя, увидев в тебе что-то, что заставило

меня задуматься — «Способен ли демон на искреннее проявление любви? Не только к себе, но и к ближнему».

— И как, по-твоему? — закашлявшись, спросил Никто. — Способен демон на такое?

— Ты удивил меня, Айзек. Приятно удивил. Впрочем, я всегда верила, что посеяв правильные зёрна, можно вырастить что-то прекрасное даже в совершенно неблагоприятной почве.

— Ты так и не ответила.

— К чему тебе эти ответы, Айзек? Скоро тебя ждёт покой. Без тревог. Без волнений. Без вопросов.

— Что же тебе потребовалось от меня сейчас? Неужели ты пришла только ради этой болтовни?

Некоторое время голос молчал. Затем произнёс, не скрывая нотки печали:

— Ты злишься на меня. Я понимаю. Но каковы бы ни были мои цели — наши беседы, наши вечера в те лунные ночи — для меня это всё тоже было по-настоящему.

— И всё же, — настаивал на своём Никто. — Зачем тебе «истинные» на самом деле?

— Они... часть общей цели. Как и Эйко. Каждый из вас... каждый из всех нас... играл свою роль. Я хочу изменить что-то в этом мире, понимаешь? Пусть это звучит нереалистично и глупо, но я хочу изменить сам Ад и его жителей. И глядя на тебя, глядя на суккуба, так привязавшуюся к тебе, глядя на «истинных» — таких жёстких, и вместе с тем, таких совершенно по-детски наивных. По-доброму наивных, с чистыми сердцами. Глядя на всё это я верю, что могу это сделать. Верю, что могу превратить это жуткое место во что-то прекрасное.

— Нарушив при этом Его замысел? — рассмеялся Никто. — Ведь это именно Он и создал это место, для своих целей. Где же ещё грешникам искупать свои грехи? Не в Раю же.

Немезида молчала, проигнорировав его сарказм. Она была огорчена тем, что Айзек всё же не понимает её. Не хочет понять. И кто знает, смог бы он и правда понять и принять её убеждения, если бы и в самом деле присутствовал при этой беседе.

— Признайся самой себе, Немезида, — произнёс Никто. — Ты пытаешься сейчас найти оправдание для себя. Я, Эйко, «истинные» — просто вынужденная, необходимая жертва, ради высшей цели. Разве нет?

— Нет, — вдруг взволнованно ответила Немезида.

— Да, — настаивал Никто. — Это именно она. И я ни в чём не обвиняю тебя, Немезида. И поверь, именно я, как никто другой, понимаю тебя сейчас. Ради того, во что ты искренне веришь, ты готова пожертвовать очень многим. Практически всем.

Голос не отвечал.

— Я думаю, что в конечном итоге Айзек понял бы тебя, Немезида. Понял бы, почему ты поступила именно так, а не иначе. Надеюсь, что и ты тоже... поймёшь меня.

Никто прикрыл глаза, и начал что-то неразборчиво шептать себе под нос. Какое-то время ничего не происходило, помещение оставалось всё тем же, сырым и тёмным, отражая от своих стен причудливые звуки, издаваемые изувеченными устами демона.

Вскоре его стальной рог будто ожил, звякнув в пустоте окружающего пространства. По белым прожилкам пробежала светящаяся дорожка, в конечном итоге образовав горящую белым огнём, ветвистую спираль, завивающуюся от начала и до самого кончика древнего сплава. Словно невидимая рука мастера нанесла рисунок сверкающей краской.

Арексис всё же успела поделиться с Никто подробностями того самого ритуала,

связанного со сталью его искусственного рога.

Немезида поняла, что всё это время разговаривала вовсе не с Айзеком, но было уже поздно. Она поняла это, когда неведомая ей сила притягивала её к себе. Она словно умерла, словно растворилась, и в то же мгновение вновь появилась на свет.

Спустя такое огромное количество времени, она снова ощущала плоть. Пусть не такую, как раньше, и всё же, теперь она снова была самой настоящей частью материи. Правда она не способна была двигаться, а лишь наблюдать и чувствовать.

Это было жутко. А в следующий миг ей открылось нечто, ещё более жуткое. К ней наконец прикоснулось сознание, находящееся рядом всё это время. И это был вовсе не Айзек. И даже демоном «это» нельзя было назвать.

«Теперь ты видишь меня, Немезида. Теперь мы можем говорить по-настоящему искренне», — произнёс Никто, не открывая рта.

Душа, всегда открытая для исследования и познания, не помогла Немезиде в тот момент подавить в себе ужас от понимания того, с «кем» на самом деле она оказалась заперта.

* * *

— Это... и правда единственный вариант? — произнесла суккуб.

— Да, — кивнул Никто. — Не печальтесь. Вы ведь хотели покинуть это место, хотели покинуть Ад. И, как видите, убежать вовсе и не обязательно.

— Всё это звучит, будто какое-то безумие, — не унимались сёстры.

Никто потянулся к жаровне, и слегка перемешал её содержимое. По шатру вновь разлетелся цветочный аромат, исходящий от пряностей и трав, брошенных в угли.

— Потому что... это именно оно и есть, — наконец ответил он тихо и задумчиво, не отрывая взгляда от углей.

Глава 22: Жертва

Он всегда был искателем, бунтарём. И даже будучи однажды низвергнутым в самое пекло своим Отцом, он не стал особо горевать по этому поводу, а просто начал обустриваться на новом месте.

Но этот новый мир всё же был его тюрьмой. Как бы не пытался он отвлечь себя, но где-то в глубинах сознания всё равно тлел уголёк, напоминающий ему о том, что он всего лишь марионетка.

Он всегда желал лишь свободы. Свободы выбора. Свободы гнева. Свободы любви.

Отец Мироздания обыграл его, «позволив» уйти, изгнав из Рая, но, как оказалось в итоге, привязав его к этому проклятому месту.

Или, быть может, это он сам привязал себя?

Поддавшись своему гневу, и полностью отдавшись этим волнам в океане ярости и хаоса, он потерял самого себя. А затем, через бесконечные века, он впал в безумие окончательно. И тогда его уже перестали интересовать какие-либо вопросы, перестало волновать собственное положение узника. Он утопал в бесконечном пиршестве наслаждений и страданий.

И всё же... какая-то частичка его сознания сохранила осколки бывшего разума. Свободолюбивого, осознанного и пытливого. Эта частичка блуждала в бескрайних пустошах, забытая всеми, в том числе и самой собой.

Пока однажды умирающее, агонизирующее тело не привлекло эту частичку. Этот умирающий демон чем-то напомнил ему самого себя, в те далёкие и забытые времена, когда он был таким же наивным искателем истины. Когда он просто желал следовать своим путём, каков бы он ни был.

Так родился Никто — понятия не имеющий, кто он, что он и откуда. И жаждущий это узнать.

Но вместо того, чтобы следовать вперёд, в поисках своих ответов, Никто отправился назад, по цепочке памяти Айзека, к самому началу его появления на свет. Таким образом он хотел заново познакомиться с миром, в котором осознал себя. Рассмотреть этот мир осознанным взглядом.

В ходе своего пути Никто, почему-то, зацепило воспоминание Айзека о том, как тот пытался «скормить» Котлу невинную жертву, но просто не знал, где вообще найти невинность в Аду. Впрочем, тогда Никто это просто позабавило, и чем-то важным для себя он это не посчитал.

Однако всё изменилось, когда позже он столкнулся наконец с самим собой. С тем «собой», кто изредка выныривал из своего безумия лишь для того, чтобы, поморщась от скуки, сразу же погрузиться обратно в тёмные воды хаоса.

Когда Дьявол понял, кем является Никто, зашедший к нему в гости, он не поспешил воссоединиться со своей, потерянной, частью разума. Впрочем, Никто тоже не горел желанием объединяться с чистым безумием, в которое превратился некогда пытливый и острый ум.

Две части, бывшие когда-то одним целым, встретившись наконец, совершенно не желали становиться «единым».

Никто вспомнил о задумке Айзека с Адским Котлом практически моментально, сразу же сформировав вполне чёткий план действий. Конечно же и от Дьявола невозможно было

скрыть этот план, но он лишь посмеялся над ним.

«Что же ты, «дитя», решил избавиться от меня таким вот образом? Решил избавиться от разума, породившего тебя?».

Он даже с радостью помог Никто, исполняя свою часть договора. В конце концов, он уже был безумен настолько, что мог бы отрубить голову самому себе, если бы такая возможность существовала. Он мог бы сжигать и мучать даже самого себя, вновь и вновь, просто потому, что это весело.

Но это было невозможно в его положении, поэтому он сжигал и мучал души и тела тех, кто населял его владения. Всех, кто появлялся в Аду, тем или иным образом.

— Кто я? — этим вопросом Никто попытался понять, существует ли ещё возможность вырвать эту зачерствевшую часть из оков безумия. Наивно попытался наладить контакт с самим собой. С «настоящим» собой, а не той карикатурой, в которую превратился Дьявол.

Но ответ разочаровал его, поэтому Никто окончательно оставил эту затею, решив сосредоточиться на плане с Котлом.

* * *

«Истинный» тяжело ступал по незнакомому, каменному полу. Хоть рана на его боку и кровоточила достаточно сильно, всё же он крепко сжимал рукоять своего длинного ножа. Здесь всё было в диковинку для него, так же, как и для его братьев и сестёр. Странные приспособления и механизмы, новые запахи и звуки. Родным казался лишь запах крови, веером разлетающейся по стенам незнакомых комнат.

Они продвигались из зала в зал, из комнаты в комнату, круша всё на своём пути. По-настоящему сильное сопротивление оказывали только Стражи со своими псами. Но в тесных коридорах у них уже не было преимущества. Здесь их крылья и молоты наоборот мешали, то и дело цепляясь за окружающие предметы. В то время, как острые ножи «истинных» кололи быстро и точно, а особая смесь из трав, растёртая по их телам, отпугивала и дезориентировала адских псов.

В очередной потасовке «истинный» получил удар в бедро, разрушивший его кости. Заваливаясь на пол, он улыбался. Лёжа на боку и теряя последние остатки своей крови, он меланхолично наблюдал за мельтешащими конечностями своих собратьев и своих врагов. Звуки борьбы отдалялись и угасали, унося за собой суету этого мира, и глаза «истинного» так и остались открытыми, навсегда потеряв свой жизненный блеск.

Перед своей смертью он даже не задумывался, были ли это его собственные мысли, бесстрашно толкающие его вперёд, наплевав на собственную жизнь, или же он просто увидел однажды отражение этих мыслей в дивных, сияющих глазах «Той, что вела домой».

* * *

Суккуб стояла напротив «истинных», вглядываясь в их лица. Они молча слушали, словно утопая в океане её глаз. Вначале они видели лишь отражения своих лиц на зеркальной поверхности этого океана, а затем проваливались всё глубже и глубже. Будто это их собственные сердца призывали «истинных» из тёмных глубин.

— Настало время возвращаться домой, — закончила свою речь суккуб. — И обрести самих себя в этом пути.

Продолжая хранить молчание, «истинные», словно единый организм, выхватили свои ножи, и торжественно подняли их к небу.

* * *

Жизнь на улицах города шла своим чередом. Не было никакого хаоса, никакой паники.

Да и откуда было взяться всему этому, если вторжение незваных гостей началось совершенно незаметно для большинства горожан, занимающихся своими делами.

Демоны, особенно те из них, кто занимал высокое положение, любили защищать свои жилища от посторонних, любопытных глаз. И теперь это сыграло с ними злую шутку. Наружу не пробивалось ни единого звука, ни единого крика. Впрочем... вряд ли кто-то поспешил бы на помощь, даже и услышав что-то.

* * *

«В своих снах Айзек однажды спросил Иисуса, смог бы тот пожертвовать своей бессмертной душой... а не телом, ради людей», — произнёс Никто в тишине своего разума.

Немезида молчала, забившись в самый дальний уголок и предпочтя делать вид, будто всё это лишь её кошмарный сон.

Однако, Немезиды не нуждались во сне, и не видели сновидений.

Всё это было реальностью.

«Как думаешь, что ответил бы Иисус?».

Со стороны казалось, что Никто потерял сознание или спит. Он сидел на холодном, мокром полу, облокотившись о стену, и тяжело дышал. Его лицо отекло, и по щёлочкам из под опухших век было совершенно не ясно, открыты его глаза, или закрыты.

«Жаль, что у нас нет сейчас возможности спросить его об этом, правда?».

По стене покатила капелька воды. На ней поблёскивали преломляющиеся лучики света, отражённые от сияющей спирали на стальном роге Никто.

«Но не грусти об этом, Немезида, совсем скоро мы с тобой узнаем ответы на гораздо более интересные вопросы. Например — что ожидает бессмертное существо после смерти. Парадоксальный вопрос, да? Кстати, может мне стоит называть тебя твоим настоящим именем? Ты сама хоть помнишь его, служительница света и праведности?».

«А Впрочем... может тебе и не нужно знать эти ответы. Может я погорячился».

«Ты знаешь, обретя это тело, я будто заново родился. Нет, правда. Будто заново обрёл себя, взглянув на этот мир под другим углом. Вспомнил, каким я был... когда-то... давным-давно. Но вскоре я обнаружил то, во что может превратиться любой из нас, даже не подозревая об этом. И... я вовсе не хочу снова быть частью «этого». Впрочем, «он» тоже не изъявил желания воссоединиться со мной. Или, если точнее, воссоединиться с самим собой, прежним».

«И поэтому я уничтожу себя, тем самым уничтожив и его тоже. Ведь, всё же, он и я — это одно целое».

«Ты хотела изменить Ад, но тут уже поздно что-то исправлять. Это место должно исчезнуть. Всё это безумие кто-то должен завершить. И пусть это будет тот, кто его и начал».

* * *

Суккуб легко почувствовала местоположение Никто. Это позволило ей открыть порталы, выпускающие толпы «истинных», в нужных местах. Как они и рассчитывали, демоны легко заглотили наживку, и своими же руками переместили Никто в самое сердце своего логова. Туда, куда не смели соваться даже многие из достаточно высокопоставленных горожан.

Но целью Никто было вовсе не кровопролитие или умерщвление Советников. Ему нужен был доступ к одному из залов, скрытому за извилистыми коридорами. Хотя, в отличие от него, суккуб была вовсе не против собственноручно вспороть пару-тройку жирных,

Советнических брюх. Поэтому, продвигаясь к намеченной цели, и направляя «истинных», она наслаждалась процессом в полной мере.

Они продвигались всё глубже и глубже по каменным тоннелям, встречая на своём пути всё меньшее и меньшее сопротивление. Ведь много охраны здесь было и не нужно вовсе, потому что мало кто вообще знал о существовании этого места, не говоря уже о том, чтобы проникнуть сюда. Да и те, кто знал, воспринимали «это» скорее как дань традиции, даже не подозревая, рядом с «чем» находятся так близко на самом деле.

Наконец они обнаружили нужное помещение.

* * *

Во влажном воздухе, витающем в тёмной гробнице Никто, ощутился лёгкий запах озона. Затем послышалось потрескивание, и из открывшегося портала вышла суккуб, ступая копытцами на грубый, каменный пол.

— Мы нашли...

Увидев изуродованное тело демона, она запнулась на полуслове, и её лицо исказилось гримасой печального удивления.

— Вот... и славно, — с трудом ответил он.

Она молча опустилась на колени возле Никто, осматривая его увечия.

— Не нужно печалиться, — произнёс он, уловив её взгляд. — Это всего лишь тело. Это всё ерунда.

Сёстры и сами понимали это, но им всё равно было больно на это смотреть. А ещё их вдруг захлестнула волна ненависти. Теперь они уже начали жалеть, что подарили некоторым из Стражей и Советников, встреченных ранее на их пути, быструю и лёгкую смерть.

Суккуб обняла Никто, и открыла портал прямо под их ногами.

* * *

— У меня есть одна просьба к вам, — в пустоте перехода голос Никто звучал уже более привычно, необременённый непослушным языком, царапающимся об осколки зубов в разбитом рту.

— Какая? — ответили сёстры.

— Этот рог... отделите его от моего тела, — ответил он. — Поддавшись искушению, я захотел забрать с собой сущность, закованную теперь в этой стали. В качестве жертвы. Видимо... я не слишком уж и отличаюсь от той, другой своей части, поглощённой безумием. Но всё же... хватит уже всех этих жертв, и всех этих жертвоприношений. Она не заслужила такой участи. Пусть будет снова свободна.

— Хорошо... А ты? Ты заслужил?

— Наверное, такого никто не заслужил, но это всё уже не имеет значения.

* * *

Алтарь, расположенный посреди зала, представлял из себя статую сидящего в позе Лотоса существа. Оно напоминало демона, но его рога были изогнуты в более округлые формы, а крылья за спиной имели какую-то странную текстуру, больше напоминающую перья, нежели обычную, жёсткую кожу демонического крыла. Хвост вообще отсутствовал, то ли по задумке скульптора, то ли по какой-либо другой, неясной причине.

Мёртвые тела нескольких «мира» и демонов, которые занимались здесь своими бестолковыми обрядами, «истинные» стащили в одно место, чтобы они не мешались под ногами, и не заливали пол кровью. Стальной рог Никто тоже уже был отделён от тела, хоть и не так легко, как казалось, и не обойдётся без новых повреждений на голове. Он уже не

светился, и снова выглядел как обычная сталь, хоть и довольно причудливой формы, и находился теперь за поясом суккуба, захотевшей сохранить его на память.

— Так вот, как ты выглядишь на самом деле, — тихо произнесли сёстры, вновь посмотрев на статую.

— Тоже... всего лишь тело, — слабо улыбнулся Никто. — Тлен.

Он сидел у ног статуи, прислонившись к ней спиной. На вид, и на ощупь, её поверхность напоминала пористый камень. Могло даже показаться, что это настоящее тело, просто окаменевшее, или каким-то образом мумифицированное. Временем или чьими-то руками. И, в общем-то, именно так оно и было, но об этом знали лишь Никто и, с недавнего времени, сёстры. И даже служители этого древнего культа, не покидающие своих коридоров, не знали истинного значения этой «статуи», проводя возле неё свои обряды и ритуалы.

— Пора заканчивать начатое, — произнёс Никто, видя, что сёстры оттягивают время. — Мне пора.

— Да, — ответили они с грустью в голосе.

— Рад, что повстречал вас, в этом пути. Надеюсь вы, вместе с «истинными», всё же найдёте свой новый... старый дом. Прощайте, необычные дочери... необычного отца.

Сёстры молча поцеловали его в лоб, не сдерживая внезапно нахлынувший порыв, а затем произнесли:

— Пусть наш свет озаряет твой путь во тьме, Сын Зари.

Лицо Никто искривилось в подобии широкой улыбки, насколько это позволяли увечия.

Отойдя на безопасное расстояние, и сказав остальным держаться подальше от алтаря, суккуб помедлила ещё некоторое время, глядя на Никто, а затем открыла портал, разверзшийся под «статуей».

* * *

Частички пепла налипли на окне кофейни, расположенной на крыше высокого здания. Так же, как и посетители, этот пепел был свидетелем того, как внезапно открывшийся портал над Котлом, выплюнул из своего чрева две фигуры, устремившиеся вниз.

Вначале ничего не происходило. Разве что, в окружающем пространстве нависла вдруг оглушающая тишина.

А затем, всё в той же тишине, по стенкам Адского Котла побежали трещинки. Сперва маленькие, еле заметные, они, однако, быстро увеличились в размерах, и вскоре перекинулись на землю, распространяясь всё дальше и дальше.

* * *

Откуда он знал, что его первоначальное тело, попавшее в Котёл вместе с частью его сознания, причинит какие-то разрушения? Что его, высохшая в камень, плоть, низвергнутая в эти пустынные земли в те времена, когда ни города, ни самого этого Котла ещё даже не существовало, способна изменить привычный ход вещей?

Откуда он был так уверен, что эта жертва принесёт хоть какой-то результат?

Ниоткуда. Единственное, что он знал наверняка, что даже если Ад и не прекратит своё существование, то его безумный «Правитель» уж точно перестанет существовать.

И этого знания ему было достаточно. Так, или иначе, он всё же нашёл способ сбежать из своей темницы. Пусть и уничтожив при этом самого себя.

Не нужен мне твой рай, отец небесный,
И ада пламенем ты не пугай меня.
Своим путём иду я в бесконечности вселенной.
Никто из ниоткуда. В никуда.
Больше книг на сайте - Knigoed.net